

Орёл

Змея

Resurrectra

Орел и змея — С: Народный перевод Гарри Поттера, 2004. — 122с.

ISBN not allocated

Harry Potter, names, characters and related indicia are copyright and trademark of Warner Bros.™ 2000. Harry Potter publishing rights copyright J.K Rowling, 1997. Based on the J.K Rowling book series. English title: Aquila and Snake.

This book in part or in whole can not be sold, purchased, rented or distributed on any other commercial basis.

Это произведение написано по мотивам серии книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Данная книга, частично или полностью, может распространяться только бесплатно. Купля-продажа и возмездный прокат запрещены.

Не рекомендуется лицам моложе 15 лет.

© **Resurrectra**, resurrectra@mail.ru , 2004.

© Оформление. Народный перевод Гарри Поттера, 2004.
Впервые опубликовано онлайн в 2004 году.

® Вёрстка. Ombro, 2004

Народный перевод Гарри Поттера
www.honeyduke.com или www.yarik.com (официальное зеркало)
Электронная почта: mail@yarik.com

Глава I. Alia Tempora

Я оглядываюсь назад и думаю — стоила ли моя жизнь хоть чего-то? Чего я добилась? Куда пришла? Зачем я осталась одна именно сейчас?

Я не хотела покидать наше поместье под Глазго. Я кричала и упиралась, когда дворецкий и нянька Бесси тащили меня к камину. Я боялась не разлуки с отцом и братом. Я боялась людей. Именно они, такие непохожие, разноцветные, крикливые — поражали воображение ребенка, который первые 10 лет своей жизни просидел взаперти и общался лишь с семьей и слугами.

И с Айри, моим ручным ястребом. Он ждал меня каждый вечер в саду после охоты.

Айри со мной разговаривал. Кроме меня, его не слышал никто. Он поведал мне о том, что за воротами поместья, за высоким забором, мир огромен и прекрасен. Там много детей, таких же, как я. Айри сказал, что где-то среди этих детей есть мой ДРУГ. Что он ждет меня, уткнувшись в подушку по ночам и, водя пальцем по шерстяному одеялу в клетку. Ждет, рисуя ивовой палочкой узоры на песке. Ждет и смотрит в туманное, холодное валлийское небо.

Я спросила — как его зовут, Айри?

Айри ответил — Орел.

Я рассмеялась — наверное, ты говоришь о себе? Но ты зазнался, Айри, ты не орел, ты ястреб. Да, конечно, ты мой друг.

Тогда он расправил крылья и снова улетел в лес за добычей. Он всегда был голоден.

Он говорил со мной, но говорил мало, и никогда не открывал самого интересного.

Однажды вечером меня не пустили в сад. Вместо этого отец посадил меня за стол в гостиной, оторвав от игрушек, и сказал:

— Бесси и Лида помогут тебе собраться. Завтра ты уезжаешь.

— Папа, — сказала я, чуть не плача, — зачем мне уезжать? Разве ты больше не любишь меня?

— Нет. Тебе пора ехать в школу, учиться с другими детьми.

...Истерика не прекращалась ни в тот вечер, ни на следующий день, ни на вокзале, который кричал и пыхтел на меня неизвестными доселе запахами и звуками. Я хлюпала носом, и жалась к папе, как затравленный зверек.

Меня посадили в купе и заставили поднять самый большой чемодан в багажник под потолком. Когда я спустилась, в купе уже никого не было. Ни в вагоне, ни на платформе. Лишь толпа, пестрая и пугающая — люди, кошки, совы....

Они бросили меня. Бросили в тот день раз и навсегда. Но почему — это мне предстояло еще узнать и осмыслить.

Потом я сидела у окна и чувствовала, как меня покидает надежда. Прислонившись к стеклу, проливая слезы на дорожную кружевную блузку и на юбку-шотландку, я думала, что несчастнее меня нет никого на свете.

А потом кто-то тронул меня за плечо. Я повернулась и увидела платок. Платок, который я, живя в поместье, приняла бы за тряпку и побрезговала прикоснуться. Но я схватилась за него, как за спасительный канат.

Тот, кто протянул руку, улыбался.

Мои глаза — пусты. Я — заключенная в тюрьме своих мыслей. Я пленник своего одиночества. Какое это, оказывается, увлекательное занятие — заниматься моральным мазохизмом!

— Ты чего плачешь?

«Да что ты так смотришь на меня, как тебе не стыдно!» — «Садись тут, поговори со мной, мне так плохо...»

— А я Крис, — сказал он, не дождавшись ответа на свой вопрос. За его спиной возник нескладный рыжий мальчик с лицом, усыпанным веснушками. На руках у него балансировала неустойчивая горка сладостей в ярких упаковках.

— Сейчас все без тебя съедим, — отрапортовал он.

Наверное, любой бы предпочел шоколадные лягушки рыдающей дуре!

И он ушел. Но свой грязный платок забыл. Фи — я пришла в себя и отбросила его на мягкое сидение. Тряпка.

Теперь они казались мне серыми, как жаль... Все не разноцветными, не яркими, а такими невзрачными и глупыми...

По шуму, доходившему до меня, я поняла, что в поезде весело, и только я сидела одна в купе, несмотря на то, что остальные были переполнены. Это подхлестнуло меня еще больше, толкнуло новой волной к сладкой, замечательной жалости к себе. И даже то, что я увидела в коридоре через открытую дверь знакомое лицо, меня не спасло. С этой девочкой, кажется, я уже встречалась, давно, в детстве, она приезжала вместе с отцом в наше поместье. Нас отправили играть в сад, я дала ей свою куклу, пока наши отцы говорили о чем-то непонятном в гостиной, сидя в креслах у камина, и Лида подавала им вонючий напиток в стаканах, колыхавшийся на самом дне, и они пили его, наверное, час, неописуемо маленькими глотками, и, кажется, им даже нравилось. Не самую лучшую куклу, но все-таки, по-моему, она ей понравилась, и была трижды одета в разные платья и снова раздета, а также поменяла прическу и шляпку.

— Кэти, — позвала я.

Она заглянула в купе и непонимающим взглядом окинула мое лицо, блузку, даже увидела грязный клетчатый платок.

А потом ее потянула чья-то рука, обладатель которой был скрыт зеркальной дверью, но я, конечно, сразу подумала на того мерзкого рыжего мальчика с веснушками, и она тоже скрылась...

* * *

Я испугалась Хагрида. Конечно тогда, я не знала, ни как его зовут, ни кто он такой, а лишь то, что это дикое немытое, нечесаное чудовище возникло на платформе, когда я выходила из поезда, и чуть не прихлопнуло меня руками, размером с лопату каждая, которые летели по воздуху друг другу навстречу, чтобы столкнуться и издать звук, привлекающий внимание первоклассников.

Помнится, я тогда подумала, что в Хогвартс все такие страшные. Впрочем, разве я ошиблась?! Ведь не всегда дело во внешности.

Потом нас провезли по озеру в самоходных лодках, я сидела в одной с тремя девочками, две из них явно были близкими подругами, и перешептывались не переставая, и сдали высохшей немолодой женщине с длинными пальцами и морщинистым лицом.

Я помню этот день как нечто физическое, я ощущаю его, все воспоминания о нем отличаются от других, более ранних воспоминаний детства, состоявших из запахов, вкусов и цветов, преимущественно тусклых. Нет — это состоит из эмоций, из ощущений, из движений. Первый раз за день, после непрерывного разочарования и страха, я почувствовала нечто, похожее на радость — когда увидела, как много людей, как много света в огромном зале, может быть, среди них есть хоть кто-то, кто заметит меня?!

Вы слышали когда-нибудь, как поет шляпа? Да-да, потрепанная, старая как мир шляпа пела хриплым голосом, причем с шотландским акцентом! Огры после попойки поют лучше, потому что их хоть забавно слушать. Все молчали, притворялись, что нравится, наверное. А минутой раньше они спорили, кто в какой факультет попадет. Я не понимала разницы между ними, я просто хотела туда, где был папа. Он сказал мне, что и мама там была, но я не помню маму. От мамы в голове остался только шлепок по затылку, когда мне было полтора года, много цветов на земле, и неподвижное белое лицо. Однажды папа плакал, я больше никогда не видела, чтоб он плакал, а потом мамы больше не было. Были только цветы и лицо. А потом вообще ничего.

Сухая женщина стала называть всех по именам. Оказывается, эту шляпу надо было примерить. Ты выходишь, садишься на табуретку, надеваешь ее и она называет факультет. Кэти опять посмотрела на меня, когда уселась на табуретку, но, наверное, все равно не узнала.

Шляпа отправила ее в Гриффиндор. Потом были другие, не нужно вспоминать, кто и в каком порядке... Третья девочка из тех, что плыли со мной в одной лодке — та, которая молчала, — оказалась Тиной Бредфорд. Шляпа отправила ее в Слизерин.

— Фоусетт, Кристофер!

Мне он понравился, я не знала, ненавидеть его за то, что ушел, или любить за этот платок. Ненавидеть не хотелось. Хотелось учиться с ним в одном классе, сидеть за одной партой, чтобы можно было потрогать его за эти белые волосы и узнать, настоящие ли они.

— Рейвенкло! — сказала Шляпа.

Он обрадовался? Да, он обрадовался.

Я ждала, наверное, еще тысячу лет, пока наконец не услышала:

— Нотт, Селена!

Почему они так на меня посмотрели, когда услышали мою фамилию?

— Я хочу в Слизерин! — сказала я шляпе.

— Зачем? — спросила шляпа.

— Я люблю папу.

— Ты очень умная и талантливая.

— Ну и что. Я люблю папу. И он хочет, чтобы я была в Слизерине, — отозвалась я голосом, не терпящим возражений.

— Слизерин! — покорно объявила шляпа, и мне показалось, что она вздохнула, а когда я снимала ее, я услышала далекое и затухающее, — Смотри не пожалей....

Противного рыжего мальчика распределяли последним. Оказалось, его фамилия Уизли. И более того, «его» оказалось двое, и я не вполне была уверена, кого из них я увидела в поезде — оба были совершенно одинаковыми, с одинаковыми ухмылками на простоватых веснушчатых лицах, в одинаково потрепанных мантиях, с одинаково длинными руками и одинаково неуклюжими телами....

Я села за стол рядом с Тиной Бредфорд. Мальчик напротив сразу же уставился на меня как коллекционер на антикварный подсвечник со двора королевы Елизаветы. Все лица в глазах странно искажались, и казались мне неопишимо уродливыми. Но для мальчика напротив это уже было лишним. Он напомнил мне тролля из детской иллюстрированной книжки с движущимися картинками. Разве что цвет лица был не зеленый, но два зуба торчали из-под верхней губы и настойчиво покусывали нижнюю. К моему удивлению, он принял как знак внимания то, что я его разглядываю, и улыбнулся мне. Такая улыбка разве что в кошмарах может присниться.

— Приветик! — сказал он таким хриплым голосом, что мне показалось — несчастный подавился, — Тебя зовут Селена?

Я кивнула, сильно подозревая, что мои брови уже давно поднялись так высоко, что скрылись где-то под челкой.

— Я Маркус, — представился Тролль, — Я на третьем курсе.

— А я Кристина, можно просто Тина, — сказала соседка, внезапно оживившись. Похоже, она старалась понравится Троллю — может быть знала о нем что-то, чего не знаю я? Впрочем, объяснение всплыло через пару минут...

Когда все заняли свои места, и мерзкие рыжие отправились к гриффиндорцам, заговорил директор. Я не слишком внимательно слушала. Я разглядывала своих соседей по столу и будущих соседей по жизни.

— Мне не терпится скорее увидеть квиддич! — поделилась Тина, очевидно, обращаясь ко мне, однако глядя исключительно на золотые блюда, с которых она накладывала себе еду.

Маркус гордо выпятил грудь:

— Я догоняла в команде! И на следующий год стану капитаном! А может быть даже в следующем семестре.

Я еле удержалась, чтоб не засмеяться — какой этот Тролль забавный! И какой воображала.

Тина, однако, увлеченно смотрела ему в рот, при этом от нескрываемого уважения широко раскрыв свой.

Когда с обедом было покончено, префект повел нас туда, где мы должны жить. Помещение находилось в подвале, и там было холодно. И ни одного окна — вот это поразило меня больше. Гостиная была болезненно зеленой. Зеленый бархат на столах, зеленые покрывала на диванах, и зеленые лампы, заливавшие все странным, потусторонним светом. Стены были из необработанного камня, и казалось, что по ним вот-вот начнет сочиться вода. Из гостиной вглубь подземелья уходил длинный коридор, по бокам были двери, ведущие в спальни.

Портрет, висящий на входе, хлопнул по стене, и в подвал неспешно зашел высокий человек. Он был средних лет, с длинным крючковатым носом и очень умными темными глазами, которыми пристально оглядывал всех первокурсников в течение нескольких секунд.

Префект вытянулся по стойке смирно.

— Добрый вечер, профессор, — сказал он, и это прозвучало как «рад служить, ваше превосходительство!»

Тот не ответил старосте, зато обратился к нам:

— Очень хорошо, замечательно, — сказал он, — Рад видеть вас здесь. То, что сказал вам директор, можете пропустить мимо ушей. Зато должны запомнить раз и навсегда то, что скажу я. Вы попали в Слизерин, здесь не место слабакам. Если вы хоть раз посрамите честь факультета, будете отвечать передо мной! — последнее прозвучало довольно грозно, и заметив, что напугал некоторых, он более мягко добавил, — Рад был познакомиться... Спокойной ночи.

— Это еще кто? — не удержалась я, и девочки покосились на меня как на прокаженную.

— Это наш декан! — с гордостью сказала одна из них, — Профессор Снейп!

— Он всегда такой злой?

— Злой?! — удивилась Тина, — Он хороший, он любит своих студентов. Просто он, наверное... строгий?

Глава II. Noli me tangere

24 сентября.

Отличная погода для того, чтобы потренироваться. Я специально уже третий день встаю рано утром, но сегодня, конечно, мне больше всего повезло с погодой. Зря Роджер так пренебрегает мной, уж я ему покажу, на что способен! Через неделю отбор в команду. Если я туда попаду, все девочки в меня сразу повлюбляются... Хехе... Я стану популярным прямо как Роджер, на него все так и вешаются!

Кстати, странный случай со мной произошел — взял вчера метлу у мадам Хуч, вышел на поле в семь утра, а там на трибуне сидела девчонка. Причем без обмундирования, и тренироваться не собиралась, просто сидела и все. Смотрела, как будто ничего не замечая.

Я ее видел в зале часто, кажется, она из Слизерина. Может быть, я даже с ней разговаривал, честно, сначала не вспомнил. У нее волосы очень красиво рыжим отливают на солнце. Глаза зеленые. И все время такая задумчивая, просто кошмар, как можно все постоянно быть в депрессии? А еще мне запомнилось, что ей почту приносил пару раз ястреб, вот это да! Никогда раньше ручных ястребов не видел. Ну конечно, и совы тоже летали, но в основном из школьных, со всякими записками, газетами. А вот почту приносил этот ястреб. Мда...

Понятное дело, я к ней не подошел — я подлетел, чтобы было эффектнее. И тут увидел — плачет. Не рыдает, не дрожит, просто сидит и слезы льются.

Слава Богу, у меня в кармане платок был, я его тут же этой девчонке подал, ну надо же было хоть что-то делать! И она сказала... нет, я просто чуть не расхохотался!

Я, говорит, скоро коллекцию соберу из твоих грязных платков, Крис.

По имени назвала!!! Откуда она знает, ведь мы всегда на уроках с хаффлпаффцами, со Слизеринком никогда не было ни одного занятия вместе.

И тут я вспомнил, где я с ней разговаривал. Год назад, когда в школу ехал в первый раз, она точно также сидела в купе и плакала. Но тогда Фред меня позвал, и я ушел, воспользовался поводом, а то мне было ужасно неловко — терпеть не могу, когда девочки плачут.

А здесь деваться мне было некуда! Не могу же я, просто увидев, что она делает, взять да улететь! Я же не совсем еще хам! Так что пришлось расхлебывать...

Пришлось сесть с ней, поговорить, но я не спрашивал, что у нее стряслось, наверное даже не из вежливости, а потому что мне показалось, что у нее такой стиль жизни, такое состояние духа — все время плакать и страдать. Мда, ну что я могу сказать... люди разные бывают, а девочки вообще порой себя странно ведут. В результате рассказал, как на последнем занятии я Флитвика случайно отправил в полет по аудитории и его потом всем классом с потолка снимали, к которому он намертво прилип после того, как налетелся... Но он меня даже не оштрафовал, Флитвик своих любит (этого я ей не говорил, это я так, к слову). И она даже улыбнулась. И вообще, мне кажется, или она специально на поле пришла, чтобы.... нет, наверное, она там, как все, Роджера дожидалась... Эх, в лепешку расшибусь, но в команду попаду! Может, тогда я ей понравлюсь, а не Роджер? Нет. Дурацкие мысли. Она ведь вообще мне не нравится, и вообще она в Слизерине... Чего это я?

Так, ладно, закругляюсь. Побегал я на зелья. Ух, как Снейп меня сегодня прищучит! Кстати, слышал эта девчонка у него в любимицах ходит... Эх, вот везет же... Кстати зовут ее Селена, только фамилию не знаю.

* * *

В тот день была ужасная погода, небо покрывало лес как саван — тяжелое небо цвета яичной скорлупы.

Утром мне не спалось. Тина и Джаде посапывали в кроватях как щенки — довольно жалостливое зрелище. Я решила выйти из спертых воздуха комнаты, а потом еще из давящего холода подземной гостиной — и так попала наружу. Мне захотелось присесть, и единственным возможным местом для того, чтобы сделать это более-менее комфортно, ничего себе не натерев и не отморозив, мне представилась трибуна на поле для квиддича.

Нет ничего более приятного, чем сесть в одиночестве, зная, что никто не потревожит, и об этом самом одиночестве думать, что-то вспоминать, колоть орехи памяти щипцами самокритики. Хотя тогда я не называла процесс пережевывания умственной жвачки такими

витиеватыми эпитетами. Просто целенаправленно вдалбливала себе, что никому не нужна, и никто меня не любит и получала от этого колоссальное, всеохватывающее, безразмерное удовольствие.

И надо же было ему явиться именно в тот момент, когда мне меньше всего хотелось кого-либо лицезреть. Он опять увидел, как я плачу — некоторые вещи неизменны, обреченно подумала я, история всегда ходит по кругу... или по спирали... не помню, что-то слышала, по чему-то там она ходит... Опять предложил мне платок, который и на этот раз, надо сказать, особой чистотой и свежестью не отличался. Говорил глупости, полный вздор. Я послушала его и улыбнулась: он приободрился, гордо выдвинул вперед грудь и подбородок — видимо, решил, что мне нравятся его шутки, хотя на самом деле он был так забавен лишь в этом слепом и туповатом стремлении добиться обожания.

За завтраком Тина размахивала ложкой, забрызгивая всех окружающих кашей и рассказывала всем девчонкам, которые соглашались слушать, что Маркус в нее по уши влюблен, и что прислал любовное письмо. Джаде хихикала, причем довольно невинно и вежливо, но Тине-то было невдомек, что это Джаде испытывала перо, подделывающее почерк, а содержание письма обговаривалось в течение полутора часов с хохотом и визгами в нашей спальне при участии Ламии с третьего курса. Мне захотелось дать Джаде хорошую затрецину, но как раз в это время пришли Люк и Сид, сели по обе стороны от меня, и девочкам пришлось замолкнуть и заняться своей кашей.

А я бросила взгляд на учительский стол — профессор Снейп как раз вымученно намазывал гренку тонким слоем масла. Я улыбнулась ему, он кивнул в ответ. Почему-то в этот момент он напомнил мне папу и опять захотелось плакать. Папа писал мне раз в неделю, как по расписанию, и летом я ездила домой. Но что-то изменилось, что-то повернулось бесповоротно, и стояло между нами как кирпичная стена, увитая ядовитым плющом...

* * *

Вопиющая несправедливость — в том, что столь талантливый ребенок вынужден учиться в одном классе с бездарями и болванами, которые не отличают женьшень от укропа!

Но разве я могу что-то предпринять? Разве что я помогу развить ее талант, занимаясь с ней дополнительно? Постараюсь найти время. Иначе он может быть задавлен в столь хрупком и несовершеннолетнем 12-летнем возрасте.

Ей определенно не повезло с окружением! Идиот Флинт крутится рядом без конца, безмозглый болван... Не понимаю, на что он претендует, девочке всего двенадцать и похоже, она ни с кем не желает общаться тесно.

Тина Бредфорд — тот еще фрукт, мамаша верстает «Ведьмополитен», а отец — страшно произнести — заместитель главного тренера «Дружной Лужи»! Остается только удивляться, откуда у мисс Бредфорд такие амбиции при мозге питекантропа и внешности муравьеда обыкновенного.

Кто еще? Ах да, Джаде Найт. Не устаю удивляться — какое несоответствие красивого имени и нулевых способностей к учебе. Сборище болванов! А Блечли и Монтегю! Сердце кровью обливается, когда эти громилы садятся за обедом по обе стороны от нее. Как же она терпит такое общество? впрочем, о Великий Шотландец — нет, она не терпит. Она на них просто не обращает внимания, потому как ей ВСЕ РАВНО. Вот что меня больше всего беспокоит — ее замыкание в себе. Она не верит в собственные силы, ума не приложу, почему. Постоянная отрешенность, молчаливость, перманентная позиция «не тронь меня», слезы без причины. Не переносу когда люди плачут, нет более мерзкого зрелища. Но ее слезы вызывают не отвращение, а жалость. Тысячу раз говорил Эвану, что это изуродует его дочь — держать ее взаперти, скрывать от всего окружающего мира, как редкую драгоценность, ведь рано или поздно девочку все равно пришлось бы отправить в школу. А он неизменно отвечал, что самые прекрасные цветы выращивают в теплице. Одно забыл — что цветок из теплицы, пересаженный в поле, может погибнуть.

Все они — безмозглые болваны!!!!!! НЕ УСТАЮ ЭТО ПОВТОРЯТЬ!

24 сентября 2 часа пополудни

профессор С. Снейп

* * *

В октябре профессор Снейп предложил мне заниматься с ним дополнительно. Вернее не предложил, а скорее потребовал. Когда я спросила почему, ответа не последовало, но теперь-то я знаю, что он считал меня талантливой и хотел помочь мне реализовать себя, хотел обо мне позаботиться... Просто профессор никогда не хвалит других людей вслух, как бы хорошо он к ним не относился — такая уж черта характера. Он скорее съязвит и заставит таким образом почувствовать себя бездарем и поэтому взяться за занятия с тройной силой, чем... В общем, я согласилась, как же иначе? И с тех пор два раза в неделю я приходила в подземелье вечером и покорно смешивала имбирь с толченым папоротником, резала корень укропа, и измельчала сушеных тараканов... Мечта отрастить длинные красивые ногти, как у Джаде, быстро стала недостижимой — потому что если бы я их не отстригала, то никакое очищающее заклинание не помогло бы мне вычистить из-под них грязь.

С Крисом Фоусеттом я после этого не разговаривала до самого Рождества. Иногда он бросал на меня взгляды в зале, но когда его приняли отбивающим в команду Рейвенкло по квиддичу, он слишком увлекся собственной популярностью, чтобы замечать девочку-которая-все-время-плачет...

Лишь однажды, когда профессор Снейп раздал нам списки предметов по выбору на следующий год и я углубилась в размышления о том, стоит ли ходить к этой, по слухам, совершенно ненормальной профессорше Трелони, или может быть предпочесть изучение магической медицины, я почувствовала, что кто-то стоит за спиной. Это был Крис, наглый и довольный, который с интересом смотрел, какие предметы я пометила галочкой.

— Бери маггловедение, — сказал он мне безо всяких приветствий и предисловий, — Я вот записался, это интересно.

— Маггловедение?! — послышался негодующий голосок Ламии, — Да на кой черт ей нужны эти паршивые маглы? Иди-ка своей дорогой, умник, без тебя решит.

Крис не снял улыбки с лица и ничего не сказал, но от слизеринского стола все же отошел.

Я дождалась пока Ламия пережует своими белоснежными зубками вторую порцию черного пудинга, манерно снимет с шеи салфетку, и уйдет восвояси, покачивая бедрами, и, спрятав пергамент под столом и воровато прикрывая его ладонью, я пометила маггловедение галочкой.

Подняв голову, я встретила взгляд Тины. Она все видела. Но, к моему удивлению, не упрекнула, не скривилась от отвращения, а демонстративно достала свой, вычеркнула гадание по рунам и тоже пометила маггловедение.

Я была счастлива. Мне кажется, именно в этот момент мы действительно подружались.

Так вот, Рождество... Вся моя жизнь шла размеренно и однообразно, и каникулы никогда ничего не меняли... Но эти — эти изменили всю мою жизнь раз и навсегда.

Глава III. Timere serpens

На Рождество я всегда получала много подарков, чаще всего — бесполезных и дорогих безделушек. Тот год не был исключением.

Утром я проснулась в своей комнате в поместье и не сразу сообразила, где нахожусь. Между тем в памяти смутно всплыл поезд, потом — как на вокзале меня встретила Бесси и с помощью дымолетного порошка мы отправились в Глазго. Папы дома не было. Меня накормили обильным ужином, который состоял из индейки с сыром, мясного пирога, супа из спаржи и моего любимого десерта — персиков в белом вине. Но мне кусок в горло не лез. Очень хотелось побыть с папой, ведь он казался мне единственным живым и теплым человеком в доме, а остальные — бездушными куклами.

Ожидая его, я весь вечер просидела у камина в огромном кресле, и, видимо, там и заснула, а потом дворецкий отнес меня наверх, в детскую.

Ноги мне придавила внушительная горка подарков. Я, не долго думая, принялась их разворачивать, начиная с самых больших и громоздких. Ну а бумагу, ленты, бантики и шнурки я бросала на пол...

Там было много новых нарядов — клетчатый шерстяной костюм двух цветов, которые я больше всего люблю в сочетании — темно-бордового и болотно-зеленого, две новые мантии на вырост, с уже вышитым на них гербом Слизера — причем фон герба был выполнен серебряными нитками, которые казались на ощупь тончайшей проволокой; парадная мантия вишневого цвета, еще несколько блузок, юбок (брюки в семье мне носить не позволялось), чулки, тонкие как паутинка, но заколдованные, чтобы быть невероятно прочными. Потом — куча сладостей, в том числе моих любимых щербетных шаров и мятных леденцов. А также новый телескоп с 25-кратным увеличением, несколько книг, среди них совсем неинтересные мне, и тут же отброшенные в сторону «Лечебные зелья» и «Как обнаружить и развить в себе экстраординарные способности: анимагия, телепатия». Обе прислал мне в подарок профессор Снейп. Еще пару — Тина, они уже были поинтереснее: «Косметические чары» и «Уход за ногтями и волосами: для любящей себя ведьмы» (а ниже была приписка — «а также советы по выведению усов, прыщей, рогов, бородавок, бороды»).

Потом разные мелочи, вроде заколок для волос (одну из них, украшенную александритом, я отложила в сторону, чтобы потом надеть), пара павлиньих перьев для письма... Ну и наконец, изнывая от усталости, вызванной тяжким проделанным трудом, я добралась до самой маленькой коробочки — последней, в которой обнаружила удивительно красивое золотое кольцо в виде змейки с глазами-изумрудами. Она положила продолговатую голову на изогнутый хвост, и таким образом как будто действительно обвивалась вокруг пальца.

— Это от меня, — сказал кто-то из дальнего угла.

Проснувшись, я и не заметила, что там кто-то стоял из-за того, что противоположная часть комнаты была залита ярким солнечным светом, который врывается через аркообразное окно. Но по голосу я узнала.

— Патрик!!! — закричала я и, босая, вскочила с постели и бросилась брату на шею. Он крепко обнял меня и оторвал от пола.

— А ты соня, — сказал он, посмеиваясь, — Я приехал уже два часа назад.

Мой старший брат, Патрик Юджин Малис, в том году отпраздновал свое 25-летие. Все, что я точно и бесспорно знала о нем — это то, что когда-то давно он закончил школу магии Дурмштранг и то, что из-за своей работы он приезжает домой всего на неделю-другую каждый год. Об остальном я даже не задумывалась. Патрик всегда казался мне самым красивым мужчиной на свете... Нет, почти всегда... Ведь времена меняются.

Его волосы цвета меди всегда ярко блестели и так красиво обрамляли мягкое лицо с немного женоподобными, но изящными чертами. Глаза его всегда были выразительнее, чем мимика — ему не нужно было хмуриться или усмехаться мускулами лица — глаза все делали за них.

Он был небольшого роста, худощав, но очень силен — по крайней мере достаточно силен, чтоб без усилий поднять меня, двенадцатилетнюю и покачать на руках, как младенца.

Я обхватила его руками и ногами, словно клешнями, и никак не хотела отпустить.

— Эй, гляди, а ведь у тебя остался еще подарок! — сказал он с той же усмешкой в глазах и я все-таки отпустила его: детская жадность и любопытство победили.

— Где?! — спросила я, озираясь. Патрик пошарил в складках одеяла и достал оттуда шерстяное кашне темно-синего цвета. Я с удивлением посмотрела на брата:

— Это тоже от тебя?

Он помотал головой, явно немного оскорбленный — шарф был не новый, без упаковки и даже не слишком чистый.

— Это Айри тебе утром принес. Не надо его в окно впускать, в следующий раз он тебе на свежую кровать дохлую мышь бросит, чтобы похвастаться.

Между тем я задумчиво взяла шарф в руки, оцупала его и вспомнила, что где-то и на ком-то уже видела. К удивлению брата, я поднесла его к носу и вдохнула. От него пахло лимоном, ветром, снегом... И живым человеком...

Похоже, Айри сорвал его с кого-то и принес мне — принес не просто так.

* * *

Историй много... Они похожие и разные... Джейкоб был единственным ребенком в сытой благополучной семье. Отец владел продуктовой лавкой, а мать, дородная женщина с добродушным лицом, не оставляла сына ни на минуту, и уделяла ему внимания даже больше, чем полагается. Она была неоспоримой главой семьи, все делалось и говорилось по ее велению, взгляду и взмаху руки. Отец с ней почти не спорил.

В шесть лет в руки Джейкоба вложили скользкую полированную скрипку и приказали научиться на ней играть.

Джейкоб не понимал, почему бы, например, папе не произнести заклинание, чтобы скрипка заиграла сама и издала, наконец, красивую мелодию в противоположность тем охам и визгам, которые Джейкоб воспроизводил на инструменте, играя вручную — ведь палочкой он пользоваться еще не умел...

Он ненавидел эту скрипку как самого заклятого врага и, судя по звукам, которые она издавала, скрипка отвечала ему взаимностью.

Через два года мороки мамочка наконец отказалась от мысли, что ее сын — прирожденный гений музыки и теперь румяный, толстый, холеный Джейкоб из великого музыканта должен был стать великим спортсменом. Вместо строгой дамочки в пенсне, которая била его по рукам линейкой, в дом начал приходиться грубый и неотесанный простак с таким же грубым и неотесанным именем — Джон Смит, и учил Джейкоба летать на метле и закидывать квафлы в его сложенные кольцом руки. Когда и это не далось Джейкобу, мамочка справедливо решила, что дело в его комплекции и посадила ребенка на диету: вместо жареного мяса, пирожков и конфет — овощной салат и обезжиренный творог. Через пару дней такой диеты он страшно озлобился, и отец, вздохнув и под нос посетовав на мамыны «идиотские маггловские привычки», напоил Джейкоба вонючей фиолетовой гадостью, произнес какое-то заклинание и мальчик стремительно начал терять вес.

Поскольку у папы в школе по колдовству и зельям всегда были тройки, то опыт вышел не слишком удачный: Джейкоб за какие-то пять недель превратился из румяного карапуза в тощего, кожа да кости, полумертвеца со впалыми щеками и маловыразительным лицом.

Таким образом, он остался неуклюжим и нескладным, хотя уже и по-другому. Между тем, мечтой Джейкоба, как любого другого мальчишки, было стать мускулистым, широкоплечим, восхитительным и привлекательным супергероем. Чтобы все боялись и тихо завидовали.

Люди говорят — опасайтесь своих желаний, ибо они могут сбыться. Его мечта тоже в каком-то роде сбылась спустя много лет, но за страшную цену и на самом деле вряд ли бы Джейкоб решил, что его желание стало реальностью, даже если бы вспомнил, о чем он мечтал, будучи ребенком...

В положенном возрасте его оправили в школу. Он учился всегда посредственно — не плохо и не хорошо, и никакими особыми заслугами не выделялся. Любимая мама скучала по нему, регулярно присылала домашнюю выпечку и сладости, а отец писал долгие, строгие бессмысленные наставления, которые Джейкоб не до конца понимал. Он не был особо общительным, но все же подружился с парой сверстников, таких же спокойных, тихих, из таких же благополучных семей среднего класса, в том числе и с девочкой по имени Мелисса, которую все называли Мисси. Мисси напоминала Джейкоба во всех привычках и повадках, словно сестра, даже внешне: такие же белесые волосы, светлые глаза и бледная кожа. Мисси была из маггловской семьи, но училась лучше Джейкоба и часто давала ему списывать. Он всегда делился с ней сладостями из дома.

Однажды они шли по коридору на урок защиты от Темных Сил. Джейкоб нес две сумки с книгами — свою и Мисси. Только что за обедом она сказала ему, что он лучший друг, который у нее когда-либо был, и Джейкоб был счастлив.

— Ну и ну, спирахеда, даже от тебя не ожидал — таскать вещички этой грязнокровки! Если уж устраиваешься в слуги, то поищи себе более знатную семью. Типа моей. Мне как раз нужен кто-нибудь, кто будет начищать мне ботинки, — раздался насмешливый голос позади них.

Джейкоб с готовностью обернулся и посмотрел на обидчика, которого уже узнал по голосу. То был Эван, рослый и сильный семиклассник, префект факультета Слизерин. Он никогда не упускал случая, чтобы посмеяться над детьми из простых семей, покичиться своим «знатным» происхождением. Больше всех он ненавидел магглов и их детей, которые волей случая обнаружили в себе магические способности и оказались в Школе Волшебников.

Мисси дернула Джейкоба за рукав, — мол, идем, не обращай внимания, но Джейкоб не мог оторвать взгляда от наглой самодовольной физиономии Эвана. Он непроизвольно сжал кулаки. Эван, между тем, продолжал говорить гадости, и рядом стояла его подружка и хихикала, и смотрела ему в рот.

— Что уставился? Хочешь о зарплате поинтересоваться? Ну тебе на жрачку хватит, может потолстеешь на пару килограмм, а? А то ветерок подует, ведь унесет же тебя, спирахеда.

Джейкоб, не вполне понимая, что делает, рванулся вперед, и рукав мантии, за который его пыталась удержать Мисси, затрещал и порвался. Эван был на пять лет старше него и в два раза сильнее, но поскольку удар был неожиданным и пришелся аккуратно в живот, Эван не успел среагировать и повалился на землю. Его подружка завизжала, Мисси же стояла, открыв рот и зажав во все еще протянутой вперед руке кусок черной ученической мантии. Джейкоб сел на своего противника сверху и принялся наносить ему удар за ударом, по лицу, по шее, в грудь, не разбирая, куда бьет. Впоследствии никто другой, ни он сам не мог объяснить, откуда взялась такая невероятная ярость в таком спокойном человеке как он. Только молодая учительница по предсказаниям объявила своим ученикам на занятии что, дескать, «несчастному Джейкобу был дарован знак свыше».

В общем-то, когда Эван наконец пришел в себя от первого шока и попытался дать сдачи, уже сбежались на визг учителя и растащили их. Оба были покрыты кровью — кровью Эвана. Джейкоб не получил толком ни одного удара и не заработал ни одной ссадины. Обоим назначили исправительные работы и с их факультетов сняли по 100 очков.

Это, пожалуй, было единственным из ряда вон выходящим событием, за всю школьную жизнь Джейкоба. Окончив школу, он несколько лет помогал стареющему отцу в лавке, и все это время мама уговаривала его истратить то, что они скопили для него в подарок и поехать в путешествие.

Она сказала, что будет очень счастлива, если Джейкоб сделает что-то себе в радость, ведь он — ее единственное любимое существо на свете! Он согласился и поехал в долгое путешествие по Европе...

Мать писала ему трогательные письма, продолжала присылать домашнюю выпечку... Отец все так же наставлял. В одном из писем, которое сова бросила ему прямо в суп, когда он сидел в кафе в центре Амстердама и спокойно обедал, мама, следуя своему обычному стилю, как бы между прочим сообщила, что хочет, чтобы он поскорее вернулся — ведь теперь настали беспокойные времена, объявился какой-то темный маг, пугающий народ и грозящий всем ну просто полным уничтожением! И что самые пугливые даже боятся называть его имя. Но конечно, министерские авроры точно поймут и накажут его по заслугам... Почувствовав, что мама чего-то не договаривает и, ощущая смутную тревогу, он отправился домой на поезде, по дороге сделав крюк и заехав к Мисси в Эдинбург. Он не предупредил о точном времени приезда, хотел сделать сюрприз. Дома ярко и приветственно горели все окна, и молодой и загорелый Джейкоб легкой походкой подошел к нему и с улыбкой открыл незапертую дверь...

Мама лежала в прихожей, открыв рот в немом крике, и ее тучное тело в цветастом халате неестественно изогнулось. Из коридора виднелась нога, торчащая из двери кухни, обутая в домашний тапок и знакомые спортивные штаны... Джейкоб застыл на пороге, почему-то подумав, что мама сделала восковую куклу — копию самой себя — и положила ее в коридоре.

Когда через несколько секунд он заставил себя к ней прикоснуться и понял, что это не воск, Джейкоб затрясся — мама мертва. Он не стал проверять, что с отцом, вместо этого, отбросив куда-то в потемки прихожей чемодан, он бросился на улицу, схватившись за голову и пытаясь унять дрожь, которая трясла его как напружиненного. Задышавшись, он повалился на колени перед домом и только сейчас заметил странное зеленое облако, которое повисло в аккурат над

петушком, украшавшим блестящую крышу — в этом облачке ему померещился череп с выползающей из него змеей. Закричав от ужаса, он упал на землю, чувствуя страшный, непонятный, панический страх перед своим видением...

В половине девятого утра, когда почти никто из сотрудников еще не пришел на работу, и в помещении стояла сонная тишина, в дверях Министерства появился молодой человек.

Под его водянистыми, ничего не выражающими глазами залегли синие круги, светлые волосы сваялись, одежда выглядела неопрятно.

Дежурный маг, сидевший в приемной внизу и уныло помешивавший свой утренний кофе, зевнул и посмотрел на визитера без особого интереса.

— Вы к кому? — индифферентно спросил он.

Юноша подался вперед и облокотился руками о стол, нажав на него с такой силой, что ножки жалобно скрипнули.

— Я пришел учиться на аврора, — выдохнул он в лицо дежурному.

Маг подумал, что либо ослышался — ну что ж, восприятие после бессонной ночи не бог весть какое, или что над ним шутят, или что мальчик сошел с ума — судя по его жуткому виду, так оно и есть.

— Что ты сказал?

— Я пришел учиться на аврора, — повторил юноша твердо, ни на йоту не изменив громкости своего голоса и интонации.

Теперь маг смотрел на него с жалостью, и снисходительно.

— Мальчик, ты бы...

— Кто там, Бенни? — рявкнул голос откуда-то сзади. Через секунду оттуда показалась сначала голова, а потом и человек целиком, высокий, смуглый, с длинными волосами.

— Эээ, Аластор, да тут молодой человек аврором хочет стать, — махнул рукой дежурный.

— Ну-ну, — отозвался смуглый, оценивающе оглядывая юношу, — Это к нам. Да. А зовут тебя как?

Мальчик с готовностью отозвался, и произнес свое имя твердо и без запинки:

— Джейкоб, сэ. Джейкоб Фоусетт.

* * *

Мы обедали вдвоем с Патриком — папа не приехал. Впрочем, только я была расстроена по этому поводу — брат скорее доволен. У него с папой всегда были натянутые отношения, так я считала тогда. Патрик был сыном мамы от первого брака, мама была старше папы — правда не знаю на сколько. До сих пор не понимаю, как я могла быть настолько не прозорливой и глупой, чтобы не понять, что это вовсе не натянутые отношения, а открытая ненависть. Патрик ненавидел его за то, чего папа может быть и не совершал — теперь никто не может ни подтвердить этого, ни опровергнуть. После обеда мы пошли прогуляться в заснеженный сад; в его дальнем углу была теплица, где выращивались разные сорта роз. Этой теплицей занималась дочь моей няньки Бесси, горничная Лида, в основном себе в удовольствие. Я не любила розы: сколько себя помню, обожала только нарциссы.

Патрик молчал; он то и дело прикасался к тому или иному цветку своими длинными тонкими пальцами и наклонял голову, чтобы вдохнуть запах, прикрывая веки, роняя рыжеватые девичьи ресницы на теплые щеки. Казалось, он старается о чем-то забыть.

— Твой подарок заколдован? — спросила я только для того, чтобы спросить хоть что-нибудь, поскольку знала, что кольцо не может быть не заколдовано, ведь существует стандартный набор заклинаний для ювелирных украшений: заклятье защиты от перелома, оберег от сглаза, косметические заклятья... Ничего особенного.

— Опасайся змеи настоящей, — коротко и непонятно ответил Патрик, не глядя на меня, мне стало не по себе.

— Тебе что — не понравился обед?

— Все в порядке, — отозвался он немного раздраженно, и посмотрел через стеклянную стену теплицы, как мне показалось, на ворота поместья.

— А где ты работаешь? — не унималась я. Брат наградил меня взглядом, который мог означать лишь одно — или ты замолчишь, или я тебе что-то отшлепаю.

Хотя какая разница где он работал, было ли мне до этого дело... Даже если бы я узнала, разве это могло бы изменить мое отношение к нему тогда?

* * *

Вечером, поникшая и расстроенная, я спряталась в ванной, но дверь не заперла в надежде на то, что брат придет утешать и жалеть меня.

У меня была отдельная ванная комната, смежная с детской. Она напоминала подводное царство — выпуклые водоросли и русалки на мраморных стенах двигались, колыхались, а когда бассейн наполнялся водой, под ее поверхностью появлялись призрачные морские коньки и разноцветные рыбки, раскрывались бутоны огромных ярко-красных цветов с мясистыми лепестками...

К вечеру надежда увидеть папу и провести с ним Рождество уже почти иссякла. Я чувствовала себя привычно озлобленной, раздраженной, будто я — одна сплошная язва. Руки с остервенением драли волосы щеткой. Клацая зубами и хмурясь, я посмотрела на себя в зеркало. Другого человека могло напугать до смерти то, что я увидела, но я даже не вздрогнула: мои глаза округлились, с век исчезли ресницы, глазные яблоки оккупировали всю территорию белка, а зрачки вытянулись, превратившись из круглых в продолговатые, приняв ромбовидную форму. Из рта показался длинный тонкий рассеченный надвое язык... И... Я несколько раз моргнула, отгоняя видение, и оно исчезло...

Но вот теперь появился страх. Сломая голову, как была в рубашке и без юбки, я бросилась в свою комнату, на ходу кидая в сторону щетку и шаря по столику в поисках заколки — той, что я отложила когда разбирала подарки, чтобы надеть потом. Не нашла. Странно, ведь она была там. И Айри сидел на подоконнике, теперь его тоже не было.

Волосы падали мне на глаза, когда я неслась в гостиную. Патрик сидел в кресле и с кем-то разговаривал. Этот кто-то стоял у потухшего камина, и что-то сдержанно объяснял, сложив руки на груди. Сердце замерло: папа! Высокий, черноволосый, в темной мантии — как раз он всегда носит такие. Вместо того, чтобы броситься на Патрика и закричать с паникой в голосе: как ты заколдовал кольцо?! — я чуть не разрыдалась от счастья и бросилась к отцу, «Папа, ты приехал!!! Папа!!!» но на полпути остановилась — ему на лицо упал тусклый свет и я поняла, что обозналась. С братом говорил не папа — это был профессор Снейп.

Глава IV. *Melioribus utire fatis*

Он замолчал и повернул голову в мою сторону, лицо его приобрело странное выражение — непривычно трогательное и рассеянное.

— А где папа? — до чего же глупая фраза сорвалась с моих губ; насколько глупая, настолько и естественная.

Мне не ответили.

Зашла Бесси и пригласила всех к столу, не преминув погрозить мне пальцем за мой бесстыдный «наряд», вернее его отсутствие.

— Юной мисс — одеться и причесаться! — фыркнула она.

В конце концов, спросить у профессора, что он делает в нашем доме, когда он приехал, зачем, и почему проводит Рождество не с семьей, а также расхвалить его подарки (которые, даже не успев хоть раз хрустнуть новеньким корешком, остались на самой верхней книжной полке чтобы рассыпаться в прах) — все это можно отложить на потом. Спешить было некуда и есть мне не хотелось. Даже персиков.

Где эта чертова заколка, авгур ей в ухо крикни?! Рука уже затекла, и я сжимала собранные в конский хвост волосы из последних сил. Попыталась поменять руку, но пара прядей выскользнула — ну вот, теперь опять причесываться. Как жаль, что не нашла эту заколку, она мне так подходила! Взяла наугад из множества других.

Столовавшие, как мне показалось, меня не дожидались. Однако сев за стол и бросив выразительный взгляд на Патрика, который, напялив на голову шутовской колпак с мишурой, чавкая, раздирал зубами индюшачью ногу, я заметила, что профессор к еде еще не прикасался. Похоже, Патрик уже успел испортить ему аппетит своей неаккуратностью, или он ждал меня?

— Селена! — гаркнула Бесси, стоя истуканом за моей спиной, и я почти физически ощутила, как она манерно скривилась от стыда. Ну ясно, за гостем надо поухаживать, я и сама могла бы сообразить! И на кой дракон в этом доме слуги?! Я положила профессору на тарелку кусок пудинга, ломоть печеной тыквы, картофельный салат. Потянулась к блюду с индейкой...

— Оставьте вторую лапку для брата, мисс Нотт, — сказал Снейп с мягкой усмешкой на тонких губах, — Похоже, ему очень нравится обглаживать конечности.

Патрик чуть не подавился моченой клюквой, а я еле сдержалась, чтоб не прыснуть, когда отрезала кусок грудки для профессора.

— Эээ... хммм... сэр, — прокашлялся Патрик, — Чем обязаны вашему приезду?

— Будто ты не знаешь, — отозвался он сурово и посмотрел на меня, — Впрочем не могу сказать, что этот визит настолько утомителен, насколько мне показалось на первый взгляд.

— А как же Ваша семья, сэр? — не удержалась я от мучившего меня вопроса.

Профессор Снейп остановил вилку на полпути ко рту и процедил нехотя:

— Я живу один.

Чертовски не рождественская беседа получалась. Даже когда Патрик извинился и, взяв сигару из коробки на краю стола, унес свое озлобленное лицо вон из зала, я себя легче не почувствовала.

— Спасибо за подарки, сэр.

— Они вам не понравились и Вы вряд ли пока к ним притронетесь, что жаль, — безжалостно констатировал профессор, сворачивая льняную салфетку, и я прикусила губу. Почему он всегда так суров? И откуда он все знает?!

— Вы мало едите, мисс, — шепнула Бесси. Как мне стало стыдно перед профессором!

Я шикнула на нее как змея, и пока нянька ловила воздух ртом от подобной наглости и подбирала подходящие ругательства, я встала из-за стола. Профессор тоже немедленно поднялся.

— Но все же... — начала я после неловкой паузы.

— Эван не придет сегодня, я очень сожалею, — перебил меня Снейп, и было ясно, что он не сожалеет ни капли.... «Нет, он точно знает ВСЕ!» — почему бы вам не отдохнуть? Уже поздно. Счастливого Рождества.

Требование — не предложение, не просьба. Я чрезвычайно сильно разозлилась, особенно на саму себя. Присела в изящном книксене и ушла в комнату. Что же можно сделать такого мерзопакостного? Я сняла туфли и босым бесшумным привидением спустилась в гостиную,

непонятно зачем прихватив с собой волшебную палочку. Камин горел и около него разговаривали.

— ...Глупый мальчишка. Ты ведешь себя так, как будто это тебе 12 лет, а не твоей сестре!

— Великий шотландец.... Это же просто безделушка! Девочки любят украшения, — выпустил дым изо рта.

— Ты принимаешь меня за идиота! Где Эван? Ты ведь знаешь это! Министерские ищейки пронюхивают всех кого подозревали хоть минуту! МОЙ дом уже перевернут вверх дном под благостными предложениями, хоть я там даже не живу. А если они обнаружат? Патрик, если найдут, ты — ТЫ хоть секунду подумал об этом?! — ударил кулаком об твердое.

— Я не понимаю зачем им это... — скрип стула, на котором раскачиваются как на качелях...

— Этот мальчишка, сын Поттера, он идет в школу в будущем году. Хотят уберечь свое драгоценное ископаемое. Может, он внушает этим простакам надежду, что они могут сохранить свои жалкие шкуры в безопасности.

— Северус, не размахивай руками, это не твой стиль... — сдержанный смех.

— Щенок! Помолчи! — как будто самому себе, — Он спрятал голову в песок как страус, он сбежал, чтобы в случае чего ответственность пала на дочь, — Шум отодвигаемого на кресла.

— На меня, Северус! Эван хочет изничтожить меня. А с ней они ничего не сделают, они же не полное отродье.

— Им до этого недалеко.

— Но со мной ничего не случится, потому что я обо всем позаботился. Лабораторию они не найдут, сейф тоже. Тем более что содержимое сейфа теперь там, где его будут искать меньше всего — на самом видном месте.

— Он тебя, а ты ее?

— Что за чушь! Я люблю Селену и хочу, чтобы она была счастлива! Она моя сестра в конце-то концов! Самый близкий че...

— Как можно самому близкому человеку дарить зло, Патрик Нотт?!

— Патрик Малис! Мне не нужна фамилия ублюдка! Ты не понял...

— Я все понял! И заткни-ка лучше глотку, лицемер! Пока я не прижег ее твоей сигарой.

Грохот захлопываемой двери. Вздох.

Вздох.

Тишина.

Ноги закованели.

Папа — спрятался?! Сбежал?! От кого, куда, зачем? А как же я? Зачем профессор называет Патрика лицемером и щенком и говорит, что он дарит мне зло? Патрик дарит мне любовь! Он же мой БРАТ!

Где Айри? Ааай-рииии! Слава Мерлину, опять сидит на подоконнике, стучит в стекло. Открыла.

«Ты где был?»

«Там»

«Где — там?»

«Айри поел. Айри был у орла, его там накормили»

«Рождество у орла?»

«Да. У Друга. Айри отнес ему подарок, Айри не задаром кормили на Рождество»

«Подарок?»

«Твою коричневую косточку для перышек»

«Заколку?! Ты ее украл?!?!»

«Это подарок»

«Кому?»

«Айри хочет еще поесть, принеси сырого мяса с кухни. Нет, Айри сам слетает»

* * *

25 декабря

«Noel Noel born is the King of Israel...»

Пели все вместе, вразнобой. Только Мери хмурилась и сидела, подперев лицо руками. Захотелось дать ей подзатыльник, но в такой день! Я знаю, она не любит семейные праздники, она хотела остаться в Хогвартсе, зато я их люблю! Когда все вместе — и мама с папой, и бабушка, и мы с Мери! Бабушка уже почти совсем ослепла, но зато она хорошо поет. Она прямо

всех нас вытягивала! А мне было стыдно, у меня голос писклявый, папа басил, мама... Мама под нос бубнила, она волновалась, что индейка сгорит. Когда с кухни вкусно запахло, она оборвала гимн на полуслове, и помчалась туда, на ходу вытирая руки об фартук. Не то чтобы руки были грязные, просто у нее привычка такая, она ведь все время готовит, стирает, убирает. И даже в Рождество фартук не сняла.

— Ура! — закричала Мэри, когда увидела индейку на огромном блюде — ее несли как почетную награду. Она всегда такая аппетитная у мамы получается — снаружи хрустящая корочка, а внутри мясо мягкое и нежное. Ма не говорит, как у нее так выходит, но наверное это потому что она фрукты туда добавляет, внутрь зашивает. А может какое-то заклинание? Наверное, я такие заклинания никогда не выучу, они же мне не нужны, это все для девчонок. Когда я вырасту, я надеюсь, что у меня будет такая же жена, как мама, такая же добрая, и готовить будет хорошо и она будет все время улыбаться, как мама. И я буду как папа, охотиться на злых магов. Ведь он смелый! Хотя я иногда думаю — а если злым магом будет мальчик как я или девочка как Мэри, папа их тоже отправит в тюрьму? Ведь тут не надо быть очень смелым, надо быть просто безразличным... Не знаю, смог бы я...

Вот. А еще она приготовила картофельный салат, и запеканку, и тыкву испекла. Мы поели и снова пели вместе, потом даже Мэри развеселилась. Наверное потому что ей подарили то, чего она хотела. А мне подарили метлу! Ничего, кроме метлы, но она того стоила — она очень дорогая, это от всей семьи. Папа сказал, что такой еще нет ни у кого в Хогвартсе, и она появится в магазине только летом. Видимо, кто-то из его министерских друзей... Она отполирована до неприличия, все прутьики идеально уложены и подравнены, и наверное маневренность у нее уникальная! Жаль, что сейчас то нельзя проверить. Она называется Нимбус 2000, потому что таких метел будет ровно две тысячи и ни на одну больше! Наверное, у меня — самая первая из этих двух тысяч. Я уже целый час сижу и разглядываю ее, и отполировал еще раз — не то, чтобы надо, но просто на всякий случай. Хаха! Только что вспомнил про Роджера! У него же Чистомет — 7! Вчерашний день! Ну разве не он говорил, что в команде лучшие метлы должны быть у отбивающих! Хотя я с ним не согласен, у ловца конечно получше должна быть, но теперь-то он своими словами сам и подавится! Вот, скажу, капитан Девис, сам же хотел! Ух как он зубами скрипеть будет!

* * *

Только что приходила Мери, она показала мне какую-то заколку, и сказала, что нашла под моим окном, будто ее обронила какая-то птица когда они с папой пошли играть в снежки. Наверное, просто придумала повод, чтобы еще раз на мою метлу посмотреть! Ну может, кто-то из соседей обронил, когда колядовал, и я сказал, чтоб забирала заколку себе, и вообще мою новую метлу не трогала. Хотя заколка красивая... Мог бы забрать и потом подарить какой-нибудь девчонке, а Мери ведь сломает сразу! Ну ладно... Между прочим у меня любимый шарф пропал, никак не могу найти.

* * *

Оставшиеся дни каникул я читала книжки, которые мне прислала Тина, пыталась сделать себе новую прическу, иногда ходила гулять с Патриком, но за ворота поместья не выходила. Странно, тогда мне в первый раз стало интересно, зачем вокруг сада такой высокий забор и почему меня за них не выпускают, чтобы посмотреть деревню. И почему никто не заходит, даже молочник. Папа не приехал, и Патрик объяснил, что он не приедет до конца января, потому что у него важные дела, а где — этого мне не сказали. И вообще когда я попыталась заговорить о его местонахождении, и в особенности выяснить, зачем профессор Снейп приезжал к нам на Рождество (утром 26 декабря его уже не было), брат пресек мое любопытство таким мерзким взглядом, что надежда узнать хоть что-то существенное сразу улетучилась. Да, все-таки его глаза всегда были непомерно выразительными... Впрочем, я ведь уже это говорила?

— Я хочу тебе счастливой судьбы, — непонятно зачем сказал Патрик, вздыхая.

Наверное, мне даже хотелось скорее вернуться в школу, там хотя бы создается иллюзия активной деятельности вокруг тебя, да и есть чем заняться. Все куда-то спешат, бегают, говорят, попутно жуя, а потом снова бегут, на ходу глотая...

И я вернулась с чувством облегчения. Но как-то в коридоре увидела девочку-первоклашку, она как раз пыталась заколдовать миссис Норрис, целилась в нее с расстояния двух метров, прямо под задранный гордо вверх хвост. Девочка была блондинка, наглая, бледная, нескладная

и чертами лица похожа на Криса. Я слышала, что у него есть сестра, но не знала, ни как ее зовут, ни даже на каком она факультете. Оказалось — Хаффлпафф. В общем-то, все это неважно, только в жидких нечистых волосах у нее была моя заколка... Та самая, коричневая, с александритом... Ужасно противно стало. Конечно, я сразу тогда поняла, и с кого Айри шарф снял, и кому он эту заколку унес. Я даже не задумывалась, откуда Айри знал и как он мог принять такое решение. В любом случае, он посчитал, что имеет право заниматься сводничеством, либо вершить мою судьбу за меня. Он тоже, как Патрик, хотел мне счастливой судьбы! И тоже действовал какими-то сумбурными и неподходящими методами...

Да, стало противно. Ведь он мог тоже догадаться! А я думала тогда, что он романтик, что он поймет. Нет — сестре подарил. Внезапно он стал мне абсолютно безразличен.

* * *

27 января

Я ничего не понимаю. То она улыбается и смотрит на меня постоянно, ведь точно знаю — раньше сидела лицом, и за обедом на меня смотрела! А тут вдруг села спиной, с этим троллем Флинтом, и он ее один раз обнял за плечи!

И в коридоре я ей говорю — привет, Селен, а она ноль внимания. Ненавижу этих девчонок, не понимаю, что им всем надо! Наверное думает, что если будет вот так мне фигу показывать, то я на нее сразу западу! Черта с два!!!! У меня теперь такая метла, что все девчонки рты раскрывают, когда меня видят! А она даже языком не цокнула, небось думает, что я даже с такой метлой ее Флинта не обыграю! Купаться ему с тихомолами! Скоро матч, вот тогда я покажу этим слизеринцам! Даже Фред и Джордж приходили посмотреть, трогали метлу, но правда, я им особо долго не позволил с ней возиться, отобрал, а то друзья друзьями, но все ж таки в команде-противнике играют!

Не знаю, в общем противно мне. Хочется ее за косу оттащить, чтобы особенно не задавалась! И не нравится она мне, я точно знаю, что не нравится. Хотя она же все время волосы распускает, косу не заплетает. Селена, ну что ты так? Ну все, вот выиграем у Слизерина, посмотрю на нее тогда!

* * *

Помнится, когда продолжился квиддичный сезон, Рейвенкло потерпели такое сокрушительное поражение от Слизерина, что мне даже стало жалко их капитана. Кажется, тогда у них был капитан по фамилии Дейвис? Он рыдал прямо на поле, когда после свистка спустился и грохнулся с метлы в снег, у него из носа шла кровь. А Крису не помогло даже его чудо-помело, хотя не знаю, на что он надеялся, по-моему в этой метле ничего нет кроме гравировки и рекламы, которой были завешаны все витрины магазинов! Он проходил мимо меня за ужином и посмотрел так зло, что мне стало страшно...

Маркус, слава Богу, не заметил, а то в тот день не один только Дейвис был бы покалечен.

Он ведь тоже всегда желал мне счастья...

Глава V. Absit Omen

А вот и лето.

— Мистер Уизли!

— Профессор, он поджег мои брюки!

— Мистер Уизли забыл, что через неделю у него экзамен. 5 баллов с Гриффиндора.

— Но сэр! Блечли сам опрокинул котел на...

— Еще пять очков с Гриффиндора, мисс Джонсон. И помолчите, если не хотите лишиться свой факультет еще полусотни. А мистера Уизли попрошу убрать руки от котла. Время вышло.

— Но сэр, я...

— Так-так... — во мгновение ока Снейп оказался рядом с партой Фреда Уизли, изучая результат проделанной работы, — Жидкое, как вода. Оно должно быть густым. Густым, понимаете Вы меня? И черным. Какой это цвет?

Фред молчал.

— Все ваши зелья неизменно подходят к цвету Ваших волос. Если на экзамене противоядие тоже окажется оранжевым, то его эффективность я буду испытывать на Вашем брате, — профессор повернулся ко мне, — У мисс Нотт зелье идеальное, вам стоит брать с нее пример во всем.

Фред открыл рот, намереваясь, видимо, указать Снейпу на то обстоятельство, что мое зелье профессор еще не видел, но Джордж испуганно дернул его за рукав и тот смолчал, плюхнулся на деревянную банкетку с грохотом, пообещав мне взглядом четвертование (или, как минимум смерть через матумбу... — R.)

О да, мы друг друга ненавидели! Как объяснить мою ненависть? Да никак. Просто — я презирала в нем все — и его нос картошкой, и перхоть на изношенной мантии, и косолапую походку, и то, как он гоготал, подкладывая лучшим друзьям мух в суп... Но самое главное — я ненавидела его за то, что все его любили. Иногда я думаю, что презрение к некоторым гриффиндорцам — это единственное, чем я оправдывала репутацию моего факультета.

Ненависти в тот день было не больше обычного... А вот радости — хоть отбавляй. Последний урок зельеварения в году, следом за ним — экзамен, а потом — каникулы.

Профессор Макгонагалл заставила нас превращать книжку в полено. У меня получилось свежее, пахучее, покрытое капельками смолы.

Флитвик запускал в кабинет по одному и каждому давал одно и то же задание: пустить его в полет по классу. Его самоотверженность достойна уважения — ведь в том, что к концу экзамена он заработает уйму ушибов и синяков, сомневаться не приходилось. Мне вспомнился Крис — как он рассказывал в сентябре о происшествии на Чарах. Кто знает, быть может тот самый случай и сподвигнул храброго Флитвика на то, чтобы дать нам именно такое задание.

Тем не менее, почти всем удалось не больше и не меньше, чем заставить профессора оторваться от пола и пару секунд полевитировать над ним на расстоянии нескольких сантиметров. Когда подошла моя очередь, я рассеянно вспоминала про моросивший дождь и никак не могла взять в толк, почему тогда плакала.

И от своих раздумий очнулась, только когда Флитвик со свистом пикировал вниз и шлепнулся об пол в метре от предусмотрительно разложенных, но оказавшихся бесполезным, подушек.

Потирая ушибленное плечо, он, к моему удивлению, широко улыбнулся.

— Отлично, мисс Нотт! — прошамкал Флитвик, — Отлично!

Это означало и персональную оценку моих действий, и отметку в таблице...

В этом весь Флитвик: даже получая травму от руки ученика, гордится его достижениями.

Снейп о противоядиях не вспоминал... Мы варили три вида зелий как три варианта экзамена, разделившись на пары. Я работала с Джаде, ее успеваемость в зельях была вполне удобоваримой, так что проблем не возникло.

Итак, отлично, отлично и еще раз отлично.

На всех экзаменах я получила высший балл — и, скрепя сердце, на ЗОТС тоже — этот предмет я не любила. Он казался мне бесполезным — так я чувствовала, а объективно объяснить тогда не могла.

За хорошую учебу мне обещали подарок.

И подарок материализовался на платформе по приезде в Лондон. В виде новости от встречавшего меня Патрика, что мы едем отдохнуть, причем берем с собой Тину.

Я не успела даже открыть рот, как Патрик добавил:

— Эван с нами не поедет.

— Ну тогда возьмем из дома мои...

— Я все уже взял, — перебил он, показывая на массивный чемодан, уложенный на тележку неподалеку, — Домой заезжать не будем.

Кажется, он не на шутку испугался, что я сейчас расплачусь. Потому что при произнесении последней фразы даже попятился и слегка зажмурил глаза, как бы в ожидании взрыва.

Я промолчала.

Подшли родители Тины — вернее, она подвела их, под руки.

Отец ее был немолод и уже облысел, однако выглядел подтянуто — я слышала, что он тренер квиддичной команды юниоров. Мать, напротив, выглядела молодо, но в ее глазах читалась какая-то старческая усталость от жизни. Словно поднаторев во всех науках и перепробовав все на свете, она ощутила скуку и потеряла к жизни интерес.

Тина сияла. Она не раз признавалась мне, что терпеть не может проводить каникулы дома, безвылазно. Ведь ее родители были «таааакими занятыми людьми», что времени заниматься довольно капризной дочерью у них не оставалось.

Они обменялись с Патриком парой незначительных фраз — очевидно, все было оговорено заранее, и, ловко подхватив наши школьные чемоданы с бирками, брат прошествовал к тележке, а с ней — через барьер между платформами...

Он выглядел на редкость довольным собой.

Через час мы уже сидели в домашнем ресторанчике маленькой гостиницы в центре Дублина и уплетали огромные отбивные с жареной картошкой и салатом. Тина верещала; Патрик вежливо слушал и ел мало, аккуратно. Через час, после чая и десерта, нас потянуло в сон.

Утром мы взяли с собой фотоаппарат и пошли гулять по Дублину. Я вспомнила, что это родной город «Гремучих волынок» и что неплохо бы купить их новые записи. Нашли музыкальный магазин. Было душно. Патрик и Тина вошли первыми. Я остановилась на пороге, чтобы немного отдышаться — таким вещам, как маггловский кондиционер, работавший в магазине, я не доверяла.

— Цветы особенно прекрасны... — сказал кто-то рядом.

Я завертела головой — на мостовой сидел старик и курил трубку. Он был в грязной пропотевшей рубашке, и его борода свалялась. Странно, что обычный дублинский чернорабочий ошивается в центральном районе... Вероятно, пьян.

И еще — неясно, как он мог курить трубку в такую жару. В общем, я отнеслась к его появлению настороженно.

— Цветы вырастут особенно прекрасными, — повторил он, — если их поливать кровью.

Он повернулся, посмотрел на меня — и я поняла, что он абсолютно трезв и скорее всего находится в здравом рассудке. Его лицо походило на высушенный фрукт — морщинистое, обветренное, но глаза смотрели на меня из-под косматых бровей так, как смотрели бы глаза человека молодого, лукавого и знающего меня много лет.

Он взглянул на мою руку, затянулся и кивнул, выдыхая дым:

— Кто тебе дал это?

— Брат, — ответила я как будто против воли; я сразу поняла, что он говорит о моем колечке.

— Как тебя зовут?

— А Вас?

Он засмеялся; смех его походил на скрип пружинного матраца.

— Конрад.

— Меня зовут Селена. Почему вы сказали про цветы? Здесь нет никаких цветов.

Он бросил на меня, как мне показалось, испуганный, взгляд.

— Цветы, — заговорил он, — Знаешь почему они так красны? Розы... политы кровью. И эта кровь будет на твоей совести.

— Я не понимаю.

— Езжай домой, Селена.

— Кто вы такой?

Он снова харкнул смехом.

— Люди называют меня сумасшедшим. Но за это кормят и дают табак. Я вижу многое, чего ты не видишь. Тебе надо домой.

Он поднялся и я с отвращением заметила через порванные брюки на его ноге язву, покрытую струпьями. Хромая, он завернул за угол и скрылся. У меня в носу остался запах табачного дыма и пота, и я так и не зашла в магазин — осталась стоять на тротуаре, как пришитая к месту.

Вечером я набралась смелости и обратилась к брату. Разговором это было трудно назвать... Скорее походило на резку картона ножницами.

— Патрик, мы поедem домой?

— Нет.

— Почему?

— Потому.

— Что-вообще?

— Вообще.

— А Тина?

— Тина будет с нами здесь, а потом мы уедem на море.

Тина была с нами «здесь», а потом мы уехали на море...

* * *

Сортировка первокурсников проходила как обычно; разве что чувствовалось некоторое оживление, доселе мною не замеченное. Как будто кого-то ждали. Ну я ждала разве что своего кузена — хотелось изучить его, увидеть внешнее сходство с собой, из простого любопытства, в конце концов. В один из последних дней каникул Патрик сообщил мне что мой кузен, сын папиного брата, идет в Хогвартс в этом году.

Впрочем, я услышала несколько знакомых фамилий. Неуклюжие и уродливые Гойл и Крэбб попали в мой факультет — они очень напомнили мне Люка и Сида. Потом похожий на крысу бледный мальчик со старомодным именем Драко Малфой. Все эти три фамилии я слышала в своем доме не раз... С кем-то из их семей папа вел переписку, не иначе. Впрочем, у него всегда было много знакомых.

Я посмотрела на нашего декана — странно, таким я его не видела никогда... Суровый взгляд стал не холодным — ледяным, побелели и губы. Он сжимал и разжимал пальцы — будь я поближе, наверняка услышала бы как хрустят костяшки... Мое внимание отвлекло возросшее оживление: на секунду весь зал замер, а следом за тишиной по рядам побежал, как ручей, шепоток... Поттер, Гарри Поттер... Это он? Он ли это? Смотри на его шрам!

Поттер? Эту фамилию я тоже слышала не раз. Но мне было неинтересно. Наверное, какой-то аристократ, очередной сын высшего чина министерства.

Я неотрывно смотрела на любимого преподавателя — он был зол... Что с ним? Интересно, о чем он думал в тот момент? Что его заботило?

* * *

Должен признать, что год начинается из рук вон плохо. Даже катастрофически плохо. Никогда бы так не сказал, не будь оно на самом деле так.

Время, куда оно уходит? И это говорю я? Я, Северус Снейп. Куда делись эти одиннадцать лет? Теперь это уже не важно, ведь *Великий* Гарри Поттер, мальчик-который-выжил приехал в Хогвартс. И что в итоге? Общее сумасшествие на непонятно-какой-почве! На НИКАКОЙ почве! Но общая убежденность в том, что жизнь изменится, причем к лучшему.

Нужно было видеть лица этих детей, тех, кто наконец-то увидел Поттера, эту его «молнию» на лбу. Я знал, что уродство может приносить славу, но не такую же!

Глаза святящиеся обожанием и благоговением: Это как же им родители должно быть размусолить историю про единственного, кто выдержал заклинание убиения, неизменно заканчивая ее фразой про шрам?! Я бы, наверное, сошел с ума, слушая одиннадцать лет такую историю: А они открывают от изумления рты и смотрят ему в след, тыкают в спину пальцем и шепчут друг другу: Это он! Это Гарри Поттер! Смотри!

Бедный Поттер, тут мне его даже жаль немного: только от одной мысли, что с тобой захотят не только поздороваться, а еще и руку пожать, абсолютно все: Такой славой, которая у него уже есть можно либо захлебнуться, либо умело воспользоваться. Сомневаюсь, что у него хватит мозгов на второе — я слишком хорошо знал его отца: а захлебнуться? Пусть захлебнется и подавится!

Ведь кто он на самом деле? Кто он, этот маленький «борец со злом»? Борец со злом! Ничего более абсурдного не слышал — тоже мне боец! Они все, все эти безмозглые болваны, гордо именующие себя магами. Маги! А ведь они даже не знают, что такое Зло. Они, не знают, что это, когда чернеет Смертельный знак и руку ломит от жгучей боли — когда тебя призывают и все что ты можешь сделать — подчиниться и покорно предстать перед ним, своим господином или: или умереть! Они не знают, не ощущали это! Какое право есть у них рассуждать о какой-то борьбе, если даже не знают, чем нужно бороться?

Как это сопливый недоносок мог победить Зло? Победить самого Лорда! Смешно: А я всегда думал, что сказки — это удел магглов, тупоголовых и трусливых людей, которые боятся всего, что их окружает, даже не зная толком, что же это:

Что ж, все хотели жить спокойно, не бояться, что станут следующей жертвой Вольдеморта, не бояться засыпать ночью, не бояться за своих детей: И, на тебе! Подвернулся по руку малолетний «спаситель» — живая легенда, черт бы его побрал!

Сын еще одной «жертвы» Лорда, как трагично, я сейчас расплачусь:

Вот только не понимаю, с чего они взяли, будто Джеймс — безобидная «жертва»? Кто сказал, будто он не заслужил своей участи? Такой правильный до безобразия Джеймс, перфект колледжа, ловец в команде, красавец: Не ужели я один видел его насквозь? Я и Лорд.

Или все это время — время, сгладившее все его недостатки? Нет, слишком сложно, все проще — это элементарная тупость! Та, которая заставляет их верить в «бесконечное могущество» этого маленького ублюдка. Именно ублюдка, который вырос среди магглов и даже не слышал ни разу о нашем мире, о мире в котором, о нем знают все и всё, о мире, где его боготворят.

На него нужно взглянуть, что бы понять всю абсурдность слухов о «могуществе мальчика-который-выжил-но-лучше-бы-этого-не-делал». Жалкий щуплый очкарик с ошалевшими глазами, такой же как Джеймс...беспомощный и жалкий.

Жалкий? Но способный перевернуть все с ног на голову одним своим появлением, нарушь и без того хрупкое равновесие в нашем мире.

Где моя хваленая объективность? Ведь я уже почти ненавижу Поттера-младшего?! Мне ведь и без него проблем хватало! Объективность, Северус, объективность и безразличие! Кем бы он ни был, а ведь никто, сейчас он всего на всего твой студент, и никто не запрещает тебе требовать с этой «раздутой знаменитости» по полной программе...

1 сентября вечер
пр. Северус Снейп

Глава VI. Neu quam est timendus qui mori tutus putat

Возможно, я должна хотя бы немного рассказать о том, как прошли каникулы? К сентябрю цветом кожи походила на африканского аборигена, волосы выгорели на солнце настолько, что я временно превратилась из темно-каштановой в светло-русую с пепельным оттенком... Тьфу... Веснушки откуда-то появились — в жизни у меня до этого не было веснушек.

Ну и как всегда, каждый разговор о доме пресекался на корню — раз Патрик сказал, что мы будем отдыхать здесь, то его решение не подлежало пересмотру. Смешно даже — как он старался меня задобрить. В Дублине мы ходили в лучшие рестораны, он покупал мне подарки каждый день, объясняя что в октябре, на мой день рождения, ничего присылать не будет и все эти дорогие безделушки (опять безделушки!) — нечто вроде аванса. Подарок заранее. Но украшений он мне больше не дарил. Я делилась с Тиной и в результате большая часть заколок, бантиков, чулочков и книжечек (все уменьшительно-ласкательное по причине их чрезвычайно сопливых розовых ярких тонов) оказалась у нее. Патрик не заметил.

Тина отправилась домой задыхаясь от счастья, глотая слюни и готовясь открыть рот и не закрывать его до тех пор, пока не охрипнет от бесконечных рассказов о моем брате. Я оставила ее среди сестер, соседок и прочих слушательниц...

На пляже я и превратилась в аборигена, но Эдинбург также не отличался облачной погодой, когда мы добрались до Шотландии. Он поставил заключительный аккуратный штрих на моей внешности, и я стала еще больше похожа на папу — папа всегда был очень смуглым. Темным.

* * *

Какие кошмары приходят к людям наяву — знают лишь сами жертвы их, и черти, что ходят по пятам, прячась за левым плечом. Его кошмар жил всегда и не закрывал своих глаз ни на секунду. Он жил в смехе детей, в улыбке любимой жены, в цветах, которые она выращивала на заднем дворе, в сказках его полуслепой тещи, которые она рассказывала младшей дочери на ночь, когда та приезжала на каникулы... В ветре, который сын распарывал когда неся через поле на своей скоростной метле, и кричал от волнения то ли как чайка, то ли как маленький ребенок в колыбели, а он стоял рядом и перекачивал губами папиросу, прикусив кончик. Всегда одно и то же: остеклененные глаза, тройной подбородок, который казался восковым и торчащий из дверного проема кухни домашний тапок и синяя протертая штанина. Но в последние дни лета того года вернулся другой кошмар.

— Джейкоб, ты слушаешь меня?

— А?

— Что я сейчас сказала?!

— Ммм...

— Так и знала! Нам надо на рынок еще успеть. Иди за мясом и курицей, я пойду в овощные ряды.

— Мммм...

Если бы она улыбалась, Джейкоб не обратил бы внимания — но в его памяти всплыло другое лицо — смуглое, обрамленное черными волосами, лицо убийцы. Предателя. Злодея. Мучителя. Лицо, брызгавшее слюной и слезами, умолявшее присяжных даровать ему свободу... И жизнь... Что для того, кому грозило попасть в Азкабан, было одно и то же... Я не делал этого. Я был под заклятьем... Неназываемый... Он пытал меня а потом под угрозой смерти моей жены приказал подчиниться ему... Использовал на мне заклятье Империи... Не помню... Я не мог!.. Я был под заклятьем! Нет!

Это проклятое лицо... Лицо человека, который остался безнаказанным после всех совершенных им злодеяний. Лицо, которое он разбил в кровь, когда ему было всего двенадцать... Оно не было кошмаром, не было наваждением, оно странно изогнулось, трянуло длинными волосами и стало женским. Лицом девочки. Но выражения не изменило.

— Эван... — заскрипел Джекоб, но в это время Мелисса, устав ждать, цокать языком и трясти мужа за плечо, потянула его в сторону рынка... Он не сопротивлялся, он тащился за ней как ребенок, а смотрел при этом назад. Видение не исчезало. Кошмар вернулся.

Прогнать, уничтожить кошмар... Боже... Помогите...

* * *

А в школу... Мы прожили три дня в маггловской гостинице Шератон в Лондоне, и меня посадили на поезд, снабдив всем необходимым — Патрик заранее наведалься в Диагон Аллею (я тогда и не знала где она находится, ведь даже в магазин Оливандера ходили за меня) и купил товары по присланному из Хогвартса списку.

В купе ко мне подсели Тина и Джаде, последняя тихо осведомилась, правду ли Тина сказала, что мой брат позвал ее замуж и пообещал научить заклятью Империи? Заходил Маркус, принес нам немного конфет и поцеловал меня в щеку (чуть не оцарапав своим выпирающим тролльским зубом). Сел с нами. За ним пришел Люк Блечли и тоже составил компанию. Тина и Джаде зашептались. Потом несколько раз в купе заглядывала девочка — первогодка с носиком-кнопочкой и сунув эту кнопочку в дверной проем, наверное, уже в пятый раз, с очень важным видом попросила нас не шуметь, когда мы дружно смеялись над какой-то пошловатой шуткой Люка. Такая наглость со стороны дошкольницы вызвала у моих попутчиков очередной приступ хохота, а я поинтересовалась как ее зовут.

— Гермiona Грейнджер, — сказала она (прозвучало как «Ее Величество Елизавета Великая Тюдор»), — А вы с какого факультета?

— С лучшего! — рявкнул Маркус и захлопнул дверь прямо перед носом девочки.

Странное сочетание — такое красивое имя и простонародная фамилия (granger значит — «крестьянин» — R). И девочка странноватая. Вполне возможно, что попадет к нам в Слизерин — слишком уверенная в себе и, по-видимому, тщеславная, подумала я. Позже выяснилось, что ошиблась.

Вот тебе и итог несоответствий...

Кузена я увидела на церемонии отбора. Мерзкий мальчик. Попал в Слизерин.

Новые предметы понравились не всем. Престарелая профессор Типси, преподаватель маггловедения, которая кряхтела при каждом движении, охала и вполголоса жаловалась на свои болячки, когда мы начинали скрипеть перьями, раздражала всех до невозможности. На ее уроке мы с Тиной были единственными слизеринками. Моя подруга, похоже, уже жалела, что решила проявить солидарность: боялась (и не без основания), что однокурсники начнут дразнить. Но однокурсниками проблема не ограничилась: когда она садилась на стул перед уроком, еще до прихода преподавателя, раздался неприличный звук, сдобренный еще и визгом впечатлительной Тины, она сдернула со стула надувную резиновую подушку под дружный хохот класса. Я могла и не оборачиваться, чтобы услышать, кто гоготал как гиена, громче всех и противнее всех. В ту минуту мне хотелось утопить Фреда лицом в коровьем дерьме, и долго, ритмично бить его ногами в живот и в пах, пока он не начнет плевать кровью. Впрочем, это желание проявлялось чересчур часто. И не только тогда. И не только у меня.

Но несчастная старушка Типси не шла ни в какое сравнение с полоумной стрекозой Трелони. В ее кабинете, куда каждый добрался, держась за бок и пытаясь отдышаться — все-таки северная башня самая высокая — стоял полумрак, было жарко до удушья, и воняло благовониями, и нет чтобы сандалом или розами — курилась вытяжка из кленовых листьев, которая, как известно, по запаху чрезвычайно сильно напоминает кошачьи испражнения.

— Сейчас она нам скажет, что рада наконец видеть нас в реальном мире! — сказала Тина с умным видом, но тут же, не сдержавшись, прыснула — Трелони вышла из маленькой потайной дверки за камином и проговорила загробным голосом:

— Дорогие мои, как я рада наконец видеть вас в реальном мире!

Я вопросительно посмотрела на Тину.

— Маркус рассказал, — пожалала плечами она и даже в красноватом освещении комнаты я заметила, как ее щеки порозовели — явно не от затхлого воздуха.

Маркус Флинт. Не понимаю, что она нашла в этом бездушном чудовище. Средоточие всех недостатков, которые только можно придумать — некрасивый, почти что урод, глупый, нелюбознательный, невоспитанный... Ах да, забыла. Маркус играет в квиддич. Он силен. Он также и средоточие грубой мужской силы — он самец. А Тина тоже животное. Маленькое, забитое в угол и нуждающееся в покровителе. Лопухий грызун. Интересно, что он чувствует к ней? Как бы обошелся, если бы она призналась в своих чувствах?

Трелони обошла все столики, вокруг которых мы устроились на бархатных пуфах, и как-то умудрялась не задевать ничего, хотя расстояние между ними было просто невозможно маленьким. Она все таким же тоном рассказала о том, что мы будем изучать.

Пару раз шокировала попавших под руку студентов сумбурными предсказаниями. В основном неоптимистичными...

Потом остановила взгляд на мне. Вернее на моей руке. Я уже замечала, что когда люди видят этого Поттера из Гриффиндора, то все смотрят на его шрам на лбу. Почему-то в последнее время люди, видя меня в первый раз, смотрят на мою руку.

— Откуда у тебя ЭТО? — взывала Трелони, скривив лицо от ужаса. Показного или нет?

Ох мне уже надоел вопрос. Повесить табличку на груди «Кольцо мне подарил брат», что ли?

— Брат подарил! — раздраженно отозвалась я.

Трелони картинно ахнула и опустилась в ближайшее кресло. Пока она падала, мне показалось, что она краем глаза спланировала траекторию — чтобы сесть в более удобное красное.

— Спереть хочет, — прошептала Джаде и они с Тиной захихикали. Последняя добавила:

— Да у нее на пальцах даже нитки не поместится. И так уже все завешано. Пробы негде ставить.

— Причем тут пробы?

— Ну поговорка есть такая.

— Но она же не об этом!

Я уже хотела одернуть подруг, боясь что они получают выговор или их лишат очков за болтовню, но Трелони, казалось, вообще ничего не замечала.

— Я вижу! — сказала она, хватаясь за сердце (девочки сдавленно ржали, едва не срываясь на громкий хохот), — Я вижу! — и она устремила свой рассеянный взгляд куда-то вдаль вместе с указательным пальцем — вернее не куда-то, а в окно, — Вижу... цветы!

О нет, подумала я, закатывая глаза...

— Цветы, обгаренные кровью! — и опустилась в кресло. Все переглядывались в недоумении, но следующую фразу Трелони сказала спокойно, без всякого надлома, и даже немного надменно, обращаясь к сидящей близко от нее Лиз, — Дорогая, раздай всем чашки. Мы будем гадать на чайных листьях на нашем первом уроке.

* * *

Я не люблю зиму. Если вдруг вспомнишь что-то грустное, и заплачешь на улице, то слезы замерзают и щеки начинает саднить. И нос тоже, потому что и сопли замерзают. Отвратительное ощущение! Я не представляю себе как можно в ноябре играть в квиддич, когда уже выпал снег и давно начались заморозки. Я не знаю, за что и каким образом, Гарри Поттера сделали ловцом в команде Гриффиндора. Мне к тому времени уже рассказали, кто он такой и почему все на этого заморыша так пялятся, но жалеть его — сироту, это одно дело, а вот делать ради него исключения из школьных правил, устоявшихся за десятилетия, — это уже чересчур. Маркус бесился. Я подумала, что он, как и я, возмущен нарушением правил. Но...

Когда слизеринцы от отчаяния и разочарования кулаками били каменные стены в подземелье и ругались на все лады, Маркус сидел в пустом кабинете профессора Снейпа и рыдал. Очевидно, у него только что состоялся не особенно воодушевляющий разговор с деканом... А может быть он просто хотел побыть один. Я пришла на дополнительное занятие и только лишь в дверях кабинета вспомнила, что в связи с началом квиддичного сезона профессор отменил его — он был уверен в победе команды Слизерина и поэтому ожидал, что я захочу отпраздновать с однокурсниками это событие. Но Слизерин проиграл — провалился с треском. Проиграл Гриффиндору впервые за 12 лет. И не пылкому Чарли Уизли, не Рику Митчеллу, который был ловцом до Чарли, а маленькому, щуплому, обезображенному шрамом близорукому первокурснику! Люк и Сид сломали свои биты уже на поле. Теренс, по слухам, хотел натурально, безо всякой магии, выпустить Поттера и Вуду кишки — и уже пошел на кухню за ножом, когда его остановил Маркус и, надавав по роже уже в который раз, загнал в спальню и посадил под замок... А сам, получается, ушел рыдать... Мда...

Ретироваться было уже поздно — Маркус заметил меня, вероятно, я слишком громко шаркала, когда, в буквальном смысле, тащилась в кабинет. Уйти, ничего не говоря? Тогда он подумает, что я пошла докладывать всем, что он рыдает — такой человек, как Флинт, ничего другого подумать бы не мог. Зайти и поговорить? А что ему сказать?

Я зашла и села на оцарапанную парту, всю в засохших пятнах какого-то зелья. Протянула к нему руку и погладила по плечу. Маркус дернулся, рука соскочила. Ему было стыдно показать мне свое лицо. Настоящее лицо...

— Марк? — прошептала я, схватив его плечо на этот раз крепко и настойчиво поворачивая его к себе. Внезапно он сделал то, что от него можно было меньше всего ожидать — по-прежнему не дав мне увидеть его лицо, неестественно перегнулся через парту и, обхватив меня обеими руками, зарыдал. Отстранить его не было сил, хотя желания — хоть отбавляй.

Несколько секунд я думала, что же можно предпринять в такой ситуации.

Потом аккуратно погладила его по волосам:

— Марк, они больше не выиграют у нас — ни разу.

Он вострепнулся, но продолжал носом тереться об мою мантию, как щенок об шерсть матери, и молчать.

— Если один раз им повезло — то только для того, чтобы потом этим уродам было еще хуже, когда будут раз за разом проигрывать.

Молчание.

— Марк, ты мужчина или сопляк?

Вскочил. Удар в нужное место. Ну и лицо у него было! Красное как свекла, заплаканное, жалкое... Глаза-бусинки под опухшими веками скрылись полностью. Как будто глаз нет вообще.

— Пусть до конца жизни молятся на эту победу! — прорычал Маркус, — Больше ни одной я им не позволю.

Я кивнула. Да, Маркус, ты прав, Маркус, ты сильный, Маркус, только прекрати выть, прекрати рыдать, заткнись, отвернись, уходи к черту и не смотри на меня своими свинячьими глазами как на Афродиту, скользкий, мерзкий, заплаканный капитан Маркус Флинт.

Но вместо того, чтобы внять моим мысленным мольбам, он повалился на стул и схватил меня за руку.

— А еще, — сказал он заговорщическим тоном, — Если Уизли или кто-то другой из этих краснозадых уродов обидит тебя хоть раз, я снесу им голову.

Я автоматически кивнула.

— Слышишь меня, Селена?

Я словно очнулась.

— Снесешь голову?!

— Да, натурально — убью, слышишь?

— Слышу.

Прежде чем я смогла отвернуться, он неуклюже и быстро поцеловал меня.

— Я тебя провожу, — сказал он, увидев, как я решительно поднимаюсь с места. Химера побери, значит я не смогу зайти в туалет, засунуть там два пальца в рот и вывернуть себя наизнанку после того как он сделал это!

* * *

Я стащила мантию через голову и с размаху кинула ее об кушетку в углу.

— Ты что? — выпучилась Тина.

Я вдруг почувствовала дикое желание захохотать.

Но вместо этого изобразила на лице глупую улыбку.

— Маркус!

— Что Маркус? — вострепнулась она.

— Поцеловал меня! Сказал, что будет меня ото всех защищать!

И тут меня прорвало. Я все-таки расхохоталась, и этот хохот медленно, но верно переходил в рыдания, словно я чувствовала, что последует за этим. Увы, моей иронии она не услышала...

Ее лицо скривилось, покраснелось, запотело как стекло, затуманилось и рот глотал воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

— Сука! — выпалила Тина и, как была, в ночной рубашке, выскочила в коридор.

На меня оглядывались все до единой слизеринки первых пяти курсов, на меня показывали пальцем, за моей спиной шептались... Но они завидовали и даже уважали. Флинт был до них недотягиваем. Но только Тина, черт возьми, только лучшая подруга, ненавидела меня! Только она перестала со мной разговаривать!

Треклятая жизнь — зачем она вообще нужна? Все всегда меня только ненавидели... И лишь он... Хотя он... Ничего мне никогда не хотелось, только умереть. Ничего вообще. Только чтобы все это, наконец, закончилось!

* * *

Чем больше я смотрю на мир тем больше убеждаюсь, что не на свете ничего абсолютного: нет абсолютной Власти, нет абсолютного Зла, нет абсолютной Защиты, не существует неоспоримых истин, нет одинаковых людей...

Мы все разные, все очень и очень разные. И никто не сможет сказать, что скрывается, например, за внешне всегда спокойным выражением лица Минервы, какие черви грызут мозг «вечно и безоговорочно» справедливого Альбуса, в конце концов никто... ну почти никто... никогда не узнает, что кроется в глубине моей души, ведь они все давным-давно считают ее мертвой — да любой засмеется, если вдруг услышит, что у Севериуса Снейпа есть душа: знали бы они чего мне стоит изо дня в день надевать на себя эту маску безразличия и цинизма ... но они никогда этого не узнают! Никогда!

А она...

А в ее глазах можно прочесть все: я ни разу не видел что бы она улыбалась, радовалась или смеялась, не видел чтобы ее глаза светились счастьем (хотя, нет видел однажды... там в поместье, рядом с братом... Бедняжка, она еще не знает, чему радовалась)... Порой у меня даже возникает вопрос: на сколько виноват во всем этом я? Могу ли быть я в этом виноват? Подумать только, я пытаюсь найти здесь свою вину?! Я даже думал, что ей не место в Слизерине, но я уверен, что попади она в другой колледж, положение было бы определенно точно таким же... Хотя окружающие ее оболтусы только усугубляют положение...

И все же, единственный человек, виновный во всем этом от начала и до конца — Эван! А чего он мог еще добиться? Тот самый его «выращенный в теплице цветок», «самый лучший»... Что с ним случилось? Что с ней происходит?

Если так будет продолжаться и дальше, она сможет спокойно пить морскую воду, потому как слезы это для нее нормальное состояние, а они как известно, имеют довольно сильную концентрацию солей...

Для любого человека, кем бы он ни был: магом или магглом, это противоестественно, но только не в ее случае. Все мы стремимся ухватиться за край пропасти и выползти, выкарабкаться, выплыть... она же, напротив — сама топит себя, вгоняя в состояние еще большей подавленности, из которого не выходит, по-видимому, никогда... складывается впечатление, что ей доставляет удовольствие проводить время не за бесполезной болтовней с подругами (вот тут я бы мог даже удивиться мудрости столь юной девушки: бесполезная трата драгоценных минут, которые так ценятся в нашем мире...), а, убежав от всех и вся, сев где-нибудь в одиноком уголке и зарывшись поглубже в свои сокровенные, не по возрасту мрачные мысли, убеждать себя в полном отсутствии смысла своего существования на земле...

И при всем при этом она умудряется найти в себе силы хорошо учиться по всем дисциплинам и, кроме того, посещать мои дополнительные занятия, делая впечатляющие успехи в зельеварении. Тут напрашивается лишь один вывод: она страдает и ей это... нравится? Да именно нравится! Придает сил, можно сказать, ведь иначе, можно сойти с ума, изматывая себя подобными размышлениями...

И все же, она является пожалуй единственным из всех знакомых мне людей, кому будут совершенно безразличны дементоры и Азкабан, ее не будет трясти в истерике при одной мысли о том, что придется попасть в это мрачное место и провести там какое то время, как это происходит с большинством магов, приговоренных к заключению...

Что может случиться с ней, повстречай она дементора?

Ровным счетом ничего! Что совершенно определенно и неоспоримо...

Не отрицаю даже, что она ничего не почувствует, ни холода, ни угнетения, ни страха и сможет смело плюнуть этому безмолвному стражу Азкабана в лицо... ну то есть не в лицо конечно, а в то место где под капюшоном должно бы скрываться лицо. А дементор, ничего не предпринимая, просто развернется и пойдет своей дорогой, прекрасно понимая, что с ней лучше более не встречаться... Почему? Потому что ее душа, разум и сознание погружены в глубокую депрессию так основательно, что он не найдет здесь для себя работы, Селена все сделала сама: скрупулезно и старательно... Быть может, она даже получит извращенное удовольствие от встречи с ним. Мне страшно подумать...

Боюсь, она погубит себя всем этим.

Но что я могу сделать...

1 Декабря

профессор Северус Снейп

Глава VII. Nihil humani

Я к зиме научилась (на собственных ошибках) внимательно осматривать стул на занятиях по маггловедению, прежде чем опуститься на него. Я осталась одна за первой партой, Тина от меня отсела к какой-то лохматой девчонке из Рейвенкло. Она вообще со мной не разговаривала. Джаде первое время предпринимала какие-то попытки нас помирить — не из благородства, а просто потому что ей веселее было проводить время с нами обеими вместе — то есть из личной выгоды, — но потом прекратила. Я оставалась безразлична ко всему, а Тина считала своим долгом ненавидеть меня просто из упрямства, несмотря на то, что, вероятно, даже догадывалась о моей неприязни к Флинту. Но — помириться со мной означало для нее отступить от своего слова и продемонстрировать мягкость и готовность идти на компромиссы — увы, ни один слизеринец не желал находить в себе эти качества, а уж тем более в открытую демонстрировать окружающим, и применять в отношениях с ними.

Я чувствовала ее раздражение, ее негодование и злость на саму себя, которую она пыталась переложить на меня, и я также не желала ничего предпринимать.

— Вытть вон иш клаша! — вопль беззубой Типси, доведенной до свекольного цвета лица чьими-то безобразиями, отвлек меня и резко выкинул из размышлений. При этом обнаружилось, что я аккуратно записывала на пергамент всю нудную лекцию — совершенно механически.

Не приходилось сомневаться, к кому было обращено требование покинуть класс. Другой учитель на ее месте сначала снял бы баллы с факультета, но, кажется, она это делала уже трижды за сегодняшнее полуторачасовое занятие.

— Он не... я ведь всего лишь... — виноватый голос, принадлежавший, к моему удивлению, НЕ Фреду и НЕ Джорджу, заставил меня обернуться. Крис смотрел в парту, ковыряя пальцем дырку. Прядь волос упала ему на лицо и на фоне красных от стыда щек казалась еще блее.

— Молшать! — взвизгнула Типси, — вы вапше помолшите!

Ага, выгоняли Фреда... Крис просто защищал его...

— Х дирехтору! Я уштала от вафых выходов! Х дирехтору немедленно!

Фред встал (только ли я заметила эту ухмылку? ох не повезет пустому коридору по которому он пойдет к Дамблдору, и всей живности, которая попадетса Фреду на пути!) и вразвалочку направился к двери.

— Штоять! — догнал его очередной выкрик Типси, — Вещи оштавить!

Фред снова усмехнулся и бросил сумку на свою парту прямо из дверей: на лету сумка чуть не угодила Тине по затылку: благо, та успела вовремя нагнуться. Не дожидаясь дальнейших указаний, Фред вышел. Наступила гробовая тишина.

— Фоушетт! За первую пафту! Штобы я ваф видела!

О нет... Если я правильно поняла (читайте — «расслышала») свою скорбную участь несмотря на дикие неразборчивые шамканья беззубой профессорши, Криса сажают рядом со мной... Судя по его взгляду, он предпочел бы тоже пойти к Дамблдору...

Крис плюхнулся рядом со мной, так резко, что поднял пыль. Я непроизвольно повела носом — я почувствовала его запах — тот самый запах лимона и снега, который исходил от принесенного Айри год назад кашне, и смягчилась — самую малость. Да, я продолжала нервничать, но уже не так сильно.

Он демонстративно подвинулся на самый край скамьи. До конца урока оставалось не больше двадцати минут. Пять минут из них я слушала больше не нудные коверканья языка в исполнении профессора Типси, а его сердитое сопение в нос. Почему-то когда мы стесняемся и скованы, мы часто делаем совершенно неуместные вещи а потом бьем себя по лбу в приступах стыда и недоумеваем — какой химеры я это сделал!!!! Вот и я, оторвав от пергамента клочок, нацарапала на нем совершенно неуместную фразу — но что поделать, возможно, откуда-то всплыло воспоминание, переживание трехлетней давности, и вырвалось из меня как пар, который необходимо было выпустить:

«А у тебя волосы и вправду такие или это заклинание?»

Крис, к моему удивлению, покраснел. Поерзал на месте. Огляделся. И высунув кончик языка, написал ответ.

«А откуда ты знаешь, что я их заколдовал?»

Oго! Теперь мне хотелось, чтобы урок продолжался подольше. Клочок пергамента пришлось перевернуть (он был маленький, а почерк Криса оказался довольно размашистым)

«Ну они такие почти совсем белые, я таких не видела никогда»

А вот теперь он вздохнул с облегчением.

«Ааа, ну тогда ладно» — последовал ответ.

Я не выдержала и спросила вслух, очень тихо, почти что одними губами:

— Что ладно?

— А я думал, ты про другое, — отозвался он. По его глазам было заметно, что он жалеет, что намекнул мне на «другое» и изо всех сил надеется, что я теперь перестану задавать вопросы. Впрочем, я уже догадалась, о чем он. Раз в два месяца в школу приезжал брадобрей с помощником и коротко (и абсолютно одинаково) стриг мальчиков младших курсов, которые еще не успели изучить соответствующие заклинания. Но у Криса волосы всегда были довольно длинными по сравнению с его одноклассниками — вместо торчащего клоками жалкого чубчика у него была кокетливая длинная челка, падавшая на глаза и он периодически, как девчонка, заправлял прядь волос за ухо.

Я прониклась уважением и в связи с этим отколупала еще кусочек пергамента...

«Клево» — многозначительно написала я, и внизу, подумав секунду, сделала приписку, — «Научишь меня?»

Крис покраснел и отвернулся. Некоторое время спустя я уже уверовала в то, что он решил меня проигнорировать и записать хотя бы часть лекции. Однако со звоном в мою сторону была пододвинута очередная записка.

«А у тебя и так красивые»

Я в изумлении открыла рот и посмотрела на него. Крис со скоростью звука закидывал вещи в сумку, отводил глаза, краснел и — улыбался от уха до уха.

* * *

14 декабря

С. мне нравится! Такая классная!

Я вообще не понимаю, за что Фред ее так ненавидит. Он мне на днях заявил, что с радостью искупал бы ее в коровьем дерьме, и избил бы потом как следует, так и сказал. Я тут сам ему чуть не двинул — вот урод, такое про девчонку говорить. Я конечно понимаю, может она ему какую-то гадость сказала или дразнит, но бить-то зачем? Хотя он всего лишь хорохорится. Петух! Если бы ему представилась возможность с кем-нибудь померяться силами, он бы штаны обмочил от страха. Конечно, а про девчонку легко сказать — она же ему сдачи дать не сможет.

Ну ладно, в общем нас посадили вместе на уроке по маггловедению, и все из-за Фреда, или благодаря Фреду. Мне сначала тоже ужасно хотелось ее ударить, честное слово, за то, что она меня целый год избегала, а она вдруг мне записку написала — я подумал, подразнить хочет, а она спросила про мои волосы. Ну я и выдал случайно, что знаю заклинание, чтобы они быстро росли. Попросила научить.

Не знаю, не знаю — но повод хороший.

* * *

Что значит для тебя сон, друг мой? Кого ты чувствуешь, когда протягиваешь руку в слепом сновидении вперед? Что ты чувствуешь, когда отрываешься от земли и не никак не можешь взлететь? Вот перед тобой неразрешимая проблема: ты не левитируешь, но и не летишь. Ты бултыхаешься в воздухе, как в воде в двух метрах над землей, и неведомая сила тянет тебя обратно и бросает вниз — в пропотевшие простыни... Мне снились такие сны в детстве. После этого, в Хогвартсе, я вообще редко видела сны — или видела шумные образы, перешедшие в ночь из дневного бодрствования: кто-то бежит, говорят, хохочут, еще кто-то ест. Эхо голосов, стук каблуков, звон тарелок. В разных бессмысленных вариациях. Кто считает, что школьники высыплются за восемь часов — не правы. Когда учишься, читаешь, зубришь — устают не тело, устают мозг. Не хватает сил думать, даже если хватает сил двигаться.

Но вот один почему-то меня преследовал: вот так банально. Преследовал. Как героинь дешевых маггловских романов в мягком переплете и с сердечками на обложке, которые Джаде прятала под подушкой и с мученическим пафосом зачитывала по вечерам вслух, несмотря на все вежливые просьбы «заткнуть свою пасть» — там томные красавицы просыпались посреди ночи в холодном поту, и хватались за сердце с дебиловатым «ах» — во сне они становились свидетельницами того, как их возлюбленные погибают на дуэлях с усатыми злодеями в черном от предательского выстрела в спину, когда честно отсчитывают шаги от воткнутой в землю шпаги!

Вот как! И после этого, как водится, у них от горя происходят либо выкидыши, либо сразу бесплодие. Я вот думаю, умирали бы они, что ли, сразу — после такого-то сна! Все равно ясно, что дальше будет и чем книжка закончится!

Так вот мне снилось: перебираюсь по земле, но не шагом, а ползком. Сначала помнила только это, потом когда просыпалась, вспоминала и другие подробности — что ни ног, ни рук, и не на что опираться, что тело скользкое и что во рту непривычное, гадливое ощущение. Все равно никак не могла понять, пока на восьмой или десятый раз не услышала — Его. Ветер по траве и шелест крыльев. Панический страх — меня сейчас убьют! Кидаюсь вперед настолько быстро, насколько возможно. Не вижу его, не успеваю, не оборачиваюсь — только — хлоп, хлоп, хлоп — он машет крыльями медленнее, когда приближается к земле. Удар — боль!!! И я вскакиваю. Я знаю, что он убил меня. Заклевал и сожрал.

* * *

— А теперь, вручения ожидает школьный кубок, и очки распределились следующим образом: на четвертом месте — Гриффиндор с тремястами двенадцатью очками; на третьем — Хаффлпафф с тремястами пятьюдесятью двумя; Рэйвенкло получил четыреста двадцать шесть, а Слизерин — четыреста семьдесят два.

Конечно, весь наш стол ликовал. Со стороны это казалось невероятно бурной радостью, но на самом деле никто никогда не сомневался в победе, и принимал ее как должное. **По-настоящему бурная** радость моего факультета взорвала бы Зал.

— Да-да, хорошая работа, Слизерин, — хитровато сказал директор, поглядывая в сторону одного из первокурсников, хилого крысенка по фамилии Малфой, который, разбрасывая слюни стучал по столу своим кубком, тьфу, позорище, ведь он сам не принес факультету ни одного очка. — Однако следует принять во внимание и недавние события.

Все замерли. Все поняли в чем дело — видимо, слухи ходившие по школе о Потере и его «подвигах» оказались не дешевой «уткой». Люк с силой сжал мою руку (он по-прежнему сидел по правую сторону от меня), а Сид перестал улыбаться. Не дай Бог!!!

— Гхммм, — откашлялся Дамблдор. — У меня тут немного наисвежайших очков прямо к ужину. Посмотрим... Итак... Первое — мистеру Рональду Уизли... — Взгляды переместились на первокурсника — гриффиндорца, лицом напоминавшего жабу-переростка — ...за непревзойденную партию в шахматы, лучше которой Хогвартс не видал уже многие годы, я награждаю Гриффиндор пятьюдесятью очками.

Люк посмотрел на меня так жалостливо, что мне захотелось обнять его — лишь бы не плакал. Малфой, а особенно его жирные товарищи, однако, выглядели довольно смешно.

— Второе — мисс Гермione Грейнджер... за применение холодной логики пламени вопреки, я награждаю Гриффиндор пятьюдесятью очками.

Маркус скреб ногтями деревянный стол. Видно было, что ему хочется кого-то поколотить — не исключено, что вот эту самую маггловку, которую мы встретили в Хогвартском экспрессе первого сентября.

Гриффиндор переместился уже на третье место, отставая от Рейвенкло всего на 14 очков — я поймала взгляд Криса — он тоже выглядел расстроенным. Его факультет уже устал надеяться на победу в кубке, однако, от серебряной награды, пусть она всего лишь устная, отказываться тоже не хотел. Он помотал головой, глядя на меня и одними губами произнес: «Вот гады!»

— Третье — мистеру Гарри Поттеру... — продолжал Дамблдор. В зале воцарилось гробовое молчание -... за настоящее мужество и выдающуюся храбрость, я награждаю Гриффиндор шестьюдесятью очками.

Нечто невероятное! Ровно четыреста семьдесят два очка! Точь-в-точь как у нас! Думаю, у каждого слизеринца на секунду в голове мелькнула безумная мысль — директор специально сравнял счет, чтобы попытаться примирить наши факультеты и доказать, что мы равны! Черта с два! Гриффиндорский стол превратился в вопящее, орущее, воющее нечто — Дамблдор поднял руку. Мало-помалу зал успокоился. Я снова посмотрела на Криса. Он индифферентно вертел в руках кубок. Теперь ему было все равно.

— Есть различные виды храбрости, — с неизменной ехидной улыбкой сказал Дамблдор. — Требуется большая храбрость, чтобы противостоять своим врагам, но не меньше её требуется и чтобы противостоять своим друзьям. И потому я присуждаю десять очков мистеру Невиллу Лонгботтому.

Последовал взрыв. Но Зал взорвали не мы — гриффиндорцы...

* * *

Дорогой профессор Снейп!

Наверное, я неправильно делаю, что пишу вам это письмо, но мне в голову не приходит больше никто, кто мог бы мне помочь. Я знаю, что Вы дружили с моим отцом, мне говорил об этом брат, поэтому может быть, Вы подскажете, что мне делать?

После того как учеба закончилась, меня на вокзале встретил папа, но он был какой-то странный. У него с собой было много денег, и он сказал, что мы не будем заезжать домой, а поедem в центр Лондона веселиться. Мы оставили вещи в какой-то квартире, наверное, съемной, поехали смотреть на Траффальгарскую площадь, в магазины. Потом в парке мы попали на какой-то костюмированный праздник, но я не знаю, что это было. Было довольно весело. Я сказала папе, что очень люблю его, но он мне ответил, что я скоро буду его ненавидеть и не стал объяснять почему. Сначала я подумала, что, быть может, он в плохом настроении, но он говорил еще много странных и непонятных вещей, которые я не буду Вам перечислять. И дома он тоже уже много дней ведет себя странно и все время где-то пропадает, хотя я ни разу не видела, чтобы он выходил за ворота. Может быть, вы знаете что с ним случилось? Наверное, если бы он заболел, он не сказал бы мне об этом. Он ничего Вам не говорил?

Пожалуйста, если Вы знаете что-то, или он Вам говорил, что что-то случилось, скажите мне! Мне хочется помочь папе, особенно если он заболел.

Искренне Ваша, Селена Нотт

* * *

Говорят можно чему-то научиться на своих ошибках, в то время как чужие ни в чем не помогут: Не согласен!

Не согласен с тем что можно вообще чему-то научиться, даже на своих. И дело тут вовсе не в глупости или неумении делать выводы. Нет!

И лучший пример тому, моя рука.

Однако, будем думать, что никто этого не заметил: Хотя сделать это было довольно сложно, ведь даже лист, лежащий передо мной теперь тоже запачкан кровью.

Просто кровью, капающей с моей ладони. Кровь. А я надеялся, что этого больше не повторится, думал, что научился себя контролировать, думал, что изменился. Я начал сам верить в то, что я такой, каким пытаюсь казаться. Но откуда тогда эта кровь? Где мое хваленое безразличие, хладнокровие, бессердечность? Почему бокал снова лопнул в моей руке?

Мне не больно, я привык, привык когда-то так успокаивать себе нервы, перебивать одну боль другой, более острой и осязаемой, более объяснимой и легко устранимой: что может быть проще, чем остановить кровотечение? Задание для первого курса! Но это отвлекало, успокаивало, убивало другую боль, ту которая кромсала в клочья душу. Душа! Моя мертвая душа.

Кто просил ее просыпаться!!! Кто просил лезть в мою жизнь!!!

Я ведь пытался ее похоронить, спрятать куда-нибудь подальше, после...

После нее... После того, что я с ней сделал...

Я? Великий Мерлин, причем тут я?! Я ведь только хотел ее вылечить, но...

Я ненавижу их всех! Всех до единого! Как можно позволять им разгуливать на свободе? Они тоже люди, такие же как мы?! Кто сказал такую глупость! Нет, они не такие и тот, кто хоть раз видел их в полнолуние, тот со мной согласится: оборотни не люди и им не место среди людей!

Что я говорю? Ведь она тоже была такой.

Была, но никогда бы не стала, не будь закон так лоялен к волкам в человеческой шкуре, к тем, кто живет только жадной охоты, к тем, чья жизнь превратилась в ожидание тех самых нескольких дней, когда просыпается их настоящее «Я».

Мне должно быть легче при мысли, что он, тот кто убил ее, нет, не убил, покалечил, наказан? Правосудие восторжествовало!

Правосудие! Как это красиво звучит. Чего оно стоит, раз наказали его за убийство, за убийство, которого он не совершал.

Да, черт возьми, не совершал! Потому что убил ее я!

Вот этой самой рукой, из которой теперь капает кровь я подал ей стакан.

А как я должен был поступить? Что нужно было сделать? Смотреть, как ее лицо искажается от боли при одной только попытке пошевелиться, хладнокровно пропускать все мольбы о смерти, пытаться вылечить самые глубокие раны — раны в ее душе — пытаться убедить в том, что это можно вылечить? Она знала все не хуже меня, она послушно принимала все снадобья, лишь качая головой и говоря: «Когда же я получу на ночь свою порцию яда, Северус? Неужели ты так меня ненавидишь? Я больше так не могу.» Я ее ненавижу? Как она могла так говорить мне? Она просто знала, что только это может подействовать на меня.

И она получила, то чего так просила. И просто выпила, слегка улыбнувшись, потом взяла мою руку и произнесла: «Спасибо», и просто заснула. Заснула с той же радостной улыбкой на губах. Заснула человеком, а не волком. Закрывает глаза и ушла потому что, что-бы лишить человека жизни, вовсе не обязательно выкрикивать пафосные слова и выпускать из палочки клубы зеленого дыма — да это очень красиво, но ведь все гораздо проще.

Кому проще? Ей? Возможно, ведь там ей должно быть хорошо.

А я? что должен делать я? тот, кто все же подал ей однажды на ночь то, чего она больше всего желала — яд.

Умереть? Просто убить самого себя и остаться на век между мирами, наедине со своими мыслями? Нет, это слишком жестоко. Даже для такого человека как я! Но что мне тогда было делать?

Я думал что справился. Усмирил совесть и чувства, превратился в черствого бессердечного профессора Снейпа, не способного на любовь и сострадание.

Но...

Кровь, лопнувший в руке бокал, острая боль, пронзающая челюсти, которые просто нельзя сжимать с такой силой — все это с одной единственной целью: с какой, Северус, с какой? Что с тобой происходит!

Письмо от Селены, дочери Эвана, некогда моего лучшего друга. Одно единственное письмо. Последняя капля.

Что ж нужно признаться, просто признаться самому себе, что она для меня не просто лучшая ученица. Вот она моя очередная ошибка, которую я когда-то поклялся не повторять: Я иногда ловлю на взгляд и мне становится больно, больно и страшно за нее. В чем она виновата? За что судьба наградила ее таким отцом? Почему она должна расплачиваться за его поступки? Это не справедливо!

Справедливость? Существует ли она? Нет! И Селена лучшее тому подтверждение: она любит своего отца и беспокоится за него, боится того, что происходит с ним, боится... А что происходит с ним? О, он испуган. Он одновременно рад и расстроен. Рад провалу Квиррела — ведь Эван предал своего господина в какой-то степени, и расстроен, потому что надеялся, что хозяин все же вернется в хорошем расположении духа и простит, и снова поделится силой, а он не смог...

Будь хоть что то в моей власти, я бы забрал ее у Эвана, что бы оградить от него и от всего его окружения, от того, о чем она еще не догадывается, от того, о чем ей лучше не знать.

31 июля полночь

С. Снейп

Дорогой профессор Снейп.

Извините пожалуйста, что я потревожила Вас. Наверное тот факт, что Вы не ответили на письмо свидетельствует о том, что Вы очень заняты или что моя просьба была довольно глупой.

Еще раз извините.

Желаю Вам счастливых каникул,

Искренне Ваша, Селена Потт

Глава VIII. Si vis pacem, para bellum

Требовательный, но вежливый стук в парадную дверь металлическим молотком возвестил о том, что папин визитер все-таки явился. Дворецкий поспешил открыть и одним кивком головы, но почтено, приветствовал гостя. Я уже видела этого человека однажды много лет назад, тогда он выглядел моложе, и приехал с дочерью, но его повадки ни на йоту не изменились: такие же сердитые светлые глаза шныряли по окружающим; он был таким же сухим и поджарым, только морщин на лице стало гораздо больше и под глазами залегли черные круги.

— Здравствуй, Айзек! — поприветствовал его папа, любезно улыбаясь, но я заметила, что глаза его улыбка не затронула, он оставался холоден и равнодушен к гостю, — Проходи, проходи... Почему же ты не взял Кэти с собой? Думаю, Селена ее ждала.

Я еле удержалась от того чтобы выпалить «не ждала!». Меня не слишком радовала перспектива снова играть во дворике с Кети Белл, теперь уже не просто моей ровесницей, коих сотни, а догонялой Гриффиндора по квиддичу и подругой моего заклятого врага.

Я вежливо присела в реверансе перед мистером Беллом. Он нарисовал на лице фальшиво-умильную улыбочку и перевел взгляд на мою правую руку, и в его бесцветных зрачках немедленно проскользнуло разочарование. Такие взгляды я очень часто ловила, когда кто-то разглядывал подаренную Патриком дорогую безделушку. Возможно, камни в глазах у змейки — это не изумруды, а какой-то другой, более редкий самоцвет, и стоит он, соответственно дороже. И золото наверняка самой высокой пробы, уж слишком мягким и гибким кажется металл, из которого сделано кольцо. Но сейчас кольца на пальце не было — очевидно поэтому Белл разочаровался, он хотел своими глазами на то, что, как я была тогда уверена, являлось очень и очень дорогой фамильной драгоценностью.

Несколько месяцев назад преподаватель Трансфигурации профессор МакГонагалл заметила это украшение, и заметно понервничав, не самым вежливым способом заставила меня снять его. «Не самым вежливым способом» — это назвав меня хорохоркой и хвастуньей, и отобрав у моего факультета пять очков. Раньше она никогда не позволяла себе такое поведение и всегда была сдержанной и сухой, даже по отношению к студентам моего факультета, и абсолютно справедливой, поэтому мне тем более была непонятна ее реакция: неужели нельзя было просто объяснить, что девочкам в Хогвартсе запрещается носить украшения в будние дни и упомянуть соответствующий пункт правил поведения в школе. Впрочем, в правилах не было об этом ни слова, и через пару дней я начала обращать внимание, что многие мои однокурсницы, не говоря уже о девочках постарше, носят в ушах, пусть скромные, но все-таки золотые и серебряные сережки. Однако колец и браслетов ни у кого не замечала. Последние можно было вполне удачно спрятать под длинными рукавами мантии, причем, зачем тогда вообще их носить? Разве что если украшение содержит в себе защищающее заклятье и подарено родителями, чтобы оберегать отпрыска от злонамеренных чар или является каким-то специфическим символом...

Ну что ж, сейчас каникулы, и очень хорошо, что я вспомнила про любимый подарок, преподнесенный братом, можно хотя бы на пару недель снова надеть его и любоваться как солнце играет в зеленоватых глазах изящной красавицы — змейки. Папа наградил меня выразительным взглядом, теперь можно оставить его один на один с визитером и возвращаться в комнату. За все лето мне почти никто не писал, разве что толстая сипуха принесла открытку от Криса, в которой он очень кратко и как будто со стеснением (или мне показалось?) спрашивал меня какие книги по маггловедению я буду читать на следующий год в дополнение к школьной программе, и рассказывал, что он делает и как отдыхает. Мне даже не слишком хотелось отвечать на это письмо, и я отложила его в сторону в ожидании соответствующего настроения, не слишком надеясь, что вообще напишу ответ до конца лета...

Профессор Снейп на мое послание не ответил, и я почувствовала стыд за то, что доверилась ему. С Айри я отправила ему второе письмо, где как могла извинилась за причиненные неудобства, однако мою совесть это не спасло: кто-то продолжал упорно грызть ее изнутри то ли смутным предчувствием, то ли явным сожалением...

Развлекаться мне было особенно нечем — я ела фрукты, помогала Лиде обрабатывать розы в оранжерее, сделала все домашнее задание, данное студентам на лето, потом прочла от безделия пару маггловских любовных романов и много спала.

Шкатулка с украшениями, открывшись, встретила меня перламутровым блеском переливающихся в дневном свете драгоценных металлов и камней. В основном все это досталось мне от мамы и бабушки, исконно моими были только две золотые цепочки, тонкий платиновый браслет, и кольцо. Возможно, оно тоже принадлежало кому-то из женщин моего рода (по маминой линии, конечно, раз уж оказалось на руках у Патрика), и передавалось по наследству. Я пару минут повертела его в руках, примерила на правую руку, на которой обычно носила, подняла к свету, пошевелила пальцами. Потом сняла и тут же надела на левую — на безымянном пальце руки-бездельницы у меня был длинный и опрятный ноготь, в то время как на правой он был до крови обкусан и весь окружен заусенцами.

Странное ощущение охватило меня — тревоги, беспокойства и нервозности, не спровоцированное, казалось бы, ничем. Я вперила взгляд в кольцо — глазки змеи горели, оставалось впечатление, будто сквозь них проходит солнечный свет. Я совершенно механически отвернулась от широкого аркообразного окна и заслонила его своей спиной. Камни не погасли, теперь я поняла, что свечение исходит изнутри. Палец занял. Когда-то в детстве я неудачно упала, вывернув указательный палец и вызванный на дом медимаг сообщил, что в кости трещина. Ощущение было точно такое же, только, когда это я успела сломать палец?!

Подумать только, мне даже на секунду не пришла в голову мысль снять кольцо — я бросилась в ванную и подставила руку под холодную воду. Беспокойство сменил страх, который поднимался по горлу, как тошнота. Я уронила голову и оперлась руками об холодную раковину, тяжело дыша... Может быть, я отравилась?

Чушь, я ничего не ела, меня еще не приглашали к столу, до ленча оставался час. Прижимая руки ко рту, я бросилась к открытому окну и вдохнула воздух. Легче не стало. Тогда я перелезла через подоконник и, отдуваясь в немыслимой духоте, которую совершенно не ощущала еще пять минут назад, спрыгнула в густой кустарник. Мне надо пройтись... Мне надо найти самое прохладное место сада, думала я, дыша через рот, с хрипом, как астматик. Но ноги меня как будто не слушались — поддаваясь беспричинной панике, все возраставшей внутри, ноги несли меня сами, и я плелась в сторону оранжереи. Там стоял затхлый теплый запах удобрений и было еще более душно. Стеклопанная крыша удваивала силу солнечного света, и в некоторых местах он становился невыносимо ослепительным. Я оперлась о нагретую стену теплицы, пытаюсь отдышаться, и держась за сердце. Я напоминала самой себе больную старуху и страшно сердилась, потому что не понимала, что происходит и чем я больна. Солнечный удар вряд ли мог настичь меня в помещении... Не дай Боже меня кто-то заметит, не дай Боже кто-то сюда сейчас зайдет, стучало скворцом в голове.

Я прикрыла глаза — все вокруг ходило ходуном, плясало и веселилось, и оставаться на ногах, глядя прямо вперед, представлялось невозможным. Меня сильно мутило, и сквозь туман тошноты и головокружения я услышала собственный стон. Колени подкосились и я упала вперед, угодив ими в мягкую землю. Прямо перед моим лицом покачивались розы, покрытые капельками влаги, полураскрытые бутоны самых разнообразных цветов. Этот сорт роз был без шипов — ума не приложу, как Лиде удалось такие вырастить. Вполне вероятно, что здесь не обошлось без заклинания.

Я не знаю, чего этим пыталась добиться, но я уронила руки на мягкую, недавно политую землю, и погрузила в нее пальцы. Теперь ныла вся левая рука, как будто мне вывихнули запястье, причем ныла настолько сильно, что казалось, будто эта боль захватывает и правую. Захватив пальцами горсть земли, я бессильным резким жестом кинула ее в сторону, потом снова собрала горсть, снова отбросила. Мои голые коленки уже были перемазаны в черноземе. Мне смертельно хотелось зарыться в эту землю, погрузиться в нее целиком, чтобы сбежать от боли и головокружения. Не слишком понимая, что я делаю, я повторила свое движение снова, и снова, и снова... Я начала рыть землю с бока грядки, и постепенно добралась до первого цветка. С остервенением роза была схвачена поперек стебля — когда я вытаскивала ее из земли, она хрустнула и переломилась.

Зачем я это делаю? Я не понимала.

— Ай! — это неровно сломался ноготь на безымянном пальце левой руки. Я отковыряла его, и я снова принялась за работу.

У меня участилось сердцебиение, в голове завывали какие-то голоса, послышались звуки, звон. «Надо зарыться в нее, пока я не потеряла сознание, надо зарыться, надо зарыться» — повторял голос в моей голове, а пальцы продолжали раскидывать землю с грядки во все стороны. На какой-то миг мой разум прояснился, но только для того, чтобы выловить затуманенным

взглядом инструменты, что стояли у стенки сбоку — пара лопат разных размеров, самая маленькая была больше похожа на савок, и грабли. Я упала на грудь и проползла полметра, чтобы ухватиться за рукоять самой большой лопаты. Затем таким же способом, но уже пятясь, проползла обратно. Поставив лопату на древко и опершись об нее, как об посох, я медленно начала подниматься на ноги.

Через несколько секунд инструмент врезался в землю, и я продолжила выполнять свою работу, безумную, непонятную работу, не замечая того безобразия, который творился вокруг грядки.

А еще через пару минут лопата ударилась обо что-то твердое и я от неожиданности чуть не упала. Впрочем, я сразу отбросила ее в сторону и тут же снова повалилась на колени, продолжая раскидывать землю руками. Мои пальцы нащупали что-то округлое, гладкое, что-то, от чего комья земли легко отлипали. Я постаралась пошире открыть глаза, несмотря на то, что веки казались тяжелыми как свинец. Обхватив предмет ладонями, я потянула его вверх.

И в этот самый момент мое сознание прояснилось, очистилось, как грешник от скверны и я подняла находку к глазам. Это был череп. И судя по размерам — череп младенца. Ахнув от ужаса и отвращения, я уронила его на землю, и даже несмотря на то, что руки мои были перемазаны в глине, я заметила, что глаза змейки-кольца все еще горят, переливаются нехорошим, холодным блеском. Уже в здравом уме и твердой памяти я принялась разгребать землю дальше. Вслед за черепом я добралась до остальных костей. То, как лежал слой земли, подсказал мне, что надо рыть дальше — буквально еще полсантиметра. Да, так и есть. Ребенок похоронен позже всех — под его скелетом, а также под тонким слоем влажной земли, я нашла еще два, три, нет четыре скелета... По крайней мере черепов было четыре, а сколько костей — я не насчитала, потому что на меня резко накатила финальный, неудержимый приступ тошноты, и меня вырвало желчью и слюной прямо на изуродованную грядку, оказавшуюся братской могилой. Я ощутила будто бы удар в спину, выпрямиться уже не смогла, повалилась на землю, и краем глаза заметила Бесси, спешащую ко мне из дверей теплицы, сжимавшую в одной руке палочку, другой подобравшую пышную юбку с передником, прежде чем потеряла сознание...

* * *

Помню, очнулась я в своей комнате, за окном все также светило полуденное солнце. Надо мной сидела нянька.

— Слава Богу, дорогая, — сказала она, — Ты почти час не приходила в себя!

— Что со мной случилось? — сказала я, и обнаружила, что во рту пересохло.

Бесси понимающе улыбнулась, взяла с прикроватного столика стакан воды и, придерживая меня за шею, помогла отпить из него пару глотков.

— Солнечный удар, — коротко сказала она. Странно... Она не принялась причитать, сетовать на жару, ворчать под нос — это не было похоже на мою старую няньку.

— Там, в оранжерее, я видела... Там люди зарыты в могиле!

Бесси посмотрела на меня с ужасом.

— Я думаю, тебе стоит отлежаться не несколько часов, а весь день.

— Но я видела!

— Что ты видела? Насиделась на подоконнике на самом солнцепеке, и свалилась прямо в кусты перед окном! — вот теперь Бесси стала похожа на прежнюю ворчливую Бесси...

— Но там трупы!

— Мышиные?

Наверное, у меня действительно был удар, и все привиделось, подумала я на мгновение. Но нет — воспоминание было чересчур явным — сны такими не бывают. Бесси цокнула языком, покачала головой, как недовольная мамка и, зачем-то прихватив с собой стакан, вышла из комнаты.

Я оглядела свои руки — под ногтями и на коже не было никаких следов грязи, руки благоухали кремом, как всегда. Кольцо красовалось на безымянном пальце правой руки.

А на безымянном пальце левой был сломан ноготь...

* * *

Обед я пропустила, а к ужину спустилась, просто-таки прибежала, раньше всех — это странно, но недомогание прошло, будто его сняло рукой. Я успела тайком сбегать в оранжерею — там все

было по-прежнему, никаких признаков вторжения, все та же идиллическая картинка роскошного цветения, и его аромат смешан в воздухе с запахом удобрений.

На ужин подали три разных салата, и нежирную жареную рыбу. На сладкое тоже был салат — фруктовый. Лето стояло очень жаркое, поэтому тяжелую пищу повар не готовил. Однако я не чувствовала себя сытой, поэтому вторглась на кухню, вытребовала там огромную сдобную булку и кувшин молока и села уничтожать их за стол для прислуги.

Повар Джастин умильно смотрел как я жую, его толстые щеки покраснели от удовольствия.

— Леди никогда не отличалась таким аппетитом.

— Сегодня я что-то на подъеме, — подмигнула я ему, — Отлично себя чувствую, и все время хочется есть.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но наверху послышался какой-то шум, слишком громкий и непривычный для нашего дома. Я вопросительно посмотрела на Джастина. Он сконфуженно пожал плечами. Тем временем шум становился все громче, и я различила топот как минимум десятка ног и чьи-то сердитые голоса. Бросив недоеденную булку на стол, я бросилась посмотреть, в чем там дело и кто пришел. Айзек Белл уехал сразу после обеда, и других визитеров не ожидалось — может быть, я не все знала, или кто-то заявился без приглашения?

В гостиной моим глазам предстала странная картина — кучкой стояло четверо людей в одинаковых черных плащах, отец спорил с ними, яростно жестикулируя, вернее не с ними, а с одним из них — худощавым блондином лет тридцати пяти. Остальные молчали. Еще трое разбрелись по гостиной, разглядывая трофеи, сувениры и подарки, украшавшие ее.

— Это возмутительно! — говорил отец блондину (чьи черты лица показались мне странно знакомыми), — Вы вторгаетесь ко мне в дом посреди бела дня и порочите мое доброе имя, подсовывая под нос какие-то бумажки...

— Свое доброе имя, Нотт, ты уже сам давно опорочил, — перебил его белый неприятным скрипучим голосом, — А бумага подписана зав. Отдела по Борьбе с Незаконным Использованием Черной Магии, и здесь говорится, что мы имеем право на обыск твоего дома.

— Что вы здесь... — начал было отец, но тут заметил как один из пришельцев приподнимает огромную хрустальную вазу с предназначенной специально для нее тумбы, — О Мерлин! Положите это немедленно! Это стоит больше ваших зарплат за всю жизнь!!! — выкрикнул отец, отгоняя человека в черном. Тот принялся ругаться с ним, объясняя, что обязан осмотреть все, в то время как блондин обратил свой взгляд ко мне. Где-то в груди сжалось, екнуло и скомкалось: человек был знаком мне до невозможности, и, хоть сам он был мне противен, с ним проходила какая-то приятная, теплая ассоциация, он кого-то нестерпимо, почти болезненно напоминал.

— Здравствуй девочка, — седва заметной издевкой проговорил он, и прищурился; я попятилась от него к дверям, — В Хогвартс учишься?

Я кивнула.

— А зовут тебя Селена, верно?

Снова кивок.

— Скажи пожалуйста, Селена, не замечала ли ты в доме чего-нибудь странного? Не слышала ли подозрительный шум, не пропадали ли у тебя домашние животные?

Я продолжала молчать. Незнакомец приближался.

Он подошел ко мне близко, очень близко, и остановился в ожидании ответа. От него пахло потом и табаком.

— Ну так? — повторил он.

Я подняла голову и, харкнув как портовый грузчик, плюнула ему в лицо. Осознание того, что я сделала, пришло только через несколько секунд, когда он взвыл:

— Чертово отродье! — и попытался схватить меня за шиворот. Я увернулась.

— Селена! Марш в комнату!!! — закричал отец так громко, как никогда не кричал. Просить дважды не пришлось — я уже неслась по лестнице что есть мочи, а вслед мне неслись вопли и проклятья...

* * *

Я в который раз убеждаюсь, что большинство людей не способно мыслить логически. Ведь прошло достаточно времени, чтобы успеть сделать выводы из произошедшего. А чем занимаются все они? Все, в том числе и люди, которым стоило бы призадуматься над этим, предпочли отмахнуться и забыть обо всем. Действительно, что произошло? Только то, что три малолетних идиота сумели обойти все уровни защиты, так старательно изготовленные лучшими

специалистами нашей школы. Целый год Лорд находился под одной крышей с учениками школы и чуть не овладел тем, что помогло бы ему воплотиться и больше не терять своего могущества...

Так кто же сказал, что после уничтожения Философского камня можно спокойно жить дальше? Неужели можно всерьез думать, что первая за последние одиннадцать лет попытка Волдеморта вернуться туда, где он был одним из самых великих и где его имя боялся произнести почти каждый, станет последней? Теперь я вижу что можно и самое главное, что так оно и должно быть...

Но и среди подобной тупости встречаются порой проблески сознания. Но «праведный гнев» заглушает начавшие было теплиться огоньки здравомыслия. И это гораздо хуже, нежели, натянув на лицо совершенно безразличное выражение, пропускать все происходящее мимо глаз, ушей, мимо себя...

Но совсем недавно «блюстители буквы закона» начали проводить обыски.

Почему эта, вполне здравая мысль, пришла в пустые головы авроров именно сейчас? Ответ просто до безобразия: потому что ОН, или нет, скорее пока его имя возникло из небытия. Да его имя всегда наводило ужас, всегда. Долгие годы после того, как все «многоуважаемые маги» убедили себя в том, что Лорд все же сгинул в небытие... Даже смешно...

Магглы! Черт бы их побрал...

С чего они взяли, что он погиб: не было свидетелей, никто не видел тело, а шрам на лбу этого сопливого ублюдка не значит равным счетом ничего! Но... одиннадцать лет молчаливого спокойствия и, как следствие, полная потеря бдительности: Лорда больше нет, а все ОНИ, его многочисленные последователи, наказаны по заслугам... Наказаны кем? Их хваленными органами правосудия?...

Но пусть хоть кто-нибудь попробует мне объяснить, как в таком случае могли выйти сухими из воды такие люди как...

Северус, ты начинаешь повторяться!

И что они предпринимают теперь? Громкие обыски! Правильно, раз не хватает ума, как не хватало его и раньше, будем действовать силой!

Браво, другого я от вас и не ожидал!

Вот только не понимаю, что собирался найти в поместье Эвана Нотта Джейкоб Фоусетт? Нет конечно вполне можно понять его желание поймать за руку Эвана... Но!

Или этот «страж закона» всерьез думал, что все тайные двери, лаборатории, хранилища этого дома будут вмиг открыты перед ним... если оно действительно так, то мне остается только позавидовать ему — редкие люди остаются детьми приближаясь к рубежу сорока лет... Но это скорее все же не наивность, а глупость... Да любому слепоглухонемому инвалиду понятно, что весь этот дом буквально нашпигован вещами, которые ни в коем случае не должен видеть посторонний. Остается только все это найти!

И вот тут уже сила не поможет, будь ты хоть семь пядей во лбу! А потому припадок «гнева», охвативший так ничего и не нашедшего Фоусетта вполне понятен: если верить результатам его обысков — Эван «чист как стеклышко»... и что же решает предпринять потерпевший поражение Джейкоб? Именно! «Сила есть, ума не надо!»: просто-напросто пообещал вернуться и спалить все к чертовой бабушке, вместе с Ноттом, его дочерью и пасынком. А эта фраза уже не нуждается в комментариях...

такого-то августа, не слишком хорошо помню которого часа

пр. Северус Снейп

Глава IX. Coram populi

От тех, кто приходил в наш дом оставалось осязаемое воспоминание всего несколько часов — в виде чудовищного беспорядка в доме. При обыске не церемонились. Но и эти следы пришлых слуги ликвидировали за несколько часов, и всеми было принято молчаливое решение не вспоминать о происшедшем. Тем труднее приходилось мне, поскольку меня мучило страстное желание удовлетворить свое любопытство, и узнать, что же все-таки произошло и по какой причине: что искали эти люди, чего они хотели конкретно от отца, и почему человек с нестерпимо знакомыми мне чертами лица задавал все эти странные вопросы.

Но больше всего мне хотелось узнать у отца про оранжерею. Уж папа-то точно не будет мне лгать, как Бесси, уж он-то точно скажет мне всю правду, ничего не скроет, думала я. Но какое-то смутное предчувствие мешало мне обратиться к отцу с вопросом, и я списала его на счет боязни показаться папе слишком глупой и занудной...

Несколько дней подряд я бездумно разглядывала в комнате открытку, полученную от Криса: на ней летали пчелы и мелкие птицы вокруг куста с розочками, и поблескивала надпись золотым на розовом — «Счастливых каникул!»

Будь что будет, я решила написать ему. Ведь он известный в Хогвартсе безобразник, он может придумать, как выведать все, или у него фантазия побогаче моей, или знает он больше, мало ли? Я ничего не потеряю, если расскажу не все и в выгодном мне ключе.... Или просто спрошу, как бы Крис поступил, окажись он на моем месте. В конце концов, мы все-таки приятели, хоть и не близкие друзья.

Так я и сделала. В коротком письме я поведала ему, о том, что подозреваю близкого человека в сокрытии большой тайны, и что к нам домой приходили авроры, обыскивали его; но папа и остальные не хотят мне ничего рассказывать и держат рот на замке. Что это могло бы быть?

Айри унес конверт, и я подумала, что ответ получу уже лично и в Хогвартсе — до конца лета оставалось всего несколько дней.

* * *

14 августа

«Если я узнаю, что ты общаешься с этой крысой, я удушю тебя своими руками» — я никогда не видел, чтобы отец так сердился без причины, и уж тем более он не грозился меня убить. Я понимаю, не всерьез, но все равно! Это он говорил про С. Я так понял, что у него давние счеты с кем-то из ее семьи (по работе) и поэтому он не хочет, чтобы я дружил с ней. Чертовски глупо! Его дела — это его дела, какой химеры меня в них впутывать? Убиться метлой, не понимаю!

Нет, ну я конечно сказал — да папа, конечно папа, успокойся папа, но про себя так и хотелось заорать на него в ответ.

Как только приеду в Хогвартс, поговорю с Селеной на первом же уроке по маггловедению.

29 августа

Я получил от С. письмо. Это само по себе здорово, но когда я прочел, чуть со стула не свалился. Она говорит, что к ним домой приходили авроры и обыскивали все, и это произошло как раз в тот день, когда отец завалился домой злой как горный тролль и угрожал придушить меня, если узнает, что я с ней дружу.

Но она сказала, что в ее доме что-то есть, чего авроры не нашли, и хочет выяснить, что это и откуда.

Ни за что, ни за что не расскажу отцу!

Я ответил — мы будем это расследовать!

* * *

— Эй, напилась крови младенцев, Нотт? На кой хрен жрать-то идешь? — крикнул мне вслед Фред Уизли. Ли Джордан по-бабьи захихикал и похлопал его по плечу, мол, удачная шутка, чувак!

— Не обращай внимания, — сказала Джаде: мы шли по коридору на обед после урока зельеделая, и гриффиндорцы, видимо, решили отыгаться на мне, после того как Снейп в очередной раз отнял у них десяток очков, и столько же прибавил нам.

— А ты, Найт, будешь защищать ее до последней капли своей крови? А у тебя-то кровь небось как блевотина на вид и на вкус, а?

Джаде только что успокаивала меня, а теперь сама сжимала кулаки.

— Я размажу его по стене подземелья, — прошипела она.

— Не обращай внимания! — передразнила я ее.

Вообще-то эти издевки продолжались уже добрых два месяца — основными энтузиастами были близнецы Уизли, но периодически я слышала шепот за спиной и чувствовала странные взгляды и от других учеников. Меня дразнили личностью моего отца, насколько я поняла из потока ругательств и дерьма, хотя не очень понимала, что он такое сделал.

Я спросила Криса, не знает ли он в чем дело, но он лишь пожимал плечами.

— Кретины. Я поговорю с Фредом, — сообщал он мне. Но ничего не менялось. Хотя я уверена, что говорить-то он говорил, но такие методы с типами вроде Уизли не помогают.

Апогея этот идиотизм достиг, когда один из близнецов обнаглел до такой степени, что посмел сказать в мой адрес какую-то гадость, проходя мимо слизеринского стола в Большом Зале. Люк и Сид уже поели и ушли — в противном случае от Уизли осталось бы полноздри в спичечном коробке.

Я, однако, осталась невозмутимой, а вот Ламия, сидевшая рядом со мной, взвыла волком:

— А ну повтори, что сказал, ублюдок!

— Я сказал, что ваша Селена — такое же дерьмо, как ее отец!

Ламия замахнулась на него кувшином, но Фред успел отскочить, и сосуд разлетелся об пол вдребезги.

— Что такое?! — завопила МакГонагалл: кроме нее, за учительским столом больше никого не было.

— Уронили кувшин, мэм! — сказала Ламия и невозмутимо улыбнулась, — Репаро! — и кувшин лежит на полу цел целехонек. МакГонагалл вздохнула и уселась на место доедать свой ростбиф.

— Я не могу понять, почему они мне это говорят, — сказала я себе под нос. Ламия взглянула на меня с интересом.

— Брось! Ты что, хочешь сказать, что не знаешь, почему они тебя дразнят?

Я помотала головой.

— Меня-то ладно. Этот урод меня не любит. А отца-то за что?

— Ну во-первых, таким кретинам все равно чем задеть — лишь бы задеть побольнее, — с видом знатока прокомментировала Ламия, — а во-вторых, уж мы-то знаем, какая отменная репутация у твоего отца. Богатый человек, прекрасное образование, чистокровный... А такие как они, — я толком не поняла, что Ламия подразумевала под «такие как они», — считают его причастным... В общем-то они думают, что твой отец был пособником Того-кого-нельзя-называть.

Я отшатнулась от нее.

— Спокоооооно! — сказала Ламия и, схватив за плечо, пододвинула к себе. Заговорила на тон тише, на ухо, — по мне, так даже если это и правда, то это совсем не плохо. Все знают, что Тот-кого-нельзя-называть был самым великим волшебником века! Если твой отец был его приближенным, то наверняка многому научился, и получил хороший опыт. У Великих всегда есть чему поучиться.

Я с недоверием посмотрела на Ламию, но она, не долго думая, добила меня последней фразой:

— Не повезло твоему отцу, его поймали, обвинили, подонки, и опорочили репутацию!

— Кто поймал?! — переспросила я.

— Как кто? Авроры. Я про то, что его судили...

Или она притворилась, что не заметила в моих глазах шок и ужас от услышанного, или она просто непроходимая дура!

* * *

Мадам Пинс никогда не задавала лишних вопросов, для нее главным являлся протокол и правила. Если книга из запретной секции — то выдается при наличии разрешения от преподавателя. Если со стеллажей общего доступа, то — впиши фамилию и дату и бери пользоваться, учись хорошо. И не дай Бог будешь обращаться с книгой небрежно и не беречь ее как зеницу ока! Вот тут мадам Пинс устраивает ад прямо в библиотеке... Я занималась довольно много, и снискала репутацию книжного червя (в положительном ключе и только для

мадам Пинс), поэтому когда я попросила показать мне архивы документации судебных процессов и сопряженных материалов, разрешенных к изучению обычными гражданами, она лишь кивнула и проводила меня прямо до дальнего угла большого зала Библиотеки, где на полках пылилось несколько десятков одинаковых, подшитых вручную фолиантов.

— Поосторожнее с ними — рассыпаются на листы, — сказала мадам Пинс, жестом пригласила меня начать поиск, и собралась уходить.

— Мадам, — я окликнула ее, — а где здесь материалы восемьдесят первого года?

Она посмотрела на меня из-за стекол очков, на этот раз с нескрываемым напряжением, и очень нерешительно задала мне вопрос:

— Вы уверены, что вам нужен именно восемьдесят первый год, мисс Нотт? — мою фамилию она произнесла особенно выразительно, с четким ударением, словно стремилась поставить акцент на моем происхождении — впрочем, так оно и было.

— Уверена, — просто и резко ответила я.

Она махнула рукавом в сторону верхней полки, и пробормотав нечто типа «стремянка стоит вот там», поспешила уйти.

Я, кряхтя, подтащила лестницу и забралась на самую высокую ее ступеньку. Один за другим я перебирала листы самодельных книг, и искала... Пару раз мне попадались знакомые фамилии: Поттер, Эйвери, Малфой, но я пропускала контекст. В конце концов, могу потом прочесть, думала я.

Мне повезло, уже во второй «книге» я наткнулась на заглавие, написанное таким жирным текстом, что пропустить его без внимания уже было невозможно.

«Дело №... Эван Нотт»

Прижав книгу к себе, я спустилась и уселась за стол, что стоял за полками с документацией, ближе к разделу с книгами по истории.

Я расправила страницу пальцами, и погрузилась в чтение:

«Суд над Эваном Ноттом прошел ** ноября 1981 года в Зале Заседаний Управления по делам Использования Черной магии. На суде присутствовали...»

* * *

На суде присутствовали все те отморозки, благодаря которым никакие дела Министерства не могут оставаться в тайне. Они пустили даже эту журналистку-хорохорку, Риту Вритер. Не говоря уже о диком количестве зевак, получивших законное право пялиться на подсудимого благодаря тому, что работали в Министерстве на Бог знает каких должностях: пускали всех работников Министерства, до распоследнего секретаря. Суд был публичный. Считалось, что большое количество уродливых лиц с открытыми ртами, пялящихся на героя дня, окажет давление на человека, и он сознается во всем быстрее, чтобы можно было завязывать с этой канителью и идти жрать свой обед. Хотя... Вину, в общем-то, под сомнение не ставили, но по неписаным правилам судьи и присяжные заседатели должны были возможность абсолютной вины человека оставлять как последний вариант, и изо всех сил искать для него оправдание. Это доходило до абсурда, оправдания иногда были просто смехотворными, и негодование зрителей то и дело сменялось горькой усмешкой. Даже когда против подсудимого были улики, даже когда у него не было алиби, бывало, что его спасала репутация. Смешно подумать — репутация! Когда судят за пособничество Темному Лорду!

Да, мой был одним из первых в этой череде бесконечных судов, и благодаря заступничеству Дамблдора и еще пары человек, которые засвидетельствовали мою невиновность, неопровержимыми (как им хотелось считать) доказательствами, все следующие заседания я наблюдал уже не с Кресла Подсудимых, прикованный к нему цепями, и даже не на Скамье в коморке, пристроенной к Залу суда, для тех кто сидел там часами, ожидая своей очереди зайти в мясорубку, а в качестве зрителя. Меня не заботило, что от меня шарахались, меня не пекло, что в мою сторону показывали пальцем. Плевать. Не я, а они. Это закон войны — да, они мертвецы, но я-то жив. Я невиновен. Меня оправдали. Вам нечего больше мне предьявить, вам не во что больше ткнуть меня носом, держа за шиворот, как ссаного щенка.

Эван сдался без сопротивления — это его спасло. Они просто пришли к нему в поместье и повязали «гада поганого». Он ничего не сказал, не кричал, не возмущался, не скрипел под нос «вы об этом пожалеете!». В конце концов, он с самого начала облавы знал, что это неизбежно. За несколько недель до ареста у него умерла жена, и когда его уводили, в доме выл двухлетний ребенок, хватаясь за юбку жирной няньки, которая поминутно отвешивала девочке

подзатыльники, чтоб та наконец заткнулась. Видимо, у няньки дрожали руки, и надо было это скрыть. В два года дети уже все понимают... Почти все.

Я наблюдал за этим действием из экипажа, сидя со связанными руками. Авроры придумали, как сократить себе рабочий день: как пьянчуга шатается по барам, из одного в другой, так и они несколько рейдов объединяли в один, за день проводили как минимум пару-тройку арестов, не заезжая в Министерство, а уже вечером разом сдавали начальству весь «улов». Арестованный первым был невольным свидетелем того, как задерживают остальных.

— Я выкручусь, — сказал мне Эван одними губами, сидя напротив меня в карете. Он был бледен, но как никогда уверен в себе и своих силах. — На всякий случай у меня есть это. — Он поднял связанные руки и с трудом оттянул ворот рубашки. На его шее болтался массивный крест с круглым непрозрачным камнем типа агата, но меня в заблуждение ввести в этом деле нелегко — то был не камень, а капсула с сильнодействующим ядом, возможно цианистым калием. Крест сунуть в рот — цепочки как раз хватит по длине — и раскусить капсулу.

— Миндаль? — тихо спросил я. Он кивнул, подтверждая мои подозрения. Эван хорошо изучил маггловскую историю, а уж историю нацизма он знал назубок.

Но прибегнуть к этому ему, разумеется, не пришлось, так как его признали невиновным. Его никто не пытал, не бил и вообще вели себя с ним до idiotизма политкорректно. Посидеть в лапах дементоров несколько часов или день — это конечно досадно и неприятно, но не смертельно.

Его судили сразу вслед за мной, и о том, как прошел суд, я узнал позже, из протокола, сразу как он стал доступен для меня.

Вот, собственно, и все. Наши отношения, когда-то бывшие дружбой, или хотя бы ее искаженным подобием, перешли в знакомство. Иногда мы переписывались, в основном относительно его ребенка. Я не видел его до тех пор, пока не настал год поступления его дочери в Хогвартс. Тогда мы встретились в Диагон-аллее и обсудили перспективы нахождения девочки в обществе сверстников после десятилетнего затворничества.

Но я-то знаю его вину. Хотя уверен, что знаю далеко не все. Но Эван был чуть ли не единственным, на кого я не «настучал» Дамблдору по каким-то конкретным причинам. Я лишь указал пальцем — вот, и он тоже. Да, я его сдал. Но почему меня не мучает совесть?

И мне даже несколько жаль, что крест он по приезде домой навсегда снял с шеи и убрал подальше...

* * *

«...Признать подсудимого Эвана Нотта невиновным по первой, третьей и четвертой статье обвинения («пособничество Темному Лорду», «соучастие в убийстве пяти сотрудников Министерства и трех магглов», «шантаж, угрозы, вымогательство»), ввиду неопровержимых улик и показаний следующих свидетелей, в порядке дачи показаний:

...

Признать соучастником преступления по второй статье обвинения («Передача секретных документов пособникам Темного Лорда») и обязать выплатить суду 250 галеонов штрафа.

Ниже шла приписка: «Претензии аврора Джейкоба Фоусетта и петиция к суду по вопросу несправедливости вынесенного Эвану Нотту приговора отклонены без возможности ее повторного направления в суд и рассмотрения присяжными заседателями. Дело закрыто.»

Захлопнув книгу, я наконец вдохнула воздух и почувствовала, как колотится сердце. Преступление, преступник, виновен... Мой отец — преступник! Виновен он или нет, его судили!

Меня кто-то тронул за плечо.

— Я сяду тут? Мне тоже домашку... — робко сказал Крис, обнимая несколько тяжелых фолиантов, — Эй? — переспросил он, взглядевшись в мое, очевидно, бледное лицо и обезумевшие глаза. Я пересилила оцепенение и захлопнула челюсть.

— Ты чего? — снова спросил он, сваливая книги на стол.

Я даже не колебалась — молча пододвинула ему то, что сейчас читала, безошибочно открыв сразу на нужной странице: видимо, она уже прилежалась. Он плюхнулся на стул и углубился в чтение.

Несколько минут его глаза сосредоточенно бегали по строкам, написанным сухим беспристрастным языком при таком ужасном содержании, потом он поднял их на меня. Мы сидели молча, мы оба все поняли.

Глава X. Ora pro nobis!

Мую мать звали Пич. Однако она не напоминала персик ни цветом лица, ни формами, и на всех фотографиях, которые я сумела найти, моим глазам представала очень худая, бледная женщина, с неизменными кругами под глазами, и вид у нее всегда был какой-то уставший и измученный. Любое, даже самое красивое платье, висело на ней мешком... Ни на одной из фотокарточек она не улыбалась и всегда норовила спрятаться от взгляда наблюдателя за пределы снимка, словно даже мертвой, ненастоящей маме из движущихся картинок, было противно, что на нее смотрят. Мама была намного старше отца, и уже успела побывать замужем, но ее первый муж, отец Патрика, кажется, умер. Потом я узнала от брата, что мама была тоже аристократического рода чистокровных магов, но не такого богатого, как Нотты. Патрик вообще много рассказывал о маме, но я не запомнила половины, потому что когда я вошла в сознательный возраст, он свои рассказы прекратил — может быть, думая, что мне это уже неинтересно.

В последнее время я много думала о своих родственниках и о «родовом гнезде» — поместье Ноттов, потому что небезосновательно полагала, что это может дать мне ключ к разгадке происхождения братской могилы в оранжерее.

Земля, на которой сейчас стоял дом, кошара и все хозяйство моей семьи, была пустырем, когда ее приобрел мой прапрадед в конце 19 века. Первоначальный дом был довольно скромным — деревянным, двухэтажным, и занимал небольшую площадь. Первый хозяин не страдал гигантоманией, и предпочитал жить скромно, в отличие от своего сына (с которым всегда был не в ладах, несмотря на то, что тот был единственным наследником), моего прадеда, который еще при жизни своего отца разрушил «хибару» до основания и на ее месте за пару лет возвел то, что сейчас называлось поместьем Ноттов. По непонятным мне причинам домашние эльфы (в количестве трех), мирно служившие прапрадеду, новое место обитания не признали и бесследно исчезли. По слухам, так же бесследно исчезли три сюртука их хозяина...

Поэтому с тех пор дом обслуживали слуги, которые, естественно, получали плату. Слуг было шестеро: моя нянька Бесси, ее дочь, Лида, которая смотрела за садом и курятником — коров и другой крупный скот давно у нас уже давно не держали, а мясо закупали в соседней деревне, повар Джастин, дворецкий Дэвид, а также уборщица и посудомойка Элис, и больной аутизмом деревенский мальчик, имени которого я не знала — он периодически появлялся и помогал Лиде по саду. Последние двое были приходящими, остальные четверо жили в поместье, в цокольном помещении. Не надо думать, что если это подвал, и если он рядом с кухней, условия там были, как в свинарнике. Напротив, у каждого была отдельная уютная комната, вентиляция там была превосходно налажена, и даже имелись небольшие окошки под потолком. Летом там было прохладно даже в жару.

До того как мне исполнилось семь, Бесси спала в моей комнате на кушетке, потом переселилась вниз, к остальной прислуге.

Так вот, вернусь к семье... Меня не покидала загадочная мысль, что похороненные в оранжерее люди могли быть моими родственниками. Я вспомнила маму: кто знает, что она скрывала и почему всегда выглядела так измученно? Быть может, это был ее ребенок, умерший в младенчестве? О, и еще зачатый от любовника! И она скрывала от отца свою беременность, а потом похоронила ребенка! Или вот: она, наверное, сама его задушила!

Я покачала головой и мысленно ругнулась нецензурными выражениями на Джаде за эти ее треклятые маггловские любовные романы! Вот химера меня дерни парочку таких за лето прочесть, ведь знала же, что с началом семестра в школе Джаде будет продолжать зачитывать самые душещипательные отрывки перед сном, не внимая воплям «Заткнись!!!» — очевиден перекося мозгов и приход в голову самых что ни на есть бредовых идей после прочтения этой ахинеи! От любовника! Задушила! Наверное, мама в гробу переворачивается!

Я цокнула языком, сама перевернулась на спину и натянула одеяло на нос.

Возможность того, что люди были похоронены до постройки оранжереи и дома исключалась... Хотя... Нет, могила была слишком неглубокой... ХОТЯ... Что я могу знать о глубине могил и технике их копания? Про технику раскапывания, однако, я уже узнала достаточно.

Я закрыла глаза и попыталась уснуть — наступал Хеллоуин и предстать в праздничный день перед окружающими невыспавшейся и с мешками под глазами мне, естественно, не хотелось. Перед глазами силой воли нарисовались совершенно одинаковые облезлые барашки, мерно

скачущие через пятно лунного света на полянке. Я уже была на полпути к мирному спокойному сну, как вдруг вместо очередной овечки на поляну скакнул в дупель пьяный Патрик, визгливо распеваящий «Иеремия жабой был» и размахивая бутылкой «Блек Лейбл». Я уж было встрепенулась, и чуть не открыла глаза, но подсознание прогнало брата с полянки, и выкинуло ему вслед другого такого же пьяного Патрика, который спел ту же строчку из той же песни, прошел зигзагом, и скрылся в чаще. Потом следующего. Потом еще одного. Постепенно скачущие барашки сменились шатающимися Патриками... Я уснула...

— Иеремия жабой был, друг мой Иеремия...

— Паатрик, что это за ужасная песня...

— Аааа? — он посмотрел затуманенными глазами и взмахнул бутылкой, — твоя мать тожже ее не любила, — произнес он заплетаящимся языком, — Но она! — Патрик поучительно поднял палец вверх, — она никогда меня не одергивала! Она! Она никогда не говвврила, что она не любит... Нееет... — он помотал головой, — она и твоего папочку-подонка не любила, но она молчааала. Она! Молчала! Пока не замолчала! Совсем!

— Сам помолчи! — поморщилась я, расчесывая шевелюру куклы, — от него сильно несло перегаром.

— Бееедная дееевочка, — жалостливо улыбаясь, и икая, Патрик погладил меня по коротким волосам, которые торчали ежиком, — Вооот, шла к слугам... к слугам, понимаешь ты меня? И черт ее дерни.. ээх... Все видела и его видела. Паадддонок! И тут же. На месте и... эээх... — брат со всей силы ударил рукой по столу, и затащил другую песню, — «Не сбываайся с пути корсаар! Ведь сокрооовищаааа... аааа...»

Он упал на ковер и захрапел. Остатки виски с бульканьем выплескивались из бутылки на пол. Прижимая к себе дорогую фарфоровую куклу, я выбежала вон из комнаты и... проснулась.

— Вставай, на зелья опоздаешь, — фыркнула Тина. В последнее время она иногда заговаривала со мной, всегда без особого смысла и никогда — по существу. Чувствовалось, что в ней борются два желания: «продолжать дуться на чертову сволочь» или «прекратить эту ахиною, ведь Маркус чертовой сволочи задаром не нужен». Решение, какому желанию стоит подчиниться, ей пока окончательно в голову не пришло. Она застегнула пряжку на мантии и прошествовала в коридор, даже не глядя в мою сторону.

Мне показалось, что спала я всего пару минут и я чувствовала катастрофическую разбитость. Мне вспомнился сон — теперь, при свете дня, я с абсолютной уверенностью могла сказать, что это был не просто сон, а воспоминание, пришедшее откуда-то из глубины подсознания. Как известно, детские воспоминания с возрастом тускнеют и затираются, если не исчезают вовсе и, как известно, сон иногда служит катализатором их всплытия в памяти. Я всегда знала, что Патрик ненавидел отца, и с каждым годом это обстоятельство становилось для меня все более очевидным, но пыталась ли я когда-либо узнать причину? Я помотала головой. А ведь не пыталась! Принимала как должное. Значит, это как-то связано с мамой... Но если отец так рыдал на ее похоронах, то разве не значит это, что он безумно любил ее и страдал от потери любимой жены? Внезапно внутри меня забренчала какая-то новая струнка: необязательно — это могло означать, что отец испытывал чудовищные угрызения совести, потому что причинил маме что-то непоправимое... Ведь из слов Патрика именно это и следовало. Мама увидела что-то, и сразу на месте умерла — скорее всего, его бессвязный бред можно было понять именно так. И в этом «что-то» папа участвовал или делал это самое «что-то».

* * *

В Хеллоуин обычно был короткий день — урезали два последних урока. На этот раз праздник пришелся на среду, и отменили сдвоенное маггловедение.

Вечером был праздничный ужин в украшенном обычными атрибутами зале, подали запеченную тыкву и индейку и в три раза больше разнообразных десертов. А в целом, ничем кроме сытной трапезы, этот день от других не отличался... По крайней мере для меня — я уныло ковырялась в тарелке и ни с кем не разговаривала. Атмосферы праздника абсолютно не ощущала. Почему-то мне нестерпимо хотелось достать мое колечко и надеть его, и еще мучило странное ощущение, как будто то, что сейчас происходит — это пир во время чумы.

Префект поднял нас с мест на час позже чем обычно, и мы неслаженной толпой поплелись спать. Я брела где-то в конце, шаркая ногами, рядом со мной две девчонки-второкурсницы вздыхали по какому-то мальчику. Внезапно возник затор. Все помялись пару секунд, а потом

самые нетерпеливые начали выкручивать шеи и вставать на цыпочки, чтобы узнать, какая авария посреди замка могла создать такую пробку. Я решительно протолкалась вперед, пока другие только разевали рты, и моим глазам предстала странная картина: залитый водой пол, в этой луже стоят три рассеянных второкурсника — Поттер, рыжий брат близнецов по имени Рональд, и девочка-с-носом-кнопочкой, Грейнджер. Точнее двое стоят у стены и дрожат от страха а третьего — Поттера — держит за грудки завхоз Филч и разъяренно шипит.

— Это ты написал, Поттер! Ты убил мою кошку! — что-то в таком роде.

— Что он там написал? — буркнул кто-то рядом со мной.

— Не видишь что ли? — отозвался стоявший рядом с ним, — вон, — и махнул рукой на стену.

Странно как я не заметила этого сразу! На подставке для факела висела облезлая кошка Филча по кличке Миссис Норрис, и признаков жизни, надо думать, не подавала. И рядом с ним огромными размашистыми буквами было написано красной краской (или кровью?):

«Тайная комната снова открыта! Берегитесь, враги наследника!» — этот текст шепотом и нескладно повторила вся толпа, один за другим, как молитву.

Кто-то довольно резко толкнул меня в бок — это оказался крысopodobный Драко Малфой, со второго курса.

— Враги наследника, берегитесь! — прокричал он с пафосом. — Ты следующая, грязнокровка!

Кажется, он обращался к Гермионе Грейнджер, потому что стоявший рядом с ней рыжий Рональд Уизли сжал кулаки и уж было бросился на обидчика, но слава Мерлину, неглупая девушка его удержала: завидная выдержка, надо сказать. Через несколько секунд появился Дамблдор и преподаватели, кошку сняли с «постамент», Поттера, Уизли и Грейнджер погнали в кабинет директора на допрос, а нас — по спальням в срочном порядке.

В гостиной стоял галдеж и оживление.

— Вы все видели?! — выступал Драко Малфой, встав на табурет, чтобы его заметили — при таком-то жалком росточке, тщедушной комплекции и неразборчивом голоске больного хроническим насморком, — Наконец-то прекратится наплыв грязнокровок в Хогвартс! Уж если и правда наследник снова объявился, то теперь в школе будет наведен порядок! — и для убедительности он ударил кулаком воздух.

Слушатели одобрительно загудели.

Я покачала головой и поплелась чистить зубы.

Тоже мне... Шлепнули старую кошку, размалевали стену — и уже можно праздновать... Видимо, кому-то не хватает сенсаций прошлого года, вот и пытаются унылую серость школьных будней разбавить каким-то надуманным приключением. Хотя если заявление неизвестного о тайной комнате было бы серьезным — да, вот в этом случае шутки шутками, а после малого начнется кошмар. Отец рассказывал мне в детстве о том, кто основал Хогвартс и что такое Тайная Комната, и эта сказочка изрядно пугала меня по ночам, в темноте. Но не более того.

Однако на всякий случай на следующее утро я к самому открытию побежала в библиотеку, чтобы взять огромную «Историю Хогвартса», ведь это единственное издание, в котором излагаются абсолютно все известные факты и слухи о таинственном убежище монстра на территории школы Магии и Колдовства Хогвартс. И надо сказать, я успела ухватить предпоследний экземпляр...

За обедом Маркус Флинт со товарищи беседовал о квиддиче, точнее, они обсуждали нового ловца, которым, после с позором отправленного на покой Теренса Хиггса, стал — кто бы Вы думали? — крысеныш Драко Малфой. Впрочем, на роль ловца он подходил по комплекции — маленький, щуплый, значит должен быть легким и вертким.

— Как вы его выбрали? — спросила я у Маркуса, — Устроили конкурс или он сразу вам приглянулся?

Все трое — Маркус, Люк Блечли и Сид Монтегю, — переглянулись.

— Профессор Снейп порекомендовал. Они с отцом Драко давние друзья, — пояснил Маркус.

— И потом, — добавил Люк, — господин Люциус Малфой сделал команде щедрый подарок. Целых семь новеньких метел «Нимбус-2001»! Даже Поттер и Фоусетт летают на устаревших двухтысячных.

— Проще говоря, — прищурилась я, краем глаза наблюдая за Малфоем, который хорохорился словно петух, рассказывая своим жирным телохранителям какой-то анекдот и изо всех сил пытаюсь привлечь внимание девчонок, — Проще говоря, отец **купил** Драко место в команде?

Молчание.

— Мой отец, вероятно, богаче Малфоя, — продолжала я, — и подари он вам семь Нимбусов, меня бы тоже взяли ловцом?

Мальчики замялись.

Я услышала, как Люк пробурчал под нос «что с ней происходит в последнее время?!»

— Дорогая, — улыбнулся Флинт «ослепительной» кривой улыбкой, — конечно же нет, вдруг бы по этому прекрасному личику прошелся бладжер, и обезобразил его! Думаешь, я позволю этому случиться? — с этими словами Маркус неуклюже потрепал меня по щеке.

И тут я заметила на себе взгляд Тины. Она намазывала джемом тост, а точнее, свои пальцы в двух сантиметрах от куска хлеба, и скорбным взглядом следила за нашим разговором.

— Прекрати эту клоунаду, Флинт! — сказала я гораздо громче, чем нужно, и Маркус отдернул руку.

— Что с тобой такое? — снова спросил Люк, на этот раз вслух.

Я бросила последний взгляд на Тину, и, схватив сумку, перемахнула через скамью.

— Я опаздываю на занятия. Потом поговорим.

Я ничуть не сомневалась, что и с новым ловцом они продуют первый матч сезона. Этот Поттер, казалось, притягивал к себе удачу — впрочем, также как большие приключения и ооочень большие неприятности. Вероятно, след, который оставил на его лбу Тот-кого-нельзя-называть, дал ему гораздо больше, чем славу и узнаваемость среди всех волшебников. Он дал ему какие-то иные таланты, о которых, быть может, мальчишка сам еще не подозревал, но всю ими пользовался.

И наши действительно продули — не скажу, что с позором, потому что матч был воистину невероятный и шла непрекращающаяся жаркая борьба, под холодным проливным дождем. В-первых, что-то странное творилось с бладжером — вероятно, его кто-то заколдовал, потому что он гонялся за Поттером, и совершенно игнорировал тринадцать остальных игроков. Близнецы из всех сил демонстрировали «силу и благородство», наворачивая вокруг героя дня и играя этим бладжером в теннис — то бишь отбивая его друг другу, с несчастным Поттером посередине в качестве теннисной сетки, что ли? Причем самое удивительное состоит в том, что бладжер-таки нагнал гриффиндорского ловца и сломал ему руку, НО! Поттер поймал снитч одной левой, не держась за метлу, удерживаясь на ней на одном честном слове, в то время как Малфой сидел у него на хвосте, и то и дело исподтишка выполнял запрещенные приемы блокирования соперника.

Поттер поймал снитч и упал лицом в глину.

Честно говоря, я даже пожалела, что так ругала Поттера год назад — воистину, если такой талант проявился уже в одиннадцать лет, правилами можно и пренебречь. Пожалуй, я все-таки настоящий ценитель квиддича, потому что меня волнует не победа, а техника игры. Техника игры гриффиндорцев была куда совершеннее нашей. Так что я особо не расстроилась за свой факультет. Если честно, меня гораздо больше волновало, как сыграют Рейвенкло со своим новым ловцом, единственным среди всех четырех команд ловцом — девушкой.

Я спустилась с трибуны на поле.

Вокруг покалеченного Поттера сгрудились преподаватели, а вокруг Малфоя, «удачно» упавшего прямо на яйца, поклонницы... Их опасения понятны...

— Драко, ты не ушибся?

— Драко, дай я тебе помогу!

— Драко, зайчик, тебе надо в больницу!

— ОООО... Ааааа... — стонал Малфой, закатывая глаза, и держась за причинное место, как за шкатулку с сокровищами. С другой стороны поля к нему несли Флинт и на ходу выкрикивал претензии вперемешку с нецензурными выражениями.

— Дурило соломенное! Снитч висел прямо над твоей башкой, (цензура)!

Из толпы, окружившей Поттера, не слышно было ни звука, только виднелись фотовспышки, которые с самого начала года постоянно блестели, где бы он ни появился — это его фанат, первокурсник Колин Криви, запечатлевал каждый шаг своего кумира.

С момента позорного проигрыша прошло несколько дней, и по школе поползли странные слухи, которые начали свой путь из-за того, что мальчик с фотоаппаратом неожиданно исчез из окружения Поттера, да и вообще не появлялся нигде. Вскоре кто-то из студентов постарше, навестивший больного воспалением легких друга, пустил по цепочке разъяснение этого

обстоятельства: Криви лежит в больничном крыле, не живой не мертвый, похожий на статую. Проще говоря, с ним случилось то же, что и с кошкой Филча, которая, оказывается, не умерла, а только окаменела.

Словосочетания «тайная комната» и «наследник Слизерина» вскоре измозолили уши до такой степени, что я уже не могла их слышать.

Первокурсники ходили по школе плотно сбитыми кучками, запуганные как суслики.

Преподаватели, с подачи то ли директора, то ли учителя по ЗОТС Гилдероя Локхарта, решили устроить так называемый дуэльный клуб, вернее, дополнительные занятия по защитным заклинаниям под видом дуэльного клуба.

Я на его открытие не пошла, сидела в гостиной (уж чего-чего, а дополнительных занятий мне хватало!), но когда ввалилась куча слизеринцев, которую загнал сюда, как в клетку, сам профессор Снейп, чуть ли не погоняя пинками, и когда все принялись наперебой обсуждать происшедшее, я очень пожалела, что пропустила такое шоу. Главным героем снова стал Поттер. Он дрался на колдовской дуэли с Малфоем, тот выпустил на Поттера полуэфемерную змею, с помощью когда-то нелегального, но ныне разрешенного к применению, заклинания Серпенсортия. Змея попыталась броситься на кого-то из присутствующих, и тут Поттер... заговорил с ней. Да, вот именно так — заговорил на парсолтонге. Том самом языке, на котором говорил легендарный основатель моего факультета — Салазар Слизерин. При этом остается неясным, науськивал ли он змею или отгонял от жертвы.

Едва Снейп вышел с прощальным «Не вылезать из гостиной, вести себя тихо!», как толпа загудела, но на этот раз Малфой не залезал на стол, и не читал пламенных речей, он забился в угол со своими товарищами и, скорчив рожу, сам шипел как змея.

— Это неслыханно! — широко раскрыв глаза с ресницами, накрашенными столь густо, что они походили на лапы тарантула, выступала Ламия, — Поттеришка говорил со змеей... Это ведь может значить что...

— Не говори ерунды, Лам, — прервал ее Маркус, — Поттер учится в Гриффиндоре. Он не может быть Наследником. Вопрос в том, кто это на самом деле?

— Я поговорю с отцом, — сказал Малфой.

— И что это тебе даст? — с насмешкой спросил Люк: после проигранного матча Малфоем доверяли мало.

— Уж поверь, мой отец достаточно знает об этом, — сказал Драко и, выдержав паузу, добавил, махнув в сторону моего кузена, сидевшего у камина, — и дядя Людвиг тоже наверняка знает. Твой отец, так ведь?

Я кивнула:

— Что он может знать?

— Как это что? Кто открывал Тайную Комнату раньше, конечно! Если мы узнаем, кто он, мы сможем ему помочь.

— А идея неплохая, — закивала Ламия, наматывая на палец прядь шикарных блестящих волос.

— Дура, — отозвался Маркус, — отойди в сторону и не мешай ему делать свое дело. Чем ты ему поможешь? Сама пойдешь мочить грязнокровок? А ногти не боишься сломать?

— Марк, то есть как это — мочить грязнокровок? — из-за кресла вылезла Тина.

— А так. Вы что думаете, чудовище в Тайной комнате будет нам тут цирк показывать? Сидите спокойно и не дергайтесь — на ваших глазах Хогвартс очистят от всякой швали, — гордо отозвался Флинт

— Интересно, а как чудовище поймет, кто из нас чистокровный волшебник, а кто нет? — спросила Тина.

— Наследник поймет, — с видом знатока сказал Малфой, — отец говорил.

— А если не поймет? Если нас всех перебьют или превратят в камни?

— Бредфорд, ты совсем с катушек слетела?! — взвыл Флинт.

Тина скорчила рожу, готовясь зареветь, и снова спряталась за спинкой кресла. Я видела, как ей страшно, мне очень, очень хотелось ее утешить. Кроме того, страшно было и мне тоже.

На следующий день в коридоре на третьем этаже нашли еще одного окаменевшего... Им был хаффлпаффец Джастин Финч-Флетчли, тот самый несчастный, на которого Поттер якобы науськивал змею в дуэльном клубе.

Вернувшись в гостиную после дополнительных занятий с профессором Снейпом, я застала веселую вечеринку. Но Тины нигде не было видно.

В бездельи, морщась от какофонической музыки, которая орала что есть мочи в Общей Гостиной, я пошла бродить по комнатам знакомых. Почти все развлекались, комнаты были пусты. Они праздновали то, что другому человеку было плохо. Они радовались, потому что думали, что пришел их Мессия, чтобы расчистить им дорогу к Победе — полной и абсолютной...

Тина сидела у двери в нашу комнату, прямо на полу. Я молча села рядом.

— Я только что ходила в комнату к Маркусу, — заговорила она каким-то аэмоциональным, стеклянным голосом, — Я хотела поделиться с ним своими страхами, я думала, он врет насчет того, что всех ребят с других факультетов убьют. И хотела еще раз спросить, какую гарантию он может дать, что нас не убьют. И что он еще знает об этом...

Я молча слушала.

— А он там... он там Ламию трахал прямо на письменном столе.

— О, Тина...

— Не надо меня жалеть! Я сама дура... Селена, — она повернула ко мне свое лицо, которое, как я теперь заметила в неровном свете чадившей зеленой лампы, было распухшим и заплаканным, — прости меня, пожалуйста, за все. Я себя ненавижу, — ее голос медленно переходил в рыдание, — я себя так ненавижу, хотя бы ты меня прости...

Я встала на колени и неуклюже обняла ее — ей сейчас было очень плохо, а я чувствовала себя и счастливой и несчастной одновременно. Счастливой потому что наконец-то Тина перестала на меня дуться и посмотрела на мир без розовых очков, а несчастной, потому что я ее любила, и мне было больно, что эти очки с близкого человека содрали с куском мяса.

— И еще мне страшно... Я боюсь, что и меня могут превратить в статую... и тебя... Нет, я даже больше не за себя боюсь.

Я вспомнила светловолосого мальчика из Рейвенкло:

— И я.

— Что это еще такое?! — раздался из гостиной знакомый низкий голос, — Что здесь происходит?

Музыка и голоса притихли, вместо них послышалось чье-то трусливое блеяние.

— А вы отдаете себе отчет в том, КАКОЕ впечатление о вас сложится? — снова громко заговорил профессор Снейп (а это, несомненно, был он) с нескрываемой издевкой.

Снова блеяние. Потом все закопошились — видимо, вечеринку сворачивали. Мы с Тиной вопросительно посмотрели друг на друга — она уже не плакала.

— Хочешь, я с тобой лягу, если тебе будет плохо?

— Зачем? — она недоуменно и даже испуганно посмотрела на меня.

— Моя нянька ложилась рядом, если мне снились кошмары или я была расстроена, — пояснила я.

— Думаю, справлюсь сама, — отозвалась Тина, криво усмехнувшись; похоже, ей уже было стыдно за свои слезы.

Происшествие с Джастином действительно заставило меня испугаться не на шутку, но нашла неожиданно для себя способ победить этот страх. Я обнаружила, что когда ношу мое кольцо-змею на правой руке, чувствую уверенность в себе. Я надевала его на ночь и спала как убитая, а утром вставала свежая и выспавшаяся, и, всегда с сожалением, снимала его и убирала в шкатулку.

Я часто вспоминала свой сон, и слова Патрика, явившиеся ко мне из далекого детства «Она шла к слугам... к слугам, понимаешь?». Все больше и больше убеждалась я при этой мысли, что мне надо повнимательнее осмотреть подвальные помещения при первой же возможности.

На каникулы из Хогвартс уезжали почти все. Вернее, не уезжали из Хогвартс, а бежали, сверкая пятками, от мифического чудовища и такой же мифической Тайной Комнаты. Я не была исключением, но дома я беспрестанно ощущала беспокойство, более сильное, чем в школе, потому что во всеобщей суматохе забыла кольцо в своей комнате, и приехала домой без него: в последнее время я беспрестанно боялась, что его украдут, или что я его потеряю... Шестое чувство подсказывало мне, что если я хочу что-то найти, то делать это надо с помощью кольца, то есть надев его на левую руку. Теперь не возникало никаких сомнений в том, что в подарке

брата была заключена какая-то невероятная сила, и что в зависимости от того, на какой палец кольцо надевалось, сила эта могла становиться созидательной или разрушительной. А я-то думала, оно в лучшем случае защищает от переломов! Хотя... лучше бы защищало. **В возрасте четырнадцати лет маленьких людей интересуется лишь погоня за приключениями, чтобы жизнь не казалась серой, а о том, что чрезмерное любопытство может закончиться трагедией, они не задумываются...** Сейчас я говорю о себе в третьем лице... Сейчас мне восемнадцать и я вижу все это со стороны, как маггловский синематограф, который показывала нам Инга...

Тем не менее, чтобы не сидеть сложа руки, я завтракала, обедала и ужинала исключительно на кухне, то есть в подвале, оправдываясь перед поваром тем, что мне надоели эти бесконечные церемонии и десятиметровый стол, накрытый на двух-трех человек, а также мне надоело, что если я хочу съесть полторта, а не один тонкий ломтик, в столовой я даже не могу об этом заикнуться. Все это я говорила ртом, перемазанным взбитыми сливками и повидлом, поэтому второй аргумент его убеждал вне всяких сомнений. А потом я пускалась в путешествие по подвалу.

Но когда я забрела в одну из кладовок в конце коридора, и принялась при свете рыться в старом хламе, сваленном там, меня прямо за волосы вытащила оттуда Бесси.

— Ты что здесь делаешь?

— Я... я хотела посмотреть... я тут никогда не была, — оправдывалась я, и это не было ложью.

— Рыться в мусоре? Тебя надо в комнате запереть, юная леди! От кого ты таких манер набралась в Хогвартсе, а? Марш отсюда! А не то все доложу отцу, посмотрим, что он скажет!

— Но Бесси, я в куче видела свою старую фарфоровую куклу... Я хотела...

— Марш в комнату! Кукла поломана! Тебе она незачем!

— А если она поломана, то зачем она тут валяется?

Бесси расвирепела и стала красной как свекла, и я поспешила действительно «смыться» от греха подальше.

Мы сидели на квиддичной трибуне, сверху на нас светило солнце; ясная погода стояла с самого начала апреля. Через час должен был начаться матч между Хаффлпаффом и Гриффиндором, но пока что все завтракали. Нам не хотелось. Мы торчали на трибуне и разговаривали...

— Как думаешь, ЭТО не начнется снова? — каждый раз все возвращались к одной и той же теме, после любой непринужденной беседы, и мы не были исключением.

— Надеюсь, не начнется... — я еле-еле удержалась, чтобы не рассказать Крису о том, что говорили, чувствовали и чего хотели мои сокурсники: им затишье приходилось не по душе. Вот уже несколько месяцев в школе не было ни одной жертвы неизвестного Зла и, кажется, все забылось. По слухам, у преподавателя ботаники подрастали мандрагоры, и скоро несчастных собирались вернуть в первоначальное состояние с помощью эликсира, приготовленного из них.

— Что ты думаешь насчет Гарри Поттера? — внезапно спросил меня Крис, — как думаешь, он может быть Наследником?

Я пожала плечами — я вообще не верила в эти сказки про Наследника и Комнату.

— Он змееуст, а Слизерин ведь тоже был змееустом. Умел разговаривать со змеями. Я читал, что он говорил, будто змеи — его лучшие друзья, и ему не нужны люди, когда рядом змея.

— Интересно, а сам он превращаться в змею мог? Я читала, что мог, но я не помню где...

— Я тоже слышал. Конечно, он ведь был Великим Волшебником! Думаю, все четверо основателей были анимагами, телепатами и Бог весть знает что еще... Наверное всё умели. Хотел бы я тоже стать анимагом... — мечтательно добавил Крис, — Но для этого нужно столько учиться! Нет ни одного заклинания, которое может просто так — раз — и сделать человека животным.

Я вспомнила, как увидела в зеркале раздвоенный язык и змеиные глаза, когда в первый раз надела подарок брата, но не стала рассказывать. Мало ли, может привиделось...

— Понимаешь, мне отец рассказывал насчет Гарри Поттера...

— Твой отец — аврор? — перебила я Крису.

Он кивнул:

— Он считает, что, может быть, Гарри Поттер получил свои способности от Того-кого-нельзя-называть.

— Так я и знала! — вырвалось у меня.

— Что ты знала?

— Ну ты сначала расскажи...

Он охотно продолжил:

— Мне кажется... папе кажется, что когда Сам-знаешь-кто шарахнул по Поттеру и не сумел убить, он не только его не покалечил, а передал ему часть своих талантов. Например, умение говорить со змеями.

— Или умение попадать во всякие жуткие передрыги! — добавила я, и мы дружно засмеялись. В тот момент мне хотелось сидеть с ним рядом долго-долго, и вот так обмениваться слухами и домыслами, или просто болтать, и чувствовать тепло, исходившее от него.

Постепенно трибуны заполнялись зрителями и, хотя рейвенкловцы бросали на меня (точнее на герб на моей мантии) недовольные взгляды, я совершенно не собиралась уходить на трибуну своего факультета.

— Мне кажется, Поттер их за пару минут уделает, — сказал Крис, потирая руки, — защита у Хаффлпаффа слабенькая. Не то, что у гриффиндорцев!

Я скривилась.

— Может они и хорошие защитники, но как люди... Они жестокие. Злые.

— Да что ты все на них дуешься! Фред и Джордж безобидные как головастики! Только и умеют, что бомбами-вонючками кидаться и дразниться. Не злые они, просто чердака нет!

Я уж было хотела сказать «не защищай их!» (как в воду глядела, ведь знала, что он не прав), но рядом со мной уселась толстушка Мораг Макдугал, и я была вынуждена придвинуться к Крису очень близко. Он смутился, да и я тоже.

На преподавательской трибуне почему-то до сих пор не было комментатора, Ли Джордана. Все напряженно ждали выхода игроков — матч уже должен был начаться.

— Смотри-ка, Макгонагалл! — сказал Крис, показывая пальцем.

Действительно, преподаватель конфигурации поднесла к губам громкоговоритель, и сухо и коротко произнесла:

— Матч отменяется. Префекты, отведите студентов в Гостиные ваших факультетов. Повторяю...

По трибунам пронесся гул неодобрения.

— Где префект-то? — спросила Мораг, озираясь.

— Точно, а где Пенелопа? — поддакнул кто-то с другого ряда. Пенелопы Клируотер, префекта Рейвенкло, нигде не было видно.

— Всем спокойно, — сказал Роджер Дейвис, капитан квиддичной команды и второй префект, вторгаясь на трибуну откуда-то снизу, — По парам, пошли. Не толпиться.

Несмотря на предупреждение «не толпиться», началось настоящее столпотворение. Преподаватели и префекты с таким остервенением гнали подопечных по комнатам, что это было по меньшей мере подозрительно. И подозрения у большинства совпадали.

— Селенаааа! — звал меня кто-то из толпы, — Селенааа, ты где?

Я огляделась и увидела Тину, она махала мне снизу, с поля.

— Иди к своим! — рявкнул мне Дейвис командным тоном. Вслед за ним покорно семенили рейвенкловцы.

— Крис...

— Ты тоже думаешь?

— Крис, а вдруг нас теперь никуда не выпустят?

— За обедом поговорим, — он на ходу сжал мою руку, и мне захотелось расплакаться и броситься ему на шею. Но кто-то грубо толкнул меня локтем и оттолкнул в сторону. Опомившись, я мотнула головой и побежала к своим.

В Гостиной профессор Снейп сказал нам, что объявляется комендантский час, и что все перемещения по школе можно осуществлять только в сопровождении преподавателя. ЭТО началось снова, и новой жертвой стала носик-кнопочка Гермiona Грейнджер. И префект Рейвенкло Пенелопа Клируотер.

Едва только закрылась дверь, Драко Малfoy издал вопль, напоминающий крик макаки-резуса при спаривании (каким рисует его мое воображение, разумеется) и пустился в пляс по комнате.

Он ненавидел эту Грейнджер — во-первых, потому что она была магглорожденной, а во-вторых потому, что дружила с Поттером.

Но я не сомневалась, что вот тут-то Поттер не будет бездействовать и немедленно бросится в какую-то авантюру ради лучшей подруги — авантюру типа прошлогодней. Будь он наследник Слизерина или просто маг.

* * *

Очередной год подошел к концу. Очередной этап в нашей гонке за временем, за тем, которое мы уже упустили, упустили, когда молчали все эти годы, опомнившись только после происшествия с Философским камнем. Вот только теперь поздно пытаться догнать его — время безнадежно потеряно. Лорд даже не на полшага, а на целый шаг, на несколько шагов впереди.

Как все холоднокровные ящерицы, змеи, жабы в солнечную погоду выползают из своих укрытий что бы понежиться в теплых лучах (просто красноречивый пример! Я еще не стал меланхоликом!), так начинают смелеть и огрызаться приспешники того-кого-все-так-боятся. Они слишком долго сидели, поджав хвосты, в «укромных местах», прятали в самых невообразимых тайниках то, что оставил им Лорд, как символ своего к ним «доверия» и как частицу безграничной власти, которой хотел обладать сам и которой обещал поделиться. Они пытаются сохранить свои жизни любой ценой, убеждая разгневанные власти в кристальной чистоте своего прошлого, в своей полной не причастности ко всему, что творилось в мире.

Черт! Приходится признать, что многим это удалось, удалось не просто выжить, но еще и хорошо устроиться в новом, «свободном» от Черного Лорда мире, в мире где «торжествовала» «истинная справедливость».

И сидеть бы им всем помалкивать, держась за свои новые места обеими руками, забыть все что было. Так ведь нет!

Осмелели... Нда... и Чего жать дальше, раз фокус в дневнике несовершеннолетнего Тома Марволо Риддла Люциусу Малфою простили так быстро? Простили... Нет, скорее просто решили закрыть на это глаза, раз все закончилось без каких либо значительных последствий. Нет только вникнуть в смысл этой фразы : «без последствий»! Ничего не проходит бесследно, даже обычный морозящий дождь, а тем более ЭТО!

Чего стоит только само существование этого дневника! Нет, не просто дневника, а магического предмета с довольно внушительной силой воздействия на его «обладателя», который решит воспользоваться этим предметом по назначению, и эта сила кажется тем более невероятной, раз она была заключена в этот кусок обыкновенного пергамента шестнадцатилетним мальчишкой... Но кажется она таковой лишь до тех пор, пока не знаешь, КТО на самом деле создал этот артефакт.

Прошлое всегда возвращается, даже если его старательно забывают, о нем замалчивают, и начинает казаться, что никогда больше не столкнешься с ним лицом к лицу. Но это обязательно происходит, чаще всего тогда, когда ты меньше всего этого ждешь.

Прошлое. Оно может вернуться, даже если человека, из-за которого мы его боимся, уже давно нет в этой жизни. Так произошло и здесь, потому как этот самый мальчик Том и есть самый страшный бич всего нашего мира — Лорд Вольдеморт. Только там ему было шестнадцать, хотя то, что он сделал тогда, уже было великим событием — он открыл Тайную Комнату...

Хогвартс — не просто замок, и не просто каменная кладка, насквозь пропитанная магией четырех давно канувших в лету великих людей. Это живой организм. Живущий по своим законам, и делающий то, что ему кажется правильным... Опять! Да что сегодня со мной! Еще не хватало на этом месте начать хлюпать носом, признавая свою беспомощность пред этим величественным творение прошлого...

Нет! Я все же не так сильно изменился! Просто жизнь учит относиться с уважением ко всему, чего мы не понимаем, но что заведомо сильнее нас, к тому, в чем скрыта сила о которой никто ничего не знает в полной мере. Именно это я и имел в виду, говоря о замке — я уважаю его, и стараюсь жить по его законам: единственное место, которое я знаю действительно досконально, хотя бы в силу того, что провожу там слишком много времени — это подземелья, все остальное — одна сплошная тайна, состоящая из множества ставших легендами, за неимением доказательств, фактов, описанных в древних книгах. Ведь никто так и не смог объяснить, например, что заставляет двигаться все эти лестницы именно так, почему иногда в стене открывается дверь которой раньше никогда не было, где, в конце концов, находится

та самая Тайная комната, скрывающая в себе последний «подарок» Салазара будущим студентом этой школы, которая так немилостиво с ним обошлась в итоге?

Мы до сих пор ничего этого не знали, и никогда не узнали... не попади появившийся из далекого прошлого Дневник Лорда-подростка в руки этой обиженной на весь свет девочке Уизли (да, черт возьми! Это все еще говорю я! Они не самые глупые люди — приспешники Лорда, и могу со всей ответственностью заявить, что лучшего владельца этому «предмету» в Хогардце было бы найти очень сложно! Найти того, кто безоговорочно бы поверил говорящим страницам и начал бы аккуратно рассказывать «забавной книжице» все свои тайны, не пытаясь понять — КАКОГО ЧЕРТА ЭТОТ КУСОК ПЕРГАМЕНТА МОЖЕТ ГОВОРИТЬ!!!)

Лорд даже в юности был слишком предусмотрительным человеком, заботящимся о своем будущем, наверное, потому что прекрасно понимал насколько «благодарным» делом решил заняться — завоевать абсолютную власть... Именно поэтому, открыв однажды, будучи еще студентом, в этом замке Тайную комнату и выпустив то, о-чем-никто-и-не-догадывался все эти столетия, и доказав скорее самому себе, что это он наследник Великого Темного Салазара, Том не стал выпускать Василиска и натравливать его на всех обитателей замка. Зачем ему это было нужно? Тогда... Он просто понял, что правильно выбрал свое место в этом странном мире — он поверил, что сможет стать таким же великим, каким был его предок... И ведь почти стал, тут нужно отдать ему должное... Если бы не этот Поттер!

Да я долго пытался внушить себе, что шрам, оставшийся на лбу у «мальчика-который-выжил» это просто шрам, не имеющий никакого значения, ничего не доказывающий и не опровергающий... Что ж никто не застрахован от ошибок!

Черт возьми, да я ошибся! И теперь мне остается только гадать: что еще таит в себе эта связь Поттера с Лордом?

Да именно связь, как мне теперь видится все произошедшее той далекой ночью. А как иначе объяснить способность этого ненавистного мне очкарика говорить на Серпентарго, говорить на языке змей? Это не только невообразимо, но и слишком реально. Остался только один вопрос: неужели этого не видела Шляпа? Нет! Она видела, иначе грош цена тем усилиям, которые потратил основатель подшефного мне факультета! Но этот испытанный столетиями кусок кожи отправил его в Гриффиндор, а не в кузницу последователей Слизерина... Вывод, который пришел мне в голову совершенно случайно, но теперь я в этом почти уверен, — в нем борются две силы: одна врожденная, данная ему отцом-Гриффиндорцем, вторая — все, что он получил от Лорда тогда, когда должен был умереть, в том числе способность разговаривать со змеями... Видимо в день распределения первое преобладало.

И это, само существование подобного Поттеру волшебника, пожалуй, единственное чего не смог предугадать тот юноша, который был лучшим студентом во всей школе и не нарушил ни одного правила после случая с маглорожденной девушкой...

Но именно этот просчет стоил Лорду, то есть... все же Тому Риддлю, новой жизни, в буквальном смысле...

Ведь не отличайся Поттер подобным просто фантастическим везением. Не прилети к нему на помощь эта слишком верная директору птица, окажись в нем слишком мало задатков настоящего Гриффиндорца... Все бы мы уже давно были задавлены властью воскресшего практически из небытия Того-кого-нельзя-называть — Лорда Вольдеморта.

Но ведь у нас есть Поттер! «Великий и ужасный»... Эх... а как же иначе, он наверное теперь точно твердо уверился в своей безнаказанности и неуязвимости, раз посмел сказать в лицо Люциусу... Не помню точно, но смысл слов был таковой: я буду рядом с теми, кто в беде, чтобы спасти их...

Тьфу... Самонадеянный болван!

Неужели он подумал, что Дневник — это самое страшное, что смог оставить Лорд своим последователям? Это было бы слишком просто! Да и не так сильно доверял Малфою Вольдеморт, чтобы доверить ему то, что может стать по-настоящему действенным оружием... Нет! И в этом основная наша беда: теперь, уверившись в полной безопасности своих действий, бывшие Упивающиеся начнут доставать из своих тайников все, что так давно просилось на свободу...

И тогда...

Я не завидую этому миру, потому как если не будет найден действенный способ противостоять напору черной магической силы — равновесие рухнет, просто развалится, словно картонный домик...

вслед ушедшему,
профессор С. Снейп

Глава XI. Vi victa vis est

Дорогая моя библиотека! Как я люблю твой холод, твои тяжелые стены, твое уединение и твой запах тайн, хранящихся в высушенных забальзамированных трупах деревьев, лежащих в руки и раскрывающихся только для тебя!

Как люблю я твое спокойствие, твою величавость и тот подобострастный испуг, который ты внушаешь, ибо знаешь столько, сколько мне не узнать вовек...

Все вопросы, все страшные, казавшиеся неразрешимыми проблемы, здесь бойко и тихо расползаются из тугого клубка и выстраиваются в очередь, в ожидании решения, которое в этих стенах непременно придет — как озарение, на раскрытой случайно странице, или после долгих поисков и умозаключений. Но оно непременно придет, надо лишь иметь терпение. Потому что ты, библиотека, не выносишь нетерпения, громких голосов и резких движений. Они мешают тебе в медитации размышлять о вечном.

— Что-то нашел! — сказал мне Крис громким шепотом с другой стороны полки.

«Древние артефакты», «Драгоценности, обладающие черными силами», «Мое золото — мой господин» — я перебирала книги одну за другой, и смотрела на движущиеся или застывшие картинки музейных экспонатов, на аккуратный станкопечатный или рукописный текст, украшенный разноцветными вензелями и завитушками. Книжки на английском, гаэльском, готском, латыни...

— Вот, — он гордо продемонстрировал мне еще одну находку: толстую книгу, которая хрустнула обложкой и продемонстрировала мне вклеенный контрольный листок, на котором не было вписано ни одной фамилии. Никто еще не читал книгу автора по фамилии Толкиен, которая называлась «Властелин Колец». Или экземпляр был куплен недавно.

— Это просто роман, — сказала я, нахмурившись, — не то. Отложи, потом прочитаем.

Крис послушно сделал, как я просила.

— Бесполезно, — помотал он головой, присаживаясь на край исцарапанной табуретки, — нам нужно в Запретную секцию. И с чего ты вообще взяла, что мы хоть что-то найдем?

— Я чувствую, — сказала я, продолжая листать оставшиеся на полке книги, — Нет, — добавила я, втискивая последнюю между соседок, — Пошли в какой-нибудь другой раздел.

— Куда? — устало проныл Крис, — Мы уже все про кольца посмотрели.

— Ну давай смотреть про змей!

— Волшебная зоология? — загорелся он, он любил этот предмет — уход за магическими животными.

Я снова нахмурилась...

— Помнишь, мы на стадионе говорили, что Салазар Слизерин был змееустом и очень любил змей?

Он кивнул.

— Но подробно про Слизерина рассказывается только в «Истории Хогвартса».

— А вдруг? — пожала плечами я, и мы (я с тетрадкой и книгой про Властелина Колец под мышкой, а Крис — волоча за собой табуретку) пошли в сторону раздела о самых могущественных волшебниках времен основания Хогвартс.

Еще полчаса прошло в безмолвных поисках, и я уже начала зевать. Ноги затекли, голова гудела, а нос наполнила бумажная пыль — та пыль, которая бывает только в старых библиотеках, и я поминутно фыркала, как кошка от воды.

Эта мысль пришла мне в голову не внезапно, как это бывает в романах, она крутилась у меня в голове уже давно, безотносительно того, что мы делали сейчас, безотносительно вообще любого обстоятельства моей жизни — просто, мне хотелось снова надеть кольцо на левую руку и посмотреть, что из этого выйдет. Причем непременно при свидетеле, и не каком-нибудь, а человеку, которому я доверяю. И я решила.

— Слушай, Крис, — позвала я его.

— Ммм?

— Давай ты вот тут встанешь, чтобы поймать меня, если я начну падать.

— ?

— Ну что ты делаешь такое лицо?!

— А зачем тебе падать? Ты что — наверх полезешь?

Я не стала ничего объяснять и, прежде чем я передумала от страха перед головокружением, тошнотой и возможностью ужасных открытий, сняла кольцо и тут же надела на левую руку.

Ничего не произошло. То есть как ничего — меня не вывернуло наизнанку, не начались галлюцинации, сердце не забило в прединфарктном ритме. Я просто с энтузиазмом продолжила поиски. И через пять минут:

— Есть!

— Что есть? — встрепнулся он. Я держала в руках книгу «Апокрифические сказания», открытую на 253-ей странице и тяжело дышала от волнения и удивления, потому что понятия не имела, по какой причине взяла именно эту книгу и по какой причине мои голосовые связки вопреки воле обладательницы произвели на свет это торжествующее междометие.

— Что за книга?

Я сказала название.

— Что значит «апокрифические»?

— Это сказания, которые не вошли в Библию. Например, о том, откуда взялся Сатана, или про Лилит...

Крис перегнулся через мое плечо и присвистнул:

— Как тебя угораздило так быстро найти?

Чувствуя легкий испуг, я опустила глаза в книгу и тут же уперлась взглядом в самое что ни на есть цветное (хоть и потускневшее от времени) изображение моего кольца. Спутать было невозможно.

— *Consummatum est!*¹ — с пафосом отозвалась я и села на пресловутую табуретку переводить крупный текст рядом с картинкой с латыни. Крис, стоя у полки, смотрел для меня незнакомые слова в словаре, и мы управились быстро. Кстати, от греха подальше, кольцо (уж не знаю каким образом — оно сделало свое дело), я снова надела на безымянный палец правой руки, еще прежде чем зачитала Крису следующий текст:

«Сие весьма Великое творение есмь. Силы, что хранит оно, неисчислимы. По легенде, что передается из поколения в поколение, к созданию сего кольца приложил Руку сам Великий Змий («это про каждый второй артефакт черной магии так говорят» — фыркнул Крис). Кольцо может поправить физическое и душевное здоровье, избавить от боли сердечной и телесной, дать силы духу и телу, но может вопреки воле при длительном ношении сего на правой руке дать человеку возможность говорить с тварью ползучей на равных, зело становясь одной из них.»

— То есть делает змееустом? — выпалил Крис.

— Нет, здесь же сказано «становясь одной из них». Не змееустом, Крис, анимагом! — поправила я.

— Невозможно! — промямлил он; если бы его глаза могли раскрыться еще шире, то выпали и покатались бы по полу...

Между тем я читала дальше, по возможности минуя всякие «суть» и «зело», в общем упрощая язык до более-менее привычного уху:

«Однако будучи надето на левую руку, обещает открыть владельцу знания, без которых жизнь его была бы спокойной, и будто брошенным камнем возмутить спокойные воды... («вот загнули» — комментарий Криса). Кольцо Змеи, однако, в одиночестве есть лишь жалкая часть всего, на что способен артефакт. Изначально было две части: Кольцо Змеи, долгие годы принадлежавшее Великому Волшебнику Салазару Слизерину, и брошь Лапа Орла, что носила на груди Горная Целительница Ровена Рейвенкло. Вместе они — мощнейшее оружие; объединив две части при помощи сложного ритуала, по легенде, никем и ничем не подтвержденной, человек добьется воцарения Хаоса, а затем — Справедливости, но Справедливости исключительно в его личном понимании. Степень Разрушения и Созидания после проведения Обряда зависит от того, насколько велика магическая Сила волшебника, но в любом случае действие временно. Провести обряд могут два волшебника разных полов, одного возраста, и одного вероисповедания. Кольцо долгое время передавалось по наследству в роду Слизерина, затем след его затерялся; Брошь утеряна и место ее хранения неизвестно.»

¹ лат. Свершилось

Мы с Крисом переглянулись. Он присвистнул и опустился прямо на пол у полки.

— Это что же получается? Попади эти две вещи в руки, например, Сама-знаешь-кому, и он с помощью какого-то обряда устроит такой бедлам, что мы и опомниться не успеем, как окажемся на том свете.

— Но тут же сказано, что действие временно.

— Все равно! Ты хоть представь, что в понимании Сама-знаешь-кого — справедливость! Вся власть в его руках, все магглорожденные уничтожены, а Хогвартс валяется в руинах и под этими руинами погребен Дамблдор!

— А если Дамблдор проведет этот обряд?

Крис усмехнулся.

— Воцарится мир во всем мире, наверное. Но тоже временный. А вот если погибнут люди — их уже не вернуть.

— И ты веришь в это? — спросила я, разглаживая листок на коленях, — Это же апокриф.

— Кто знает, — пожал плечами Крис, — столько вещей, даже самых невероятных, иногда становятся реальностью. Странно даже то, что если этой штуке тысяча лет, то для золотого кольца она слишком хорошо сохранилась. Ты говоришь, тебе его подарил брат?

— Да.

— А он его откуда взял?

— Не знаю, — тут был мой черед пожать плечами, — Я училась на втором курсе. К нам тогда приезжал профессор Снейп, — Крис удивленно приподнял брови, — Кажется, они с папой когда-то были друзьями. Я подслушала его разговор с Патриком насчет подарка. Помню довольно смутно, но кажется, профессор говорил что-то наподобие «Ты даришь ей зло»... А Патрик говорил про какую-то лабораторию и сейф.

— Значит...

— Ничего это еще не значит, Крис! — я махнула рукой и поднялась с табуретки, — Это очень дорогая вещь, может у нее есть какие-то свойства, о которых я еще даже не подозреваю, но...

— Сель, — перебил он меня, — Ты просто, главное, вообще его не снимай.

— А если МакГонагалл заставит?.. — спросила я, вспомнив, как строгая профессорша трансфигурации осудила меня за ношение украшения.

— Что-нибудь придумаем, — заверил он и игриво откинул белую челку со лба, — Я вот с волосами придумал, — добавил он и улыбнулся, — Ну пойдём, надо вещи собирать.

— Да, — согласилась я. Был последний день учебного года: экзамены отменили, а завтра мы должны были уехать на каникулы.

В коридоре, собираясь повернуть в гостиную Рейвенкло, Крис спросил меня:

— Слушай, а то, о чем ты писала мне прошлым летом... Это связано с...

— Не знаю, — перебила я, не дав ему договорить.

— Расскажешь?

— Может и расскажу, — кивнула я, и мы разошлись. Но за завтраком и в поезде мы не увиделись, а на платформе было столько народа, что заметить его в толпе я даже не пыталась. Я надеялась, что Крис сообразит мне написать сразу по приезде домой.

Кстати, совершенно беспрецедентный случай — ту книжку под названием «Властелин Колец» мадам Пинс позволила мне взять домой на каникулы. Оказывается, уже несколько лет она оставалась невостребованной и чудо, что я ее обнаружила и решила прочесть. Вначале книга показалась мне довольно нудной, уж слишком высокопарным языком она была написана, но потом затянула, как тряпина, благодаря своему содержанию. Иногда мне казалось, что ее автор не был, просто не мог быть магглом: или он был провидцем, или волшебником с неразвитыми способностями.

Главный герой книги поневоле тоже стал владельцем кольца, как я, и тоже получил его в подарок, вернее в наследство, от родственника, и то было страшное кольцо — созданное Черным Властелином, оно обладало немислимой силой, и было способно подчинить себе целые народы. Темный Лорд, описанный в книге, очень напоминал мне Вольдеморта; даже рыцарь Боромир на тайном совете, решавшем судьбу зловещего кольца сказал о Темном Лорде как о «Том-кого-нельзя-называть». И было решено — кольцо уничтожить. Пока я читала об этом, невольно косилась на собственную руку, украшенную кольцом, которая держала и периодически разглаживала желтоватый листок бумаги. А что если и мое кольцо обладает такой огромной

силой, росла в моей голове страшная мысль, а что если и оно создано лишь для того, чтобы уничтожать. Боромир не понял этого, и хотел использовать кольцо в своих целях, чтобы спасти от забвения и прославить свою родную страну, край храбрых людей, Гондор, но поплатился жизнью за свою неумную гордыню. И действительно — если уж этот артефакт создан для того, чтобы уничтожать, создан тьмой, злом, то нельзя искать от него созидания. Так? Или все же не так? В фолианте, что мы с Крисом нашли, было сказано, что воцарится та справедливость, какой ее видит владелец кольца, но разве так может быть? Разве возможно, что кольцо, будучи создано самим Сатаной, в руках какого-то сопливого волшебника, улыбающегося доброй улыбкой и желающего мира своим детям, станет творить добро и заставит расцветать природу? Глупо. Этого либо просто не может быть, либо... Впрочем, там ведь ничего не было сказано о происхождении этой броши, Лапы Орла. Если им владела Ровена Рейвенкло, то вполне возможно, что благие свойства украшения помогали ей исцелять людей — не зря эту ведьму называли Горной Целительницей. Она вытаскивала людей из самой жестокой лихорадки, останавливала эпидемии оспы и холеры, распрямляла горбы и сращивала кости и, самое главное, никогда не чуралась помощи магглам. Она жила этой помощью, и именно она была первой из четверки волшебников — основателей, кто стал ездить по деревням Альбиона и наблюдать за детьми магглов специально, чтобы найти обладавших магическими способностями ребятишек.

Так вот, кто знает, может быть именно в этом и состоит эффект обряда: объединить две части, Добро и Зло, уравновесить их. А уж каким окажется это Равновесие, зависит от помыслов владеющего артефактами мага. И эффект в любом случае не продержится долго, потому что Равновесие не может быть постоянным. Что-то всегда побеждает, одна чаша весов перевешивает другую. А быть может только потому, что ЭТО Равновесие — искусственно созданное. Нет, это слишком сложно для понимания, даже для понимания мага.

Я задумалась над тем, что бы произошло если, скажем, мы с Крисом провели этот обряд. Думала и не могла представить. Может быть, чтобы Министерские ищейки прекратили беспокоить моего отца, обвиняя в том, чего он не делал, и нагло обыскивать дом... И чтобы отец все время был рядом со мной и любил меня так, как любил раньше, до того как я ощутила отчуждение от него и нарастающую тревогу.

То, чего он не делал... А если делал?

Я вздрогнула. Это немыслимо, но почему бы не представить на миг, что когда-то давно отец совершил преступление и сумел уйти от наказания? Я больше не идеализировала его, я видела, какой он суровый и холодный, и я не могла простить ему то, что случилось 4 года назад... И я уже не была маленькой девочкой, мне казалось, что 15 лет — это чертовски много, и я уже могу мыслить мудро, действовать самостоятельно и мои решения не могут не быть правильными...

Очень странно еще и это: обряд должны проводить два мага, так чья же Справедливость воцарится? Может быть Крис всей душой пожелает, чтобы его отец, аврор, тот мерзкий человек с морщинами, изловил моего отца и осудил его за те преступления?.. Что тогда? А тогда, ответила я самой себе, тогда ничего не случится. Все останется так, как было, или... Или победит тот из нас, чей дух и желание сильнее?

Я помотала головой, и углубилась в чтение... Если думать о Вселенной, судьбах мира или о чем-то, чего твой разум постичь не способен, голова начинает ужасно гудеть... Ах да! Справедливость в моем понимании — это чтобы у меня никогда не болела голова! И зубы. Нет, это не справедливость, это просто желание. Для исполнения желания надо найти джина, а у меня есть только кольцо. Кольцо, которое, быть может, вовсе и не создано каким-то там великим змием, великим муравьем или великим пропойцей... Может быть, это просто украшение. Просто украшение... Я убеждала себя и сама не верила.

Между тем герои книги вошли в страну коневодов, Рохан, и я укрылась там вместе с ними.

Следующие два дня я только и делала, что читала: сидела на скамейке в саду, стараясь не обращать внимание на то, как ноет и рыдает шея; или же левой рукой перелистывала страницы, а правой, не глядя, ковыряла вилкой в тарелке; или в кровати, пока мой ночник не начинал коптить. Я засыпала и просыпалась с этой книгой, и я знала, что все закончится хорошо... Так ли хорошо, как я ожидала? Главный герой выполнил данное ему задание, он уничтожил кольцо, но потерял палец, кровь и все свои силы. Кольцо навсегда оставило на нем свой черный след, а путешествие — раны на теле и душе и главная рана — тоска по кольцу, которое привязало его к себе своей темной волшебной властью. Его верные друзья поддержали

его и дали все, что могли, а Владычица Эльфов забрала с собой в бессмертные земли на Западе, именуемые Валинором, чтобы он мог среди цветения, благоухания и добра, залечить свои раны и получить вечную жизнь как награду за уничтожение зла. Хотя вечная жизнь мнилась мне больше как наказание, нежели награда, для маленького хоббита Фродо.

Я закрыла фолиант. Задумалась. Теперь мне захотелось прочесть все книги этого маггла, и показать их знакомым, и добиться того, чтобы на вклеенном контрольном листке имена не умещались, и пришлось бы подклеить еще один.

Закрыла фолиант и увидела на окне Айри. Он рылся клювом в перьях под крылом, чистил. А лапой держал письмо. Оказалось — от Криса.

«Дорогая Селена!

Я не хочу ничего рассказывать в письме, надеюсь, мы поболтаем, когда приедешь! Я тебя приглашаю в гости на неделю, воспользуйся дымолетным порошком, просто скажи «Дом Фоусеттов в Эдинбурге» и попадешь к нам. Приезжай в воскресенье, в полдень», — так, воскресенье — это послезавтра; я оторвала взгляд от письма и на секунду задумалась над тем, как ему могли разрешить пригласить меня в гости — меня, девочку, которая плюнула в лицо его отцу, дочку человека, которого Фоусетт страстно желал упечь в тюрьму до конца дней, согласно судебным документам, прочитанным мной, и не жалел для этого ни времени, ни нервов, ни голосовых связок, но почти сразу получила объяснение, — «Папа уехал за границу на месяц, и мама разрешила мне и Мери позвать кого-нибудь из друзей на неделю погостить. Будет барбекю, мы ведь живем на окраине, почти за городом, но мы все равно пойдем погулять по городу, мне все разрешили. Буду ждать!

Всегда твой, Кристофер Дж. Фоусетт»

Не помня себя от радости, я отбросила «Властелин Колец» (книга скорбно шмякнулась об пол) и помчалась вниз через две ступени.

— Папа! — крикнула я, размахивая письмом. Он вышел из гостиной мне навстречу, и заинтересованно, но молча, посмотрел, — Меня друг пригласил в гости на каникулы, можно я поеду?

Он, по прежнему ничего не говоря, вытащил из хватки моих пальцев уже изрядно помятый кусок пергамента, и пробежался по нему глазами.

— Эдинбург? Фоусетт? — бесцветным голосом спросил папа, приподнимая брови. Еще до того, как он произнес следующую фразу, я поняла, что меня никуда не пустят, — Извини, но к сожалению ты не можешь поехать.

— Папа, но почему?!

— А почему мое решение должно подвергаться сомнению? Завтра я еду в Лондон, и ты можешь поехать со мной.

— Пап, но я не хочу в Лондон! — взвизгнула я, и непроизвольно топнула ногой, — я хочу в Эдинбург!

— Послушай, — отец взял меня за предплечье, почти силой втащил в каминный зал, и усадил в ближайшее кресло, — Люди, которые приходили сюда прошлым летом и чуть не поломали всю мебель — помнишь? Знаешь чего они хотели? Они...

— Знаю, — процедила я сквозь зубы, — Человек с морщинистым лицом — это отец Криса. Он аврор. Джейкоб Фоусетт. И он хочет посадить тебя в тюрьму.

Отец откинулся на спинку кресла, он был ошарашен и не пытался этого скрывать.

— Откуда...?

— Я прочитала в документах.

— Моя дочь шпионила за мной?

— Я не шпионила! — выкрикнула я, чувствуя как неизбежно подкатывает к горлу чувство вины, — Я просто хотела знать то, что ты мне никогда не рассказываешь! — Но я не виновата! Не виновата! Он сам спровоцировал меня!

— Видишь ли, дорогая, — произнес отец, доставая из коробки сигару и отрезая кончик серебряной гильотинкой, — Ты еще не знаешь этих людей. Это очень, очень нехорошая семья. Мало того, что они простолюдины, невежды, и неуважаемы в волшебном обществе, — я открыла рот, чтобы возразить, но отец заговорил громче, не позволив мне этого, — Так еще и глава этого семейства, господин Джейкоб Фоусетт, якобы имеет со мной личные счета, не оправданные, впрочем, ничем. Я не причинял ни ему, ни другим, никакого зла. Просто он сумасшедший,

лунатик. Такой человек, понимаешь меня, дорогая? Ему нужна жертва, чтобы самоутвердиться. И волей случая, ему подвернулся я, и стал этой жертвой, — отец закурил, — Боюсь, твой Крис тебе вовсе не друг, а лишь оружие в руках папаша, чтобы через тебя причинить мне неприятности.

— Но Крис...

— Я не могу позволить тебе поехать, потому что ты, моя любимая, единственная дочь, ты ослеплена верой в то, что такие люди могут быть добры и могут не руководствоваться корыстными побуждениями. Ослеплена тем, что не ведаешь ничего о людях. Кто знает, что может там с тобой случиться?

— Но я — не ты! Какой химеры я должна расплачиваться за твои долги?

Отец усмехнулся.

— Ситуация осложняется тем, что у меня нет ни перед кем долгов, — на секунду мне показалось, что глаза его хищно блеснули, — Напротив, МНЕ должны очень и очень многие. И я это понимаю. Но не он. Не Фоусетт. Пойми, прошу тебя, я за тебя боюсь. Я не могу позволить тебе в полном одиночестве ехать в гости к незнакомым людям — туда, где никто не может позаботиться о твоей безопасности.

Я поднялась с кресла.

— Что ты сделал, отец?

Он вопросительно взглянул на меня.

— Что ты сделал такого, что на тебя нацелен арбалет охотника? Что ты сделал этому Фоусетту?

— Я же сказал тебе...

— Скажи мне правду!

Несколько секунд молчания.

— Ну хватит, — сказал отец, вскакивая с места; пепел сигары упал на дорогой персидский ковер, — хватит, иди в комнату. Я не обязан перед тобой оправдываться, потому что я — твой отец, твой опекун, и я забочусь о твоей безопасности, Селена! Я не намерен потакать твоему самодурству и подростковой глупости! Я сказал и ты должна выполнять! Я запрещаю тебе ехать к Фоусеттам — и точка!

Фыркнув, я вышла вон из зала, но остановилась в коридоре, за поворотом, прислушиваясь — отец не сел обратно в кресло, он направился через вторую дверь к лестнице, которая вела в противоположное крыло. Стараясь не зареветь от досады и стыда, я стиснула кулаки и пошла за ним, повторяя то ли в мыслях, то ли сквозь зубы «Я еще выясню, что ты такого сделал этому Фоусетту, я еще выясню!».

Босиком пересекла зал. Притаилась за углом. Отец остановился у лестницы — я поняла по звукам — огляделся, и забормотал что-то под нос.

— О мой Лорд, мой Лорд...

Я подумала, что отец наверняка действительно волнуется за меня, если взывает к Богу. Почувствовала укол совести. Но от зова интуиции не отказалась и последовала за ним. На лестнице я услышала скрип несмазанной дверной петли, значит, он пошел вниз, в помещения для слуг. Кроме повара Джастина, внизу, скорее всего, не было никого.

Я кралась на цыпочках и пряталась за каждым дверным косяком — благо, дверей в подвале было очень много. Через маленькие окошки у самого потолка в помещение проникал неверный свет, кроме того, в конце коридора копил факел. Отец остановился перед книжной полкой, между пустовавшей комнатой Лиды и кладовкой, из которой меня прошлым летом выгнала Бесси. Он расстегнул рубашку и достал из-под нее что-то, показавшееся мне крестом или каким-то подобным массивным металлическим украшением — сказать наверняка я не могла, смотрела я все же из-за угла, тайком. Готовая из кожи вон вылезти от любопытства, я замерла как статуя, и зажала рукой нос и рот, чтобы случайно не выдать себя звуками. Однако в этот самый момент снова раздался скрип. Совершенно не то время выбрала Лида, чтобы прийти. Я юркнула в ближайшую комнату — это оказалась темная каморка дворецкого, и притаилась. Лида что-то напевала под нос и на ходу выковыривала грязь из-под ногтей — вероятно, она только что вернулась из сада.

— Ежевичка, ежевичка, — промурлыкала она и я услышала шелест переворачиваемых страниц, — Ага, ежевичка-куманичка... род-нень-кая...

Не прошло и полминуты, как Лида прошествовала тем же путем обратно, зажимая под мышкой книгу, какое-то руководство для садовода. Дверь захлопнулась, и шаги служанки на лестнице затихли.

Я выглянула из укрытия. Папы в коридоре не было. Я решила плюнуть на осторожность и не таиться.

— Папа? — ответа не последовало, если не считать слабого эха.

Его не было ни в одной из открытых нараспашку комнат слуг, ни в кладовке. На всякий случай я оцупала стену между комнатами, и в конце коридора. Ничего. И стук говорил о том, что стены монолитны. Тем не менее... отодвинуть стеллаж в сторону я не смогла, сколько ни кряхтела. Меня удивило, что он так плотно прилегает к стене — нож не просунуть.

Я ушла ни с чем.

* * *

3 августа

Она написала мне почти сразу — написала, что не приедет, что ей не разрешает отец, и что просит не обижаться. Я не обижаюсь, конечно, я даже ожидал, что так будет, и что этого кретина не подкупит даже то, что мой отец уехал. Хотя может оно и к лучшему — ведь что-то у папы не получилось с этой командировкой, и он вернулся сегодня. Черт, у меня такое ощущение, что он читает мои мысли. Страшно подумать, что бы было, если бы он застал Селену в доме. Не то что мама — мама любит моих друзей, и ей все равно, кто их родители. Иногда мне кажется, что из моих родителей умная только мама. Папа слишком много воли дает эмоциям, так нельзя. И теперь я понимаю, что при его работе так тем более нельзя.

Но я не верю ничему, что он рассказал мне про отца Селены, ни тому, что тот собственноручно убил несколько человек, ни тому, что он — слуга Темного Лорда, и что он Пожиратель Смерти, и предатель. А даже если это и так, какое отношение Селена имеет ко всему, что он сделал? Она тогда под стол ползала в распашонке, и все, что она знает — это только то, что нашла в книжках и документах. Я уверен, она не...

— Кристофер?

— Эээ... папа?

— Чем занимаешься, сынок?

Мальчик инстинктивно бросил перо и прикрыл тетрадь ладошкой.

— Пишу сочинение... Нам на каникулы задали... по истории Магии.

Джейкоб прищурился и скользнул взглядом по тетрадке.

— А вы разве не на пергаменте пишете? Это же маггловский ежедневник, который вы с Мери купили на ярмарке.

— Эээто черновик, — сказал Крис и нервно улыбнулся.

— Понятно. Молодец, не буду мешать. Как закончишь — спускайся обедать, курица почти готова.

Я уверен, она ни в чем не виновата, и ничего не знает.

Мне очень жаль, что я не увижу ее до сентября. Ужасно жаль.

* * *

Диагон Аллея гудела. Людской поток плыл как вода. Студенты всех курсов, их родители, и множество зазывал, рекламирующих «первоклассные», «уникальные» товары у каждого магазина, за исключением, разве что, книжного, сновали туда-сюда, толкаясь и огрызаясь. В книжном была огромная очередь — все школьники закупились учебниками на новый учебный год, и делали это, разумеется, в один из последних дней каникул. Наверняка еще пару дней назад на Диагон Аллее было тихо, спокойно и безлюдно. Я была с папой и дворецким, который вызвался съездить с нами и помочь донести покупки.

Папа покосился на очередь у книжного и вопросительно посмотрел на дворецкого. Тот кивнул и попросил у меня список книг.

— Давайте, леди. Вы пока можете купить все остальное, а я постою в очереди за Вашими учебниками.

Рядом с нами беседовали две экстравагантных дамы средних лет, и я невольно услышала обрывок разговора.

— И самое главное, ходят слухи, что их отправят в Хогвартс!

— Не может быть!

— Да-да, я читала об этом в газете накануне, в интервью с господином Фаджем. Вероятно, все должно быть действительно настолько страшно, что не осталось других способов поймать этого Блека.

— Да, но... дементоры в школе...

— Идем, Селена, — подтолкнул меня отец и мы, умеренно пользуясь локтями, пробрались через толпу к банку, и завернули налево.

— Куда мы идем?

— У меня есть дела, тут, по соседству, — неопределенно отозвался отец, пока мы пробирались между двумя кирпичными домами, по жалкому подобию переулка, пропавшему кошачьими испражнениями, — Это Лютный переулок, — пояснил он наконец, когда мы вышли к магазину под названием «Борджин и Д'Авило», — Нам сюда.

— А что здесь продается? — задала я очередной вопрос, бросая на ходу взгляд на мрачную витрину.

— Всякие разные вещички... Любопытные и не очень.

За прилавком стоял полный человек с проплешиной, неприятный, потный. За ухом у него был огрызок грифельного карандаша, и он что-то бормотал под нос и загибал пальцы. Вероятно, считал.

— Добрый день, Борджин. — сказал отец чуть громче, чем того требовал этикет. Человек вздрогнул и, увидев моего отца, растянул губы в елейной улыбке. Его рыбы глазки при этом оставались неприязненно холодными.

— О, мистер Нотт, доброго дня. О, и Ваша очаровательная дочь? — продавец вышел из-за прилавка и поцеловал мою руку; но не наклоняясь, а бесцеремонно потянув её к себе; это заставило меня поморщиться, — пришли что-нибудь приобрести для дочери?

— Боюсь нет, — покачал головой отец, — мне нужен тот же состав, что Вы продали мне в прошлый раз, только две бутылочки.

— Конечно-конечно. У меня они всегда имеются в наличии, я знаю, что для вас это товар востребованный...

— Поменьше слов, — прервал его отец и нетерпеливо пристукнул каблуком.

— Я мигом, — сказал Борджин и скрылся в подсобном помещении, за пыльной бархатной портьерой. Между тем я огляделась. В помещении было темно и, в отличие от жаркой улицы, довольно прохладно. Но все равно мне было некомфортно — воздух отдавал странным и неприятным запахом, а на полках были разложены товары — вероятно, товары: замаринованные в зеленоватой жидкости рептилии, эмбрионы, или какие-то декоративные восковые уродцы? Нескладные янтарные и глиняные ожерелья, и несколько предметов, напоминавших высушенные трофеи охотника — чучела, рога... Никаких бутылок в ассортименте магазина я не заметила.

Тем не менее именно бутылки, вернее, две хрустальные склянки, вынес Борджин из подсобки через минуту. Отец отсчитал несколько галеонов. Я оперлась о прилавок и от нечего делать посмотрела на бумаги, над которыми корпел продавец — это действительно были какие-то подсчеты, столбики цифр. Сейчас к ним прибавится еще одна цифра, когда отец расплатится.

Борджин, уж было протянувший руку за деньгами, замер. Я подняла голову — он навис надо мной, сопя и нервно кусая нижнюю губу. Он смотрел на мою руку.

— Сэр, — промямлил толстяк, обращаясь к отцу, но не отрывая глаз от меня, — Это украшение... При всем уважении... Сколько бы Вы взяли за него?

Отец промолчал. Борджин куснул губу в последний раз и, неожиданным для своего тучного тела молниеносным движением, вытащил откуда-то из под деревянного прилавка мешок. Бросил, и монеты высыпались из него. Там было на вид несколько сотен галеонов.

— Я могу дать больше! И... скидки в моем магазине, Вам, пожизненно... я гарантирую, сэр.

Отец усмехнулся и подложил плату за свою покупку в развязанный холщовый мешок.

— Благодарю, Борджин. Всего доброго.

Звонок над дверью тоненько крикнул. Толстяк так и не смог выдать больше ни слова и смотрел нам вслед.

* * *

— Селена! — она бросилась ко мне от багажного отделения, сияющая, как никогда, и загорелая, — Я уже заняла место в первом вагоне!

Тина хотела было обнять меня, но ей помешал огромный персидский кот песочного цвета, которого она несла, и который истошно завопил, стоило только хозяйке попытаться сунуть его под мышку и высвободить одну руку. Я чмокнула ее в щеку, перегнувшись через сердитое животное. Кот зашипел.

— Это Донни, — пояснила Тина извиняющимся тоном, — Очень перепуганный он, я в первый раз беру его в Хогвартс. А вообще ему уже три года.

— Понятно, — сказала я.

— Ну пойдём, — кивнула Тина, и я толкнула тележку с вещами. И тут же замерла на месте.

Он был едва узнаваем. Он стоял, одетый в маггловские джинсы и голубую рубашку, расстегнутую на несколько пуговиц у горла, и с закатанными рукавами. Я заметила, что он совсем не худощав, и у него крепкие мышцы, и руки, твердые как сталь. Я никогда этого не замечала, или он раньше был не такой? Он стал выше, и шире в плечах, и лицо его тоже изменилось, и выражение глаз.

— Эй, ну ты чего стоишь? Поезд отходит минут через пять, — Тина толкнула меня в бок и я оторвала взгляд от этого красивого юноши, от знакомого и вместе с тем совершенно незнакомого беловолосого юноши, который так и не заметил меня в суете, что царила на платформе.

Крис улыбался. Рядом с ним я заметила одного из близнецов Уизли, и его лучшего друга, охотника команды Рейвенкло по квиддичу, Пола Гордона.

— Мьяууу! — проорал Донни, когда его закутали в шерстяной палантин («Чтоб не сбежал») и водрузили на сидение.

Через минуту Крис тоже зашел в поезд, но в третий или четвертый вагон. Я чуть не выпала из окна, когда пыталась проследить за ним.

Поезд тронулся. За барьер на платформу меня никто не проводил. Начинался пятый год моего обучения в Хогвартс, год сдачи С.О.В., обещавший стать периодом бесконечной зубрежки, прозябания в библиотеке и порчи зрения.

Казалось, у окружающих не было никаких тем для разговоров, кроме сбежавшего из тюрьмы преступника Сириуса Блека. Каждый, кто заходил к нам в купе, высказывал свои предположения относительно того, как этому человеку удалось сбежать оттуда, откуда никто раньше не сбегал, разве что на тот свет — уж это происходило регулярно. Версии были одна невероятнее другой. На второй час обсуждения мне эта тема наскучила настолько, что я уже готова была взвыть.

Блека посадили в Азкабан по обвинению в пособничестве Темному Лорду и убийству нескольких магглов — эти же обвинения в свое время выдвигались и в адрес моего отца...

Об этом я старалась не думать. Поезд мерно постукивал. Мы уже проехали пригороды Лондона, деревеньки в его окрестностях. Сейчас экспресс летел мимо бесконечных полей и лесов, через мосты, под которыми проплывали паромы, и через немногочисленные фермы чуть поодаль, с обширными кошами и пастбищами по соседству.

Джаде, подсевшая к нам в начале, сейчас переместилась в другой вагон, или ходила по составу, болтая со знакомыми. Мы с Тиной проголодались и достали завернутые в промасленную бумагу сэндвичи. У нее были с арахисовым маслом и смородиновым повидлом, у меня с зеленым салатом и сыром бри. Разделили поровну и то, и другое. Уже успокоившемуся коту Донни достался кусок чуть обветренной буженины.

Тина неудовлетворенно осмотрела наш нехитрый обед.

— Надо добыть чай или что-нибудь попить, — сказала она, — в сухомятку не хочется.

— Ну так скоро придет дама с тележкой.

— Эээ... — Тина махнула рукой с пренебрежением, — Сейчас она только начала обходить последний вагон. А мы сидим в первом. Пойду выловлю ее в конце состава.

Донни не стал дожидаться хозяйку и с урчанием принялся прожевывать кусок копченого мяса, придерживая его передней лапой. А я погрузилась в созерцание пронесившегося мимо пейзажа. То, что в купе кто-то зашел, я обратила внимание только тогда, когда дверь с грохотом задвинулась. Передо мной стоял Фред Уизли и ухмылялся. Через секунду зашел и его брат Джордж, в отличие от своего близнеца, с миной неудовлетворенной и, пожалуй, скорбной.

— Как всегда в одиночестве, Нотт.

Я пожала плечами.

— Как всегда суешь нос не в свое дело, Уизли.

— Ты мне не хами! — ощерился Фред и в этот момент для него была подходящей лишь одна характеристика — «быдло».

Я нагло усмехнулась и парировала бездарно нанесенный удар тем, что, как я знала, было для него большой темой:

— От кого тебе этот свитер достался? От деда? И не стыдно тебе в этом тряпье перед приличными девушками появляться, а?

Лицо Фреда немедленно приобрело пунцовый оттенок и я, незащищенная ничем и никем, сразу же поняла, что сделала ошибку, поддавшись собственной ярости.

— Ты у меня, сука, сейчас узнаешь, кто приличная девушка, а кто нет!

Прежде чем я успела взвизгнуть, Фред рванул ко мне, ему не пришлось и шага делать — настолько узким было купе, — рванул и, схватив за плечи, повалил на пол.

Я предприняла явную попытку закричать, но потная рука немедленно зажала мне рот.

— Держи ее, Джордж! Держи эту дрянь, и покрепче!

Тот повиновался, однако недоуменно обратился к брату, при этом придерживая меня за обе руки и не давая подняться:

— Ты что задумал? Нас же услышат.

Кот Донни с громким воплем бросился под кресло, в отсек для багажа.

От Фреда Уизли несло потом. Потом, ненавистью и съеденным на завтрак луком. Одной ладонью он зажимал мне рот, а другой начал бесцеремонно шарить по моему телу. Я уже поняла, что он собрался сделать, и ужас сковал меня до такой степени, что я обмякла и не пыталась, да и не могла, оказывать какое-то сопротивление.

Фред не слышал брата, он сопел и скалил зубы, и с удовлетворением заглядывал мне в глаза, полные страха, и широко раскрытые. Я не могла зажмуриться, не могла оторвать взгляда от его обветренных, обкусанных до крови губ, и сального носа, усыпанного веснушками.

— Фред, ты же не собираешься...

— Собираюсь! — прохрипел он, и свободной рукой дернул мою юбку. Она разорвалась на поясе с громким треском. Тут я очнулась от воскового ужаса и бешено задрогала ногами. Фред навалился на мои ноги сверху, и я впоследствии сильно удивлялась, что он мне их не сломал, так противно хрустнули обе в коленках и так невыносимо тяжело мне стало. Он полез мне под блузку и я замычала — поскольку кричать не могла. Еще секунда, и он сорвал бы и ее тоже, но что-то его остановило. Он снова посмотрел мне в глаза, но тут плотоядная улыбка сменилась ужасом, решительность — полным оцепенением. Фред раскрыл рот. Так же ошарашенно выглядел и Джордж, нависавший надо мной со стороны сидения. Через секунду оба вскочили и рванули вон из купе, с таким грохотом хлопнув дверью, что зеркало не разбилось лишь чудом.

Всхлипывая не своим голосом, я поднялась на ноги, держась за сидение, и увидела себя в зеркале. И застыла. Мои зрачки вытянулись, глазные яблоки пожелтели, а из расширившегося рта струйкой по подбородку потекла мутная желтоватая жидкость. Я взвыла, но зарыдать не могла — слез не было, а вместо ровного ряда зубов в моем рту оставался один огромный клык, который медленно выезжал из-под верхней десны, как рычаг.

Я рухнула на пол.

Не знаю, сколько времени я пробыла в забытьи. Тина так и не появилась, но периодически до меня доносились завывания ее кота, оставленного, как и я, на произвол судьбы. Я окончательно очнулась лишь когда поезд сильно дернулся и резко остановился. В купе было темно, лишь слабые огоньки из окна могли помочь увидеть слабо очерченные силуэты предметов. Кряхтя, я встала. Зажгла свет. И заметила, что дверь закрыта — не на замок, а на задвижку у основания, и ключом открыть ее было невозможно. Вероятно, Тина ломилась в купе, но я ее не слышала.

Стараясь не слишком сильно двигать ноющей от боли головой, я достала из-под сидения сумку (и выволокла все еще перепуганного кота), запихала туда свою безнадежно порванную юбку, и вытащила школьную форму. Я едва успела облачиться в нее, как свет погас. Сам собой. Неслышно скрипнула и поехала в сторону дверь. Из соседних купе доносились визг, шорох и ругательства. Из коридора — лихорадочный топот и крики.

Передо мной кто-то стоял. От него невыносимо несло, и позже я поняла, что несло смрадом трупного разложения. Он был с ног до головы облачен в плотно запахнутый черный плащ с капюшоном.

— Кто Вы? — тихо спросила я, не чувствуя никакого страха, а лишь желание заткнуть нос, и удержать рвотные позывы.

Он не ответил. Слегка приподнял голову, как я определила по шороху и движению в полумраке, и с шумом втянул воздух. Из соседнего купе послышался дикий вопль и грохот. Кажется, кто-то упал на пол. По всему телу разлилось странное ощущение холода. Разлилось и почти моментально покинуло меня. Я снова посмотрела на незнакомца, на этот раз разглядев его чуть лучше — видимо, мои глаза привыкли к темноте.

— Кто Вы? — переспросила я, а незнакомец лишь зашуршал одеждой, на меня дохнуло новой волной смрада, — и двинулся дальше по коридору. И только тогда я поняла, что это был дементор.

Глава XII. Verba magistri

Я снова проснулась на полу. Мне вновь снился сон о том, как я ползу по земле, а сверху на меня налетает Нечто и убивает. Во сне я пыталась спастись от него — каждый раз тщетно, и каждый раз просыпаясь в холодном поту в добрых пяти-семи метрах от своей кровати, всегда рядом с дверью, скорчившись в позе эмбриона.

Но до сих пор мне везло и соседки по комнате не замечали моего лунатизма. Сегодня первым, что я увидела, когда очнулась со слабым стоном, был силуэт Джаде в белой ночной рубашке, стоявшей на коленях на своей кровати и молча глядящей на меня. В темноте было плохо видно, но кажется, она зажимала рот рукой.

— Джаде? — позвала я, прищуриваясь.

— Ты что там делаешь? — прошептала она взволнованно, — Как ты туда попала?

— Да я наверное ходила во сне, — успокоила я подругу, поднялась, держась за дверную ручку(дверь при этом чуть приоткрылась со скорбным скрипом) и отряхнула пижаму.

— То-то и оно, что не ходила! — сказала Джаде чуть громче, чем нужно: Тина тихо заныла во сне и с шумом перевернулась на другой бок, — Я уже минут двадцать не сплю, все ворочаюсь. И по комнате никто не ходил, я бы заметила — смотри, луна такая яркая! — она махнула в сторону окна, в которое светил яркий молочно-белый полумесяц, — Ты просто раз — и оказалась перед дверью.

— Ну значит не ходила... Значит я ползала во сне! А ты чего не спишь?

— Ну я... — Джаде явно засмушалась, — Я... бессонница у меня... Не надо было мне за ужином третий кусок пирога есть. Живот побаливает и вообще...

Врала она бесталанно.

— Что стряслось?

— А ты никому не расскажешь? — спросила она так тихо, что я едва услышала. В неровном свете луны мне даже показалось, что она покраснела.

— Нерасскажу.

— Я влюбилась! — торжественно объявила она, — Просто втрескалась по самые уши.

Я была на 99 процентов уверена, что этим счастливец окажется кто-то из нашей команды по квиддичу, и в первый момент решила, что угадала.

— Он такой классный! Он играет в квиддич, и... и он красивый! Я не могу понять почему раньше я его не замечала, я его вообще не помню, может, он новенький?

— Ну кто? — я нетерпеливо дернула ее за рукав и захихикала, — Кто? Как его зовут?

— Я точно не знаю, но кажется Крис. Он учится в Рейвенкло.

У меня упало сердце.

— Сель, ты сможешь мне с ним подружиться?

Сель... О великий шотландец... Только он, только Крис меня так называл...

— Давай завтра поговорим, утро вечера мудренее, — сказала я, изо всех сил стараясь придать голосу доброжелательность, — Там решим, что делать.

К моему удивлению Джаде кивнула. Видимо то, что она поверила кому-то свою тайну, облегчило ее душу, и она уже через пять минут засопела в обнимку с подушкой. Мне же не спалось. Теперь я ворочалась и пыталась понять, почему мне так плохо. Ведь Джаде моя подруга, после Тины самая лучшая, так какой химеры я так озлобилась? Я не могу влюбиться в Крису... Я вообще ни в кого не могу влюбиться. Я обречена вечно быть одна. Меня даже отец больше не любит. Я не боюсь дементоров — они чувствуют, что им нечего из меня высасывать... И он... но он такой красивый. У него такие глаза, добрые и нежные, по бокам веки чуть опущены вниз, и когда он улыбается, невозможно не улыбнуться в ответ. И он считает меня другом, мы все время занимались вместе, и болтали, и он звал меня в гости и...

Я мысленно хлестнула себя по щеке. Ну ужели я думала, что теперь, когда он стал таким красавцем, вдобавок к тому, что был звездой квиддича, он останется без внимания других девчонок? Мне не место среди толпы его поклонниц, а таковая набирается очень быстрыми темпами. Сейчас он ослепнет от чужого внимания и вообще перестанет меня замечать.

Я почувствовала, как по щекам текут слезы.

Я не влюбилась в него! Я не влюбилась в него! Я не влюбилась в него! Я не...

Меня разбудил дикий вопль. Я открыла глаза и тут же наткнулась взглядом на огромное кресло и письменный стол. Письменный стол посреди гостиной. Я вскочила рывком и бросилась в сторону комнат, но до своей добежать не успела.

— Что случилось?

— Кто кричал?

Захлопали двери, студенты выходили в коридор, потихоньку наполняли гостиную. Сопровождаемая своей подругой Миллисент, вплыла третьекурсница Панси Паркинсон, всхлипывающая и дрожащая.

— Панси, что такое? — процедил сквозь зубы префект.

— Я шла в туалеееттт... — заикаясь, сказала Панси, — И в гостиной была зме... змеяяя! Гремучая змея! — закончила она, клацая зубами.

Миллисент ободряюще сжала ее руку.

Префект усмехнулся.

— Ну гремучая-то вряд ли, их в окрестностях вроде бы не водится. А вот уж мог заползти. Да чего ты дрожишь, глупая! Ужи не ядовитые!

— А эта была ядовитая! — взвизгнула Панси так, что аж в ушах зазвенело.

Префект закатил глаза.

— Хорошо... Ребята... девочки, проводите ее в туалет кто-нибудь. Закрывайте двери как следует и змея не заползет... Используйте закливание какое-нибудь, ну блокирующее там, я не знаю... Еще только начало седьмого! Я сейчас не буду будить профессора Снейпа!

— Но если тут ядовитая змея... — пробубнил кто-то, — Может все-таки надо...

Остаток дискуссии я дослушивать не стала. Влетела в комнату, захлопнула дверь, и тяжело дыша, навалилась на нее.

Ведь ночью, когда я проснулась у двери, я чуть приоткрыла ее... О Бог мой... Я тряслась от страха, что кто-то узнает мою тайну. Ведь Панси видела змею... гремучую змею, ядовитую змею. Панси видела меня!

* * *

— Вот он, вот он! — прошептала Джаде с ноткой истерии в голосе, дергая меня за рукав. Увидев, на кого она указывает, я почувствовала, словно с моих плеч падает тяжелый груз.

— Джаде, его зовут Пол. Пол Гордон. А Крис — так зовут его друга, вот он сидит.

— Этот что ли? Тьфу какой смазливый, — сказала она в адрес Криса и тут же снова переключилась на Пола, — Ты только посмотри, какой клаааасный! — запищала Джаде, и тост в ее руке расплющился.

Мне тоже ужасно захотелось пиццать, визжать, и плясать. Сложившаяся ситуация мне страшно нравилась. Почему-то вдруг ярче засветило сентябрьское солнышко на зачарованном потолке, и обычный завтрак показался удивительно вкусным.

— Тьфу какой смазливый! — передразнила я и скорчила рожу.

— А тебе что — этот блондин нравится? — хихикнула Джаде и я отвела взгляд, но румянец на щеках меня, похоже, выдал, — Чего, серьезно? Ой класс! — чуть не захлебнулась она. Представляешь, мы — две подруги и они — два друга! Класс!

Не слишком понимая, что в этом классного, я налила себе чаю и положила в тарелку еще несколько оладий, от души полила их кленовым сиропом. На сердце было спокойно. Но Джаде никак не могла успокоиться. Ей бы при дворе какого-нибудь гишпанского короля жить, ох она бы отличилась в интригах и интрижках разного рода...

— Ой, он на тебя смотрит! Он на тебя смотрит!

— Кто, Пол? — устало отозвалась я, но тут же заметила, что Пол оживленно болтал с ловцом команды Рейвенкло Чоу Ченг и капитаном Роджером Дейвисом.

— Да нет же, Крис! — объяснила Джаде и тут же добавила более серьезным тоном, — слушай, а ты ведь с ним знакома? Я вас видела пару раз вместе.

Крис махнул мне рукой, в которой держал ложку.

— Да, я....

Крис подмигнул.

— В общем, мы... я...

Крис чмокнул воздух губами, глядя в мою сторону (и тут же покраснел от собственной наглости). Джаде чуть ли не взвыла от восторга. Я застыла с открытым ртом, пытаюсь с третьего

дубля объяснить, что он в общем мне никакой не друг, а просто приятель, мол, общаемся время от времени.

— Да, мы друзья. Близкие, — соврала я. И почему-то сама в это внезапно поверила.

— Чего вы тут секретничаете? — спросила припозднившаяся Тина, садясь напротив меня и заслоняя Криса.

Джаде оживилась:

— Там парень, он на Селену...

Я со всей силы наступила ей на ногу под столом.

— Ай!

— Что на Селену?

— Ну пялился в общем. Язык показывал. Хам какой-то, — объяснила я, и протянула ей поднос с оладушками, — Будешь?

Тина посмотрела на нас с подозрением. Я улыбнулась так дружелюбно, как только могла — но судя по ее физиономии вышла у меня улыбка форменной идиотки.

Но тут меня выручили совы — они стайей вторглись в зал через отверстия под потолком, с почтой в лапах и клювах. Тина отвлеклась, высматривая свою. Мне Айри ничего не принес, но все же прилетел повидаться, и присел прямо на стол. И аккуратно положил мне в тарелку дохлую мышь. От нее воняло.

К счастью, никто не успел этого заметить, потому что я молниеносно стряхнула трупик грызуна на пол — сноровка меня не подвела. Мыши и прочие мелкие грызуны в моей тарелке за завтраком появлялись довольно часто, и я разработала маневр по их поспешному удалению из поля зрения рядом сидящих. Обычно, завидев такую вопиющую неблагодарность, Айри тут же улетал, но сегодня взглянул на меня — как мне показалось, с укором, и, взмахнув крыльями, перелетел через стол.

Уже давно я перестала слышать его и почти окончательно поверила, что слова, якобы сказанные моим ручным ястребом, были моей собственной фантазией. И даже все те пророчества, которые я слышала от него — ничто иное, как мое воображение.

Но исключить возможность того, что он понимал меня, было просто невозможно. Более того — не только понимал, но и читал мои мысли! Потому как в этот самый момент, вместо того чтобы улететь, всем своим видом демонстрируя обиду, он уселся на стол Рейвенкло прямо рядом с тарелкой Криса.

Тот безбоязненно погладил птицу и тихо ей сказал пару слов. Айри даже не шелохнулся. Потом Крис достал из сумки кусок пергамента, и что-то на нем нацарапал грифелем.

Когда я вытаскивала записку негнуцими пальцами из лапы ястреба, я была готова поклясться, что лицо у меня — цвета свежесваренной свеклы. Но подружки были заняты письмами и посылками из дома, так что, хвала Мерлину, ничего не заметили.

* * *

— Я слышала, что нельзя сидеть на земле в месяцы, в названии которых есть буква «р».

— А мы не на земле сидим, а на плащах! — заулыбался он. Я кинула камушек в озеро, не долетел. Уже темнело.

— Это снова происходило, — сказала я как бы самой себе.

— Что? — встрепнулся Крис, — С кольцом что-то?

— Я чувствую, что то, что мы прочли в книге летом, правда. Я действительно начинаю превращаться в змею!

— Да ты чего! — воскликнул Крис, и переполз ко мне поближе, — правда что ли?

— Почти каждую ночь.

— Ровно в полночь? — усмехнулся он. Я кинула камушек в него и захихикала.

— Да нет же, во сне, — и я рассказала ему в подробностях свой повторяющийся кошмар и то, что произошло прошлой ночью, когда я не закрыла дверь до конца.

После моего рассказа он несколько минут помолчал, ковыряя ивовой палочкой землю... Где я слышала раньше о мальчике с ивовой палочкой, который рисует ею фигуры на песке?... Махнула головой и отогнала дежавю.

— Честное слово, — заверила я, — клянусь... клянусь кольцом.

Новое дежавю... «Мы клянемся... клянемся нашей прелестью»...

— А не во сне такое бывало? — серьезным голосом поинтересовался Крис; похоже, он все-таки мне поверил.

— Было. Раз... нет, два раза...

— И что ты тогда чувствовала?

— То есть? — я недоуменно посмотрела на него.

— Ну какие у тебя были ощущения тогда? Ты говоришь, что во сне тебе очень страшно, ты спасаешься бегством, ты боишься за свою жизнь. И превращаешься в змею. То есть думаешь, что превращаешься, — оговорился он. Я понурилась.

— Один раз... не знаю, пожалуй, была очень расстроена. А второй... — я вздрогнула, вспоминая мерзкий запах, исходивший от Фреда Уизли и его потную руку, зажимавшую мне рот, — Второй раз было очень страшно.

— Ну вот тебе и разгадка, — деловито объяснил он, — Ты превращаешься в змею, когда тебе страшно, или ты в расстроенных чувствах... Слушай, — он почесал затылок, — Не хочу обидеть, но помнишь ты раньше, на первых курсах, постоянно плакала. Где тебя ни застанешь, у тебя все время глаза на мокром месте, от людей шарахалась, на квиддич не ходила, ни с кем не общалась. Видимо, тебе все люди были в тягость. А потом как подменили тебя.

— Вот поэтому я кольцо и не снимаю, — усмехнулась я, не без опаски заглянув ему в глаза, — Оно изменило меня. Я... стала сильнее, что ли?

— «Избавить от боли сердечной и телесной, дать силы духу и телу», — тихо сказал Крис, и я не сразу поняла, что это была цитата, — Все сходится!

— Но Крис... Я не знаю, что теперь делать! Если я его сниму, то опять начну тухнуть от тоски, я уверена, — он кивнул, соглашаясь, — А если не сниму, то могу как-нибудь во сне обратиться в змею и кого-то ужалить! Ведь Панси сказала, что это была гремучая змея.

— Так в чем проблема? — он вздохнул и рывком поднялся на ноги, — Тебе страшно во сне, так? Тебе снится кошмар, и снится, что ты змея, так? Ну пойдем в больничное крыло, скажи мадам Помфри, что у тебя переутомление, и она даст тебе зелье для сна без сновидений! В небольших дозах его можно употреблять регулярно, я сам пил во время экзаменов, чтоб лучше спать!

А ведь и правда, элементарное решение. Он подал мне руку, и мы тронулись в сторону замка, по дороге разговаривая на более радостных тонах.

— А если бы ты мог превратиться в животное, то кем бы стал?

— Я, кстати, думал об этом! — улыбнулся Крис, — Орлом, наверное. Нет, точно орлом. Величественная птица, и к тому же символ моего факультета!

— Он же хищник!

— Ну и что, зато всем внушает страх! — Крис распрямил плечи и поднял голову выше.

— Крис, а что едят орлы?... Мышей? А змей они едят?

Он рассмеялся.

— Ну анимагом мне не быть никогда, так что я тебя не съем.

— Да нет... Я все думаю о том, кого я так в своем сне боялась...

... Ветер по траве и шелест крыльев... Хлоп-хлоп-хлоп... Удар — боль!

Я вздрогнула. И внезапно в памяти всплыло — клюв, огромный, острый, загнутый вниз... Целится мне в голову.

— Орел, Крис! — почти выкрикнула я, — Во сне меня убивает орел!

* * *

Возможности человеческого разума невозможно измерить. Если бы наш разум открылся перед нами хоть чуточку больше, мы бы расплющились в лепешку под его тяжестью и могуществом. Поэтому то, что мы знаем о своем мозге и его возможностях — соизмеримо лишь с тем, что можно увидеть, подглядывая через замочную скважину на Бальную залу. Тело — слабо, очень слабо, а могучий разум уравнивает личность.

Мы говорим «твои руки умеют лечить» — но исцеляют не руки, а разум, энергия мысли, намерения, желания.

Телепатия, анимагия, ясновидение, целительство — что это, как не воплощение усилий нашего разума?

Именно так я и сказал ей. Именно в таком ключе и объяснил — как и планировал объяснить, в ожидании того, что девочка этот вопрос задаст именно мне. И задаст обязательно, рано или поздно — если только не снимет это кольцо. Она не сняла, она предпочла ту энергию, которой оно насыщает, унынию и тоске, присущей ей по характеру. И конечно, не смогла избежать того, другого, что кольцо делает с *homo sapiens*, его носящим. Я знал это заранее, именно поэтому

преподнес ей несколько лет назад книгу на эту тему, но, к сожалению, был уверен, что девочка уберет его подальше от своих глаз, поленится даже открыть. Стиснул зубы, воздержался от замечаний (удивившись самому себе) и порекомендовал эту книгу еще раз, настоятельнее.

Взять, взять себя в силки, найти силу, хранящуюся внутри, обуздать свои желания, и поворотить их в нужное русло, направить энергию мысли по стезе служения рукам, и слабому телу.

Ведь что есть магические инструменты? Перо феникса, жила дракона, волос вилы внутри деревянной палочки — лишь катализаторы тех сил, которыми мы, маги, наделены от рождения. Халцедон в серебряной оправе, дававший друидам возможность читать мысли и исцелять, кошачий глаз, делающий обладателя неотразимым для противоположного пола, александрит в золоте, магический камень одиночества, помогавший древним инокам хранить обет безбрачия — все это лишь отмычки для дверей нашего сознания, чтобы приоткрыть их вместо того, чтобы поглядывать в замочную скважину. Лишь помощники в нахождении и раскрытии тех сил, которые спрятаны внутри нас, так глубоко, что самостоятельно, без помощи постороннего предмета или воздействия, обнаружить мы их большей частью не в состоянии. Кто знает, какая космическая энергия создает такие вещи, из какого уголка Вселенной получают они свои СИЛЫ! Этого нельзя объяснить, но этим можно и нужно пользоваться, потому что человек — существо всемогущее, но сам он об этом не догадывается. Если есть такая помощь, то ею надо воспользоваться во что бы то ни стало, чтобы открыть в себе то, что было скрыто раньше.

Стал я сентиментальным или, может быть, старею? Как мне жаль тех, кто влачит жалкое существование, не подозревая о тех силах, которые в нем спрятаны. И как жаль, что я понял такую простую истину так поздно. Однако я считаю, что и так достиг многого в жизни, никогда не надеясь на чужие руки и голову, а надеясь лишь на свой разум. Он меня не подвел. Я хотя бы смог расширить замочную скважину до размеров дыры. А большего мне не нужно. Но ей — понадобилось.

15 октября

пр. Северус Снейп

* * *

24 ноября.

Каждый день. Это происходит каждый день, а в ее сознании, наверное, каждый час и каждую минуту. Я поражаюсь количеству книг, которые она прочла, я поражаюсь смелости, которую она проявила! Она даже обратилась к профессору МакГонагалл и задавала ей такие вопросы, которые попросту могли ее выдать: «А что если я...» «Ну а если допустить то обстоятельство, что я уже умею...».

Она не ест, не ходит гулять в Хогсмит по выходным, спит мало — целыми днями только читает и все пытается, пытается...

Кажется, Сель заболела этим. Она хочет стать змеей. А может дело даже не в том, что она хочет именно этого. Ей хочется получить власть над собой. Да, наверное, так. Так она мне и сказала. Ей хочется стать чем-то особенным, уметь делать что-то особенное, отличаться от остальных. Глупая девчонка. Она и так **другая**.

* * *

Я не хочу и не могу без содрогания вспоминать все те невероятные усилия, головную боль, ломоту в мышцах и бесконечные провалы, которых мне стоил результат, в те несколько месяцев, когда я пыталась обуздать силу кольца и — свое сознание. Обуздать спонтанность и сделать ее управляемой. Но мне это удалось. Удалось тогда, когда я была уже на грани возможного, на грани терпения, на волосок от того, чтобы отказаться от своего намерения, снять кольцо и забыть обо всем. Сниму — вся боль вернется. Не буду пытаться овладеть собой и продолжу носить — последствия могут быть ужасны, гремучая змея — это не шутка. А если буду — то все в моих руках. Кто знает, какие преимущества это сулит, думала я.

* * *

Пес потянул носом. Он действовал очень осторожно и обдуманно — никаких резких движений. Мы повстречались в нескольких метрах от стены замка и то, что он не атаковал сразу, вероятно,

объясняется его испугом — быть может, он боялся быть ужаленным настолько, насколько я боялась быть перекушенной пополам — и поэтому не спешил с нападением.

Аккуратно и медленно, он опустился на землю и положил голову на лапы. Мокрый черный нос снова дернулся, вдыхая воздух. Он изучал меня. Я посмотрела ему в глаза — теперь это было удобно. Глаза его были как большие черные бусины и показались мне какими-то... затравленными?

Похоже, пес догадался, что я не собираюсь его кусать — напротив, боюсь не меньше. И я подтвердила свое дружелюбие, впрочем, будучи почти уверенной в том, что животное меня не поймет.

— Привет.

Пес дернулся и (удивленно?) фыркнул. Хотя я не знала, как общаются животные, он, похоже, понял меня и приоткрыл пасть. Я увидела длинные желтоватые клыки и ярко-розовый язык. Из его пасти пошел пар. Уж не собирается ли собака напасть? Это было бы крайне глупо. Но я приготовилась воспользоваться жалом.

— Привет.

Он ответил мне! Он понял! Но это невероятно — если любой человек может допустить возможность того, что внутри одного вида животные имеют какой-то способ коммуникации, то как объяснить то, что пес заговорил со змеей и она его поняла?

Значит, все животные могут говорить друг с другом? Что ж, если так, то это и оправдывает многое, и вносит путаницу.

С минуту мы сохраняли молчание, и я его осторожно нарушила.

— Ты меня понимаешь.

— Да.

— Ты меня не укусишь?

— Нет. А ты меня?

— Нет.

Тогда пес приблизился ко мне и аккуратно обнюхал от головы до хвоста.

— Ты кто? — спросила я, — ты что тут делаешь? Я здесь раньше не видела собак.

— У меня родился щенок. Я иду его повидать, обнюхать и вылизать.

— Там?

— Да, там, в школе.

— Желаю удачи!

— До встречи!

Пес торопливо потопал в сторону замка и, лапой открыв массивную дверь, не без усилий проник внутрь.

Пора возвращаться и мне. Поползав еще немного и насладившись прохладой и сладким запахом земли, я не спеша направилась к стене. В замок я пробралась тем же способом, каким выбралась из него: в стене рядом с окошком была небольшая трещина, через которую я могла проползти в подвал а там оказаться прямо в гостиной своего факультета — окошко было расположено прямо под потолком и под ним стоял большой книжный стеллаж.

Я ожидала застать полную тишину, приглушенные лампы и угасающий огонь в камине, но творилось что-то невероятное.

Посреди гостиной стоял профессор Снейп, а вокруг него столпились студенты, напуганные, заспанные, в пижамах и халатах.

— Быстро накиньте что-нибудь, чтобы не замерзнуть, и за мной — в Большой Зал. К сожалению, остаток ночи вам придется провести там.

Притаившись на полке с книгами, я наблюдала за тем, как Джаде и Тина растерянно оглядываются и перешептываются. Они волновались, не застав меня в постели... Хорошо, позже я скажу им, что была в туалете.

Однако меня чрезвычайно удивило, что волнение на лице Тины сменилось задорной улыбкой, когда Джаде, прикрыв рот ладонью, что-то ей сказала на ухо. Обе захихикали. Мне оставалось только догадываться, что они думали о моем местоположении в тот момент...

Когда все студенты нестройной колонной вышли из гостиной — вел профессор Снейп, а замыкали шествие зевающие префекты — я поспешно сползла на пол, перебираясь с полки на полку, превратилась в самое себя и бросилась их догонять. Догнала уже на лестнице.

— Ты где была? — спросила Тина, когда я схватила ее за плечо, пытаясь отдышаться.

— В туалете.

Похоже, она расстроилась, сенсации не получилось — я прибежала снизу, а это совершенно исключает то, что я только что вернулась с randеву из башни Рейвенкло.

В Большом Зале уже собрались остальные студенты всех трех факультетов. Гриффиндорцы столпились и создавали шум, подобный шуму сотни крачек.

Профессор Дамблдор громко объявил, что у преподавателей появились подозрения, что Сириус Блек проник в замок. Сейчас выясняется, каким образом он мог это сделать — у ворот замка и по ночам на его территории полно дементоров, которые не пропустили бы ни одного человека.

Для нас наколдовали спальные мешки, и всем пришлось вповалку улечься в Большом Зале. Больше всего мне хотелось сейчас снова превратиться в змею и проползти к Крису, чтобы узнать, что именно случилось, ну и не только для этого, но рисковать при таком скоплении народа, даже учитывая то, что почти сразу потушили свет, я не решилась. В зале «дежурили» привидения, деловито облетая лежащих на полу студентов. Не спал еще никто. Любопытство одержало надо мной верх, и я позвала одного из них.

— Сэр! Можно вас на пару слов?

Привидение нашего факультета, Кровавый Барон, повернулось и с заботой оглядело меня:

— Мисс, Вам нужно поспать.

— Я понимаю, сэр... но... но нам так хочется узнать, что произошло!

Тина и Джаде активно закивали.

Барон огляделся и приблизился к нам. Подползла еще пара наших однокурсниц, все приготовились впитывать информацию как губки.

— Но я вам этого не рассказывал, дети, учтите, — предупредил он и понизил голос до шепота, — Говорят, Сириус Блек пробрался в гостиную Гриффиндора и попытался умертвить мистера Рональда Уизли с помощью ножа, — Барон критично оглядел свои одежды, покрытые пятнами крови, и продолжил, — К счастью, молодой человек проснулся, когда злоумышленник разрезал полог его ложа, и закричал. Кричал он, милые леди, очень... знатно. Даже я услышал, находясь, между прочим, на пятом этаже. Так вот, из достоверных источников, а именно от охраняющего вход в гостиную Гриффиндора сэра Кэдогана, стало известно, что Сириус Блек действительно прошел туда, по счастливой для него случайности завладев паролями. Вот такая история, милые леди. Все равно слухи до вас дойдут рано или поздно, но лично мне не положено рассказывать об этом. А теперь, прошу вас спать.

Он ласково потрепал Тину по голове своей прозрачной рукой, отчего она вздрогнула, но заставила себя вежливо улыбнуться и кивком головы поблагодарить Барона.

— Спокойной ночи, сэр! — сказали мы вразнойбой, и, сбившись в кучу, чтобы было теплее, зашептались.

Вернее шептались остальные, а я думала. Думала о псе, которого встретила буквально четверть часа назад. О черном псе, с которым говорила как с человеком. Быть может мы потому и поняли друг друга, что он был человеком... Сириусом Блэком. Я уже превосходно осознавала, что анимагов в мире гораздо больше, чем зафиксировано Министерством — ведь теперь я тоже была незарегистрированным анимагом. Значит, на данный момент я, скорее всего, единственная, кто знает, каким образом Блеку удалось пробраться в замок. Внутренний порыв чуть не заставил меня подозвать одного из профессоров, дежуривших поблизости и тут же все рассказать, но я одернула себя. КАК я могу обо всем рассказать? Я ползала по землям Хогвартса и познакомилась с собакой? Или может, я гуляла ночью за пределами замка? А если просто намекнуть, что Блек — анимаг? Но мне не поверят... Кроме того...

Я вспомнила скелеты в оранжерее — то, что казалось мне уже каким-то затуманенным видением детства, и остановила себя усилием воли. Даже если Блек совершил страшные преступления, даже если он — пособник Темного Лорда, я не могу, как это прискорбно, быть уверенной в том, что на совести моего отца нет столь же или даже более тяжких, преступлений. А еще... я никому не рассказывала о том, что произошло в поезде, что пытались сделать близнецы Уизли, но с тех пор радовалась всякий раз, когда они попадали в какие-либо переделки. Рональд Уизли был их младшим братом, и я злорадно усмехнулась, потешив себя тем, что и им косвенно досталось — конечно, хоть они и бессердечные звери, за брата они попереживают хоть минуту.

* * *

Ты уходишь, но пусть в твоей памяти вечно звучит эта музыка, эта незабываемая бесконечная нота — щелчок орлиной лапы, что сжимается, вокруг змеи, щелчок стальных когтей. Вокруг.

Я уйду, но я не забуду о том, что задуманное осуществится. Оно не может не осуществиться, ибо никто не помешает той силе, что освободили наши с тобой руки. Никто и никогда.

— Скажи, чего ты хочешь от этой жизни. Скажи к чему стремишься, скажи, чего добиваешься. Золота, драгоценностей, почестей — все это ты можешь легко получить.

— Я не хочу ничего, я живу, чтобы помогать людям. Чтобы спасти их.

— Ты — Всевышний? Ты — Святой Дух, или Дочь его? Что есть ты, чтобы прочить людям спасение?

— Я лишь излечиваю больных, я помогаю нищим, я протягиваю руку страждущим. Я — не Бог, но таково мое предназначение. И я не могу стремиться, не могу хотеть того, что идет наперекор ему. Это Предназначение дано мне Богом. Я не могу уйти с тобой.

— Кто такой этот твой Бог! Посмотри, что он творит с людьми! Его именем твоих сестер сжигали живьем на кострах. Его именем мудрецов обвиняли в ереси и вешали вдоль дорог вниз головой. Где же этот твой Бог, где он был, когда этот ребенок, которому ты делаешь припарки сейчас, заболел дизентерией или его брата убили из-за калиты, в которой лежало два гроша? Зачем ты служишь ему, и лечишь людей, если он их уродует и калечит, если они из-за него страдают?

— Страдают люди не от руки Бога, а от руки других людей. Таких, которые думают и живут как ты, Салазар.

— Ровена, но справедливость восторжествует. Мы оба позаботились об этом.

— Справедливость для нас разная. И, как ты видишь, та участь, что постигает тебя сейчас, твоя гордыня, твое упрямство, неизбежно берущее над тобой верх — это та справедливость, какой вижу ее я.

— Ошибаешься. Победа будет за мной. Через много лет, а может быть и веков, моя рука все еще будет могущественнее твоей.

— Что ж, раз так... Я любила тебя... Что ты сделал с этой любовью? Забирай. Забирай, чтобы ничего не напоминало о тебе.

— Я не возьму. Брошь принадлежит тебе.

— Забирай и убирайся с глаз моих!

Никто и никогда.

— Профессор, значит оба артефакта остались у Слизерина?

— Очевидно так, мисс Нотт. По крайней мере, так считается.

— А откуда он получил их изначально?

Профессор Снейп усмехнулся.

— Мисс Нотт, Вы уже сказали, что прочли — как всегда, «историки» указали в виде источника молот и наковальню самого Дьявола. Я склонен думать, что сделал артефакты обыкновенный ювелир, а уж Слизерин, либо кто-то другой из могущественных волшебников того времени, наделил его такими силами. Также мне известно, что оба артефакта передавались из поколения в поколение, и в результате оказались у Тома Реддла, который, как мы знаем теперь, является последним из наследников Салазара Слизерина. Реддл отдал кольцо на хранение... — Снейп осекся.

— Не стоит, профессор. Я все понимаю. Он отдал его на хранение моему отцу. Как запасное оружие. На всякий случай.

Снейп снова усмехнулся, но ничего не сказал по этому поводу.

— Запишите какие книги вам пригодятся к занятию в понедельник. Впрочем... мисс Нотт... я хотел у Вас спросить... может быть, Вы считаете нам уже не целесообразным продолжать наши дополнительные занятия? Как я понимаю, ваш интеллект и познания уже находятся на должном уровне...

— Нет, отчего же, профессор. Ведь скоро экзамены. Если Вам несложно... Да и потом, мне очень интересно, и...

Я запнулась. Снейп улыбнулся — забавно, я не знала, что он умеет улыбаться.

— Мне несложно. Всего доброго, мисс Нотт.

— До встречи, профессор.

Глава XIII. Inter arma silent leges

Слишком много ветра в лицо. Слишком много — он мешает видеть. Мне показалось, моя метла теряет маневренность. Мне показалось, моя бита тяжелеет. Оказалось, Флинт просто схватился за нее рукой, как падающий человек — за спасительный выступ на стене.

Я перевернулся в воздухе и еще успел удивиться, что Флинт вырвал биту у меня из руки, и что этого никто не успел заметить, прежде чем несколько центнеров обрушилось мне на почки.

Больше ничего не помню. До тех пор пока...

* * *

На трибунах поднялся дикий шум. Ламия орала, как баньши — от этого вопля хотелось немедленно заткнуть уши, иначе, казалось, лопнут барабанные перепонки.

— Сукин сын! — орала она и смеялась до слез, — чокнутый сукин сын! Ты видела, Лиз? Лиз, ты это видела?

— Вот это да! Вывести из строя сначала ловца, потом отбивающего... Ай да Флинт, ай да молодчина!

— Черт, жаль, что в этом году лишимся такого капитана. Блеск, Маркус, блеееееск!

— Победа, черт побери! Победа, Слизерин! Малфой! Флинт! Лучшие!

О Господи всевышний... О Господи, Господииии...

— Селена, ты куда? Они сейчас поднимутся! Ты здесь поздравить, Селенаааа!

Кто-то отскочил от меня, кто-то не успел и с криком перелетел через пару сидений и однокурсников вперед.

«Прочь с дороги, прочь» — я не говорила это, я успевала только подумать.

Команда Слизерина прямо в воздухе сцепилась в огромный клубок, из которого доносились радостные визги и вопли, и в таком виде приземлилась на поле.

Чу Ченг, с карминовым от крови лицом, укладывали на носилки. Одна рука безвольно свесилась, когда ее поднимали.

Я заметила, как наколдовали вторые носилки.

— Крис!

— Постойте, — дорогу мне перегородил профессор Люпин, преподаватель ЗОТС, — не волнуйтесь, мисс Нотт, все с ним будет в порядке.

— Крис, Крис! О Господи, Крис!

Кажется, Люпин схватил меня за плечи и удерживал, пока я билась как дикая кошка, выла и махала руками, как крыльями мельницы, пытаюсь вырваться — безуспешно.

— Селена! — донесся до меня голос Флинта.

Весь в грязи, вспотевший и улыбающийся до ушей, он подскочил ко мне, отбрасывая метлу в сторону, вырвал из рук Люпина, и поднял легко, как пушинку, в воздух, ухватив за талию.

Теряя все силы сопротивляться, я перевесилась через Маркуса, игнорируя его радостные призывы и с высоты углядела, как Криса переносят на носилки — в отличие от Чу, он был бледен как смерть.

— Пусти меня, ты, чокнутый сукин сын! — выкрикнула я Флинту, и он от удивления чуть не уронил меня на землю. Но все-таки отпустил.

Забавно — за пару минут две девушки его так называли, и с совершенно разным смыслом.

Я грубо оттолкнула его в сторону и, не заботясь о том, какое впечатление произведу, бросилась вслед за преподавателями, которые сопровождали носилки, плывущие прочь с поля.

И, пожалуй, я даже позаботилась о том, чтобы оставить совершенно определенное и не очень положительное впечатление, снова громко назвав Криса по имени. Мне вслед смотрела вся слизеринская команда по квиддичу, я чувствовала это спиной. Они смотрели, понимали, и теперь меня ждало наказание за такое публичное проявление чувств. Это я чувствовала сердцем.

Меня никто не задерживал, когда я, словно собачка на поводке, плелась за учителями в больничное крыло. Уже в замке к процессии присоединился друг Чу, хаффлпаффец по имени Седрик, который догнал нас бегом.

— Что с ней, не знаешь? — спросил он, пытаюсь привести дыхание в порядок.

— Не знаю, — отозвалась я и подумала, какой же это, право, глупый вопрос.

Ведь мы и так все видели — и он, и я. Все произошло в течение пары минут — Флинт еще не успел остыть от триумфа с рейвенкловским ловцом, как его под руку подвернулся отбивающий. За травму, нанесенную Чу, наши поплатились одним штрафным, который, впрочем, Пол Гордон так и не сумел забить, а за то, что покалечили Криса, они даже нагоняя не успели получить — почти в этот же самый момент Малфой, в сторону которого, очевидно, Крис и собирался отбить бладжер, поймал снитч и игра поспешно закончилась. Вопли «Слизерин победил!» и «Носилки! Скорее! Позовите мадам Помфри!» зазвучали почти одновременно.

— Можете зайти, — тихо сказала мадам Помфри, приоткрывая перед нами дверь.

Все это время, почти 20 минут, мы с Седриком стояли молча у дверей больничного крыла и ждали, переминаясь с ноги на ногу — внутрь нас не пустили.

— Что с ней, мадам? — на этот раз Седрик задал вопрос человеку, который мог на него ответить.

— Сотрясение мозга. Через пару дней придет в себя, — сухо отозвалась врачевательница и добавила уже гораздо более эмоционально, — Тысячу раз повторяла, это бессмысленно! Такая жестокая игра! Да еще дементоры! Никак не пойму, они заботятся о здоровье детей или о том, как бы их покалечить по сильнее. Идите, Диггори, пятая койка справа, она за ширмой Вы к кому, мисс Нотт? К Фоусетту?

— Я... да, я к Фоусетту...

— Не думаю, что это хорошая идея, дитя мое, — шепотом сказала она и положила мне руку на плечо, — мальчик все еще без сознания. Кажется, у него отбита правая почка.

— А Вы... Вы сумеете его вылечить?

— Конечно, — оно ободряюще улыбнулась, — На это потребуется время, и ему долго будет больно, но конечно сумею. Но все равно, какой смысл Вам сейчас...

Я уже не слушала и во весь опор бежала в конец просторной палаты. Было всего две кровати, прикрытые ширмами. Если на одной из них лежала Чу, то было очевидно, кто на второй.

Странное совпадение. Сейчас я лежу на этой самой койке...

— Крис, ты меня слышишь?

Он не двигался, не подавал никаких признаков жизни. Страх обуял меня. Что если его не станет? Тогда он никогда не узнает о том, что он мой самый лучший друг, о том, что я никому не доверяю так, как ему.... Он уже не узнает то самое главное, что я не успела ему сказать. Хотя тогда я еще сама не знала...

Я механически опустилась на табуретку около кровати. Потом пересела на самый краешек его койки. Я смотрела в его бледное лицо, и не могла понять — дышит он или нет. Мне было страшно — нужно ли это чувство описывать как-то еще? Я вспомнила о волшебных сказках, где поцелуй любящего выводит человека из комы. Но поцеловать Криса не решилась, максимум, на что хватило моей отваги — это клюнуть его носом в щеку. Конечно же, он не пошевелился. Впрочем, он не пошевелился даже награди я его страстным французским поцелуем. Сказки-сказками, а жизнь это жизнь.

Я хлюпнула носом. Оказывается, я плакала, сама того не замечая. Резко стерла слезы с щек рукавом и немного поцарапалась колечком.

Мне в голову пришла мысль надеть кольцо ему на палец — чтобы он знал, когда очнется, что я была рядом. Тем более что мадам Помфри неподалеку уже ворчала, что больным необходимо отдохнуть.

Я так и сделала — ни на секунду не сомневаясь в правильности решения. Затем посидела еще немножко, хорошенько высморкалась в край мантии, поднялась и собралась уходить, однако меня остановил странный звук, как будто кто-то застонал. Я обернулась: Крис смотрел прямо на меня. Я резко вдохнула от неожиданности: мне показалось, что у него мертвые глаза. Но нет — взгляд скользнул по мне, потом переместился на потолок, ширму — глаза вращались, изучая обстановку потому что, очевидно, ему было трудно повернуть голову. Но и эта догадка оказалась неверной: не в силах сделать движение, я как замороженная смотрела на него: он медленно повернул голову в сторону тумбы. Попытался поднять руку, чтобы до нее дотянуться и тут же скорчился от боли.

— Хочу... пить... — прохрипел он.

Я уж было подала ему стакан с тумбы, как за моей спиной раздался гневный голос мадам Помфри:

— Мисс Нотт! Что вы де... О, очнулся! Отлично, сейчас примете лекарство, мистер Фоусетт. А вам пора. Больному нужен отдых, — повторила она.

— Сель... — позвал Крис, — твое кольцо...

— Оставь себе пока, — улыбнулась я и, не дожидаясь его возражений, побежала прочь, краснея.

Я вошла в гостиную, глядя в пол — чтобы скрыть свои свекольные щеки и идиотскую улыбку. Намеревалась пройти в комнату, но кто-то мне перегородил дорогу — я уткнулась этому человеку в грудь. Подняла глаза. Маркус.

К нему медленно подошла вся команда и еще несколько человек. Наконец-то я вышла из состояния эйфорической радости и удосужилась оглядеться. В гостиной были ВСЕ. И все смотрели на меня.

— Так-так... успели что-нибудь за пятнадцать минут? — усмехнулся Маркус.

— О чем ты, Марк? — я попяtilась.

— Ну как же.... — сказал он и внезапно запищал, якобы изображая меня, — «Крииис, Крииис, что с тобой Крииис! Бла бла бла! Я так люблю тебя, так люблю тебя! Крииис! Мой сладенький сопливенький блондинчик!» — его однокурсники загоготали; к моему удивлению, со смеху покатывались даже Люк и Сид, которых я всегда считала своими друзьями, — Куда твоя крыша уехала, Нотт? — я вздрогнула, когда он назвал меня по фамилии, после нескольких лет «солнышек», «лапочек», «девочек» и прочих телячьих нежностей.

Я молча потупилась.

— Какой химеры ты так позоришь наш факультет? Небось, весь Рейвенкло сейчас над нами потешается!

Я не ответила.

— Слизерин! — он повернулся к окружающим, — я предлагаю объявить Селене Нотт бойкот за ее идиотское поведение, и за то, что она общается с этим белобрысым бастардом. Все согласны?

Студенты переглядывались, несколько человек нерешительно промычали.

— Нет не все, — раздался голос со стороны коридора. Джаде. За ее спиной нерешительно пряталась Тина, — Селена ничего плохого не сделала. Дружить с рейвенкловцами не запрещается. Правда, Тина?

Тина, немного поколебавшись, кивнула.

— А ты Флинт... да ты просто ревнуешь Селену! Все знают, что ты по уши в нее влюблен! — и Джаде скрестила руки на груди и заулыбалась, весьма довольная собой.

— Чего, правда что ли? — покосился на Маркуса Люк Блечли.

Маркус злобно скалился.

На секунду воцарилась тишина, которая была прервана диким визгом «Ах ты сучий потрох!!!!»

Ламия бросилась на Маркуса с намерением расцарапать ему физиономию. Он не успел увернуться, поэтому хорошенько получил по лицу, потом в живот, а уже когда обрел способность сопротивляться, все же промахнулся и взвыл — Ламия хорошенько поддала ему коленом между ног.

Все снова смеялись, но уже не надо мной, а над внезапной потасовкой.

— Давай, Лам, мочи! — визжали семикурсницы и, посрывав с себя шарфы, размахивали ими.

Мне повезло, что Ламия оказалась столь ревнивой и решила выяснить отношения, не тратя лишних слов, причем что сначала она решила отдубасить Маркуса, а не меня. Под шумок я юркнула в коридор, влекомая подругами и мы заперлись в комнате. Из гостиной еще минут пять доносились дикие вопли и свист. Джаде повалилась на кровать и заржала как умалишенная. Тина хихикнула, прикрыла рот ладонью, но через пару секунд тоже разразилась смехом.

И я рассмеялась — мне сразу стало легче. Объявит он мне бойкот или нет — уж я-то точно больше ему никогда не скажу ни слова.

Мы, дружно обнявшись, повалились на пол, и хихикали пока глаза не заслезились.

За ужином меня кто-то тронул за плечо. Я обернулась. Профессор Снейп.

— Когда завершите трапезу, мисс Нотт, прошу вас подойти ко мне.

Я немедленно бросила вилку и поднялась: меня заинтриговал блеск в глазах учителя, кроме того я готова была использовать любой предлог, чтобы пораньше покинуть стол, за которым на меня с презрением пялился каждый второй.

Я молча последовала за ним прочь из Большого Зала. Чуть поодаль он резко остановился и повернулся ко мне.

— Что побудило Вас дать Вашему товарищу кольцо, мисс Нотт? — он пытливо посмотрел мне в глаза.

— Я... я просто... — я запинаясь, — Я хотела...

— Акт дружбы?.. — он приподнял бровь.

— Да, сэр, — согласилась я с интересом принялась разглядывать свои туфли. Сейчас меня будут ругать... Я даже не знаю за что, но точно будут...

— Конечно, я так и думал. Вы ведь не знали?

— Не знала что? — я осмелилась поднять голову и посмотреть ему в глаза. Он совсем не сердился.

— Зайдите в больничное крыло. Скажите мадам Помфри, что я Вам позволил.

Уже из дверей я услышала отчаянное нытье и пронзительные вопли рассерженной врачевательницы.

— А я сказала, что Вам нельзя покидать больничное крыло!

— Но мадааам Помфри... Видите, я здоров. Я совсем здоров. Хотите я спляшу вам чечетку? Вот, смотрите!

Хаотический стук башмаков по полу.

— Мистер Фоусетт! Прекратите паясничать и немедленно ложитесь! Раздевайтесь и ложитесь. Я сказала! О Мерлин... Эти дети меня доведут...

— Но мадааам Пооомфри...

Наконец меня заметили — я уже успела вдоволь насладиться этой потешной картиной: посреди больничного крыла Крис, одетый в пижаму со слониками, румяный и веселый, и вьющаяся вокруг него мадам Помфри, почему-то с уткой в руке...

— А Вы что здесь делаете, мисс Нотт?

Я на секунду испугалась, что сейчас в меня запустят этой самой уткой.

— Я... ээ... профессор Снейп мне разрешил навестить...

— Фоусетта? Передайте профессору Снейпу, чтоб явился сюда и угомонил своего студента, он мне покоя не дает!..

Крис узрел надежду в моем лице и тут же ко мне бросился.

— Сель, я совершенно здоров, а меня не выпускают. Скажи профессору Флитвику, а? Не надо Снейпа, а?

Я посмотрела на него и одними губами произнесла:

— Не может быть.

Он заодно улыбнулся и кивнул — может.

Через полчаса, сияющий от счастья, Крис стоял у входа в гостиную Рейвенкло и мялся на месте.

— Спасибо что проводила... — сказал он наконец. Я оторвала глаза от пола, подняла голову вверх и посмотрела ему в лицо. Мне показалось, что он стал еще выше, чем казался раньше.

— Не за что, — кивнула я, и приняла из его рук свое кольцо, — Встретимся за ужином.

— Сель, — отозвался он еле слышно уже мне вслед. Я не остановилась. У меня колотилось сердце. Мне показалось, что я увидела в его взгляде нечто, чего раньше не было, и я еле сдерживалась, чтоб не завизжать от восторженного стыда, пряча идиотскую улыбку.

Когда настало время экзаменов, мы все время готовились к ним вместе. Я даже с Тиной и Джаде не проводила столько времени, сколько с ним. Больше всего меня радовало то, что Маркус и Ламия должны были в этом году закончить школу и благодаря этому факту, я смогу избавиться от их косых взглядов и нескрываемого презрения. Некоторые до сих пор поддерживали Маркуса и с неудовольствием заставляли меня в компании Криса. За нашей спиной шушукались. Но мы не обращали внимания — между нами не было ровным счетом ничего романтического, а в последние недели весны мы даже и не говорили ни о чем, кроме учебы. Я так и не сказала ему про ту попытку поцеловать его в больничном крыле, когда он был без сознания. Но он при каждом удобном случае выражал мне свою благодарность и напоминал о том, что это Я его вылечила.

Шли дни. Из-за С.О.В. наш курс впал в невротический мандраж. Хотя экзамены не показались мне такими уж сложными, видимо, нас специально запугивали ими уже который год, чтобы мы прилежнее учились и лучше подготовились. Уже после первого экзамена, которым были Чары,

я перестала бояться неаттестации. После третьего, Зелий, поняла, что вполне могу получить высший бал.

И получила. Впрочем, это было оправдано. Я сутками сидела в библиотеке, как распоследний книжный червь, зубрила, заучивала, повторяла... Как будто пыталась сбежать от чего-то. И тогда еще не понимала, что бегу от самой себя... Я по сто раз повторила все экзаменационные билеты, и Крис сидел со мной в библиотеке, поминутно зевая. Но терпел и никогда не уходил раньше чем я складывала книги в стопку и со скрипом и хрустом в суставах поднималась с места. Когда в самый последний день были объявлены результаты и профессор Снейп, впрочем довольно сухо, в свойственной ему манере, поздравил тех, кто получили лучшие баллы за С.О.В и П.А.У.К.: меня и семикурсника, нашего префекта Арона Беллентайна, на минуту воцарилась тишина. Арон поспешил ретироваться — может быть, пошел писать письма или готовиться к graduации с почестями, или собирать вещи. Я же застыла посреди гостиной, чувствуя себя голой — так на меня все смотрели.

— Довольна, всезнайка? — прошипел Маркус.

Это были его первые слова, обращенные ко мне напрямую, со времен того злополучного квиддичного матча.

— Кто-кто? — переспросила я нахмурившись.

— Дракон в пальто! — передразнила Ламия, едва набравшая достаточное количество баллов, чтобы не вылететь с треском сразу перед градуацией, — Всезнайка, вот кто.

— Книжный червь, — фыркнул кто-то за спиной с пренебрежением, и скрылся в коридоре.

— Дура набитая. Кому ты дала, чтоб тебе за все экзамены поставили сто? — и новый заговоривший, кинув в меня такой камень, развернулся и пошел в сторону спальни.

— Любимчик учителей, — еще камень. Еще одно отступление в коридор. Я задрожала.

Маркус смотрел с торжеством. Только сейчас мне в голову пришла мысль, что он запугал однокурсников тогда, что он готовил это. Каждый бросал в меня оскорблением и уходил. Один за другим они уходили. До тех пор пока в комнате не остались пятеро: я, Маркус, Ламия, Тина и Джаде. Я с надеждой посмотрела на расплывчатые пятна на месте моих подруг: глаза застилала слезы и мешали видеть четко. Они не сказали ничего. Они просто развернулись и ушли, бессильно опустив руки и глаза.

Маркус и Ламия не двинулись с места и глядели на меня, ехидно ухмыляясь.

Он — огромный как буйвол, со своей идиотской кривозубой улыбкой, и она, спрятавшись за его спиной, с длинными блестящими волосами, ярким макияжем, скрестив на груди руки с хищными искусственными ногтями.

Они напомнили мне Лилит и Самаэля... А я... я как Ева стою перед ними... Беспомощная в своей доброте и первобытной наивности.

Не помня себя, я бросилась вон из гостиной... Вверх по лестнице, коридорами, коридорами... Пока не остановилась у портрета королевского Гвардейца и не затарабанила по нему кулаками.

— Дамочка, что с вами? Повезливее! Мне нужен пароль... О, да Вы из Слизерина. Без пароля не пушу, — возмутился обитатель портрета.

— Впустите меня, п-пожалуйста! — всхлипывала я.

— Никак нет, милочка, — отчеканил солдат и пожал плечами, — Вижу, что Вам нехорошо, но кто знает — быть может это диверсия.

— Что происходит? — портрет откинулся в сторону и показалось лицо Пола Гордона. Из рта у него торчала недожеванная лакричная палочка, — Кто там молотит? Селена?!

— ПОЛ! — я бросилась к нему как к единственному спасению, — Пол, позови Крису, пожалуйста, Пол!

Он недоуменно смотрел на меня из-под густых бровей и дожевывал свою конфету.

— Что случилось-то?

— ПОЗОВИ КРИСА!

Он пожал плечами и снова скрылся за портретом. Гвардеец искоса поглядывал на меня, но молчал. Вдруг мне стало страшно — а что я ему скажу? Брошусь сейчас к нему в объятья и начну рыдать? Мне захотелось убежать. А если и он сейчас выйдет и скажет мне какую-нибудь гадость? А если и он считает меня последней дурой, а если и он ненавидит меня?

Я бросилась прочь по коридору и в ту же секунду услышала шаги за спиной.

— Сель, подожди, Сель! — я бросилась бежать еще быстрее, на ходу истерически всхлипывая и утирая слезы рукавом. Бежала ничего не видя и вдруг — бум! — болезненный удар, я упала на пол и взвыла от боли. Со страшным грохотом по полу покатались доспехи, оказавшиеся у меня

на пути. Крис настиг меня, но ничего не сказал, ничего не стал спрашивать, он тут же повалился на колени рядом со мной и прижал меня к себе, дрожащую, зареванную, с красным лицом. Я испачкала слезами его одежду, я схватилась за нее как за спасательный канат, я зарылась у него на груди, не поднимаясь с пола, и плакала, плакала, плакала... Но он так ничего и не сказал. Он просто качал меня на руках, как младенца, пока я не успокоилась окончательно.

Потом, через полтора года, он сказал мне, что тогда почувствовал себя взрослым. Почувствовал, что должен меня защищать. Ему хотелось стать моим ангелом-хранителем.

* * *

31 июня

Мы стояли у окна вагона и молча смотрели на сверкающий вдалеке замок, который медленно уплывал из поля зрения. Еще один год подошел к концу. Мы снова ехали домой, и мы возвращались другими, теперь мы изменились бесповоротно, и бесповоротно повзрослели еще на один год.

— Летом будет кубок мира по квиддичу, — сказал я. Мне было неловко молчать, — ты поедешь?

— Если Шотландия выйдет в финал, последний матч будет недалеко от Эдинбурга! — сказала она, улыбаясь, и добавила, — Я буду болеть за Шотландию.

Я бы хотел задать ей тысячу вопросов. Я хотел спросить напрямую, действительно ли ей это так важно, потому что я живу в Эдинбурге, действительно ли она хочет приехать ко мне в гости. Но у меня пересохло горло. А потом она взяла меня за руку и сердце подскочило куда-то вверх. Наверное, я покраснел как рак. До сих пор как вспомню — нехорошо становится. Наверное, я мог тогда ее обнять за плечи или еще что-то, но я стоял как идиот, даже не решаясь сжать пальцы на руке.

— Ты мой единственный друг, Крис, — сказала она. Мне показалось, или она испугалась, что эти слова вырвались?

— И ты... ты мой лучший друг, — отозвался я. Ее инициатива и меня расхрабрила. Я повернулся к ней. Она такая красивая, особенно ее глаза, такие, карие, с зелеными прожилками, влажные и грустные всегда, — Ты знаешь ты мне очень дорога. Я бы хотел...

— Правда? — перебила она. Похоже, последние слова я сказал так тихо, что она даже не расслышала. Я сглотнул ком в горле и кивнул, — Можно я раскрою тебе тайну? Поклянись, что никому не расскажешь.

— Клянусь, — просто ответил я. А про себя подумал совсем произвольно, точно помню: «Клянусь своей любовью к тебе». Дурак какой-то сентиментальный. Черт его знает, что со мной происходит.

И тогда она, снова отвернувшись к окну рассказала мне, что однажды, два года назад, по непонятному наитию разрыла землю в оранжерее, в саду своего дома, и нашла там несколько скелетов, в том числе скелет младенца, но потом все домашние отрицали, что она это видела, и что теперь ей кажется, что это действительно было не наяву, а просто какой-то смутный кошмар детства. Она сказала, что хотела бы проверить, и что ей кажется, что у нее в доме происходили или все еще происходят страшные вещи. Я не знал, что сказать ей. Хоть Я и люблю Селену... не знаю, ну может люблю как друга... но в общем хоть она и друг мне, она всегда была какой-то странной. Может, в детстве отец плохо с ней обращался, может даже бил? Или вдруг она придумала всю эту историю просто так. Но в общем я сказал ей, что мы в любом случае встретимся на Кубке Мира и там поговорим.

* * *

Отец почти не разговаривал со мной. Собственно, приехав, я не узнала его: он похудел, осунулся, под глазами залегли черные круги. Большую часть дня он ходил по саду, что-то бормоча под нос или курил, курил очень много, и поэтому по утрам заходилась отчаянным кашлем. И очень часто хватался за предплечье, и морщился. Я подозревала, что у него очень болит рука — быть может вывихнул или сломал и ее недолечили, и все время спрашивала о его самочувствии, но он что-то ворчал под нос и отсылал меня заниматься своими делами. Вскоре я оставила попытки узнать, что с ним происходит.

Но через пару недель у него наступило просветление — в гости снова приехал Айзек Белл и отец довольно дружелюбно его приветствовал и энтузиазмом пригласил на частную беседу:

он явно ждал каких-то важных новостей, и Айзек ему эти новости привез. К моему неудовольствию, с ним приехала и Кэти...

Поскольку из возраста, когда можно играть в кукол, мы уже выросли, я мрачно подумала, что мне придется поддерживать беседу. Но я оказалась не совсем права: нам накрыли чайный столик под тентом в саду, и Кэти, едва усевшись и выбрав фрукт с подноса, принялась верещать — кто знает, может эта болтушка настолько изголодалась по собеседницам, что и я ей сгодилась для роли слушателя? Мне оставалось только тихо пить чай, жевать что-нибудь и время от времени мычать, делая вид, что я слушаю.

Я ковыряла ложкой в мисочке с мороженым, которое уже давно растаяло. Кэти рассказывала мне подробности своего головокружительного «романа» с Джорджем Уизли — хотя собственно, и романа-то по моему мнению не было — только какое-то бесконечное перемигивание и дергание за косички.

— ...А еще ты знаешь, столько всего интересно, столько новостей! Я просто в шоке, в шоке! А что ты думаешь про Берту Джоркинс?

Я вздрогнула — в неровном свете медлящего заката мне показалось, что глаза моей змейки мигнули; наверное, только показалось? Тем не менее я изобразила заинтересованность, чтобы узнать побольше.

— А что с Бертой Джоркинс?

— А ты не знаешь? Она пропала. Просто канула в воду и все, представляешь себе?

Теперь я четко видела, как мигнули глазки-камушки.

— Не стоит обсуждать такие пустые сплетни, — сказал отец за моей спиной, возникший будто бы из ниоткуда, — Она забыла, когда у нее отпуск кончается. Сколько помню эту женщину, она всегда была рассеянной, да что там... без памяти и разума совершенно. Моя предыдущая секретарша и то умнее, — добавил отец и любезно протянул Кэти яблоко. Она смутилась, но взяла.

— Ну что, Кэти, я слышал, вы с отцом едете на финал Кубка Мира? Мы с Селеной тоже поедem. Я в молодости очень любил спорт, но так давно не был на матче... Вот и вспомню былое.

Он подмигнул мне — весело, но мне в его взгляде померещилась хитреца.

И только спустя секунду я осознала, ЧТО он только что сказал.

— Правда, папа?! — я вскочила и еле удержалась от того, чтобы не захлопать в ладоши, — Мы правда поедem?

— Конечно, и Людвиг поедет...

— А Патрик?

Отец помрачнел, но все же ответил.

— И Патрик.

* * *

Сначала я удивлялась, где же народ, ведь обещали толпы волшебников со всего мира, а мы уже четверть часа шли по лесной тропинке и единственными нашими спутниками были редкие птички, порхавшие по ветвям. Однако вскоре до нас начали доноситься людские голоса, аппетитный запах жареного мяса и взрывы смеха.

Я шла, разглядывая землю, не слушая, о чем говорят мой брат и кузен (а говорили они, само собой, о квиддиче — чего же еще ожидать) и размышляла о письме, который накануне мне прислал Крис.

«Прости меня за то, что не приехал... Папа прячет от меня дымолетный порошок, не понимаю зачем, ведь я никогда не сбегал из дома, и вообще...»

«...Понимаешь, нам не удалось достать билеты. Не потому что они такие дорогие, папе дали бы парочку бесплатно, а просто мы поздно спохватились, билетов уже не было совсем. Такие дела... Ну ничего, мы же через несколько дней увидимся в школе. Хотя папа сказал...»

Слишком много упоминаний того, как отец ограничивает его жизнь, слишком много для одного письма.

«Всегда твой, Кристофер Дж. Фоусетт»

Перед этими словами стояли две кляксы, словно он долго держал перо над пергаментом и думал, что написать.

Людвиг прервал мои размышления возгласом:

— Ну вот и пришли!

Нас приветствовал мужчина средних лет, одетый в шерстяные маггловские брюки и клетчатый свитер и указал на палатку:

— Привет — привет! О, Патрик, ты за главного, и какие у тебя подопечные, хохо! — он усмехнулся в бороду, — Я уже поставил палатку, будете ночевать с нами, здесь всем места хватит.

Женщина лет сорока, укутанная в шаль, помахала нам рукой: она сидела у горки поленьев и, явно давно и безуспешно, пыталась разжечь костер спичками. Людвиг сел помочь ей, очевидно они были знакомы.

— Это мистер Ричард Мюррей, и его супруга Джулия, и где-то тут должен быть их сын Арнольд, он учится в Слизерине, однокурсник Людвига, — представил незнакомцев Патрик.

— Можно просто дядя Ричи, — басовито засмеялся бородач и потряс мою руку так, что я чуть не упала.

После совместных усилий нам наконец удалось разжечь костер и приготовить завтрак. Наевшись яичницы с колбасой и запив ее горячим какао, я пошла гулять по лагерю — не потому что надеялась встретить знакомых, а потому что мне не хотелось сидеть со взрослыми и слушать их скучные разговоры. Тем не менее знакомых лиц было в избытке. Я увидела Пола Гордона, лучшего друга Криса — он стоял в сторонке и что-то горячо обсуждал с Чо Чанг и ее другом Седриком Диггори. Не возникало сомнений, что они говорят о квиддиче. Седрик, заметив меня, кивнул, я помахала ему рукой. Остальные обернулись — Чо тоже поздоровалась жестом, а Пол поманил меня к ним.

— Привет, Селен! — весело сказал он, когда я покорно приблизилась. Похоже, Чо не была так довольна моим появлением, а Седрику просто было все равно, — Ну как, как лето и все такое?

— Отлично. С нетерпением жду эту игру.

— Жалко, что Крис не смог приехать, — сказал Пол.

— Да, — согласилась Чо, — Мы весь прошлый год столько обсуждали чемпионат и он страшно хотел попасть на финал.

— Он болел за Шотландию, — заметила я.

— И не он один, — улыбнулся Седрик, — Оливер Вуд, бывший капитан гриффиндорской сборной, нам все уши прожужжал про то, как ужасно Шотландия сыграла. Ты знаешь, он теперь в Лиге Юниоров Шотландии, молодчина!

Постепенно разговор становился все более непринужденным. Вместе с ними я прошлась по палаточному городку, они показали мне аляповатые украшения на палатках ирландских фанатов и ту часть лагеря, где располагались болгары. Потом мы купили программки матча, сладости и много всяких сувениров с символикой команды. Время пролетело быстро, и когда я вернулась к своим, до игры оставалось всего каких-то сорок минут.

Глава XIV. *Aguila non captat moscas*

На игру пошли все вместе — мы с Патриком и Людвигом, и семейство «дяди Ричи», который всю дорогу невыносимо много трепал языком. А я всегда думала, что мужчины болтунами не бывают. Оказалось, бывают, да еще какими. Его сочные комментарии и перед игрой, и во время нее, испортили настроение, похоже, даже моему выдержанному и терпеливому брату ибо Ричард Мюррей в основном обращал внимание соседей по трибуне не на ход игры (которая была действительно захватывающей, не игра — поединок!), а на задницу болгарской нападающей Ивановой, не стесняясь ни своего сына, постоянно ухмыляющегося прыщавого подростка, ни жены, ни нас.

А я стояла (стоять на ногах приходилось — ибо все вскочили с первой же секунды игры и больше не садились на свои места, и разглядеть что-то за спинами других магов из положения сидя было невозможно) и щурила глаза — пару раз белокурый отбивающий ирландцев Алекс Квигли приобрел... или мне показалось, что приобрел... очень знакомые черты. Я изо всех сил старалась себя убедить, что Крис на самом деле не дома сейчас, а там, на поле. Это помогало... немного. Потому что несмотря на то, что я так сильно ждала этой игры, несмотря на то, что на трибунах стояло такое оживление и ажиотаж, что даже самый жуткий пессимист не мог не заразиться этим духом, меня мучило какое-то отвратительно чувство. Похожее на плохое предчувствие. Я списала его на то что, чувствую, что Ирландия проиграет. Болгары играли весьма агрессивно, и их ловец Виктор Крум, выполнив опасный прием под названием финт Вронского, обманным путем заставил ирландского ловца приблизиться слишком близко к земле в крутом спуске — Айдан Линч не смог выровнять помело и врезался в землю.

Слава Богу, болельщики орали так сильно (а Людвиг — прямо у меня под ухом), что дядя Ричи перекричать их не мог, и поэтому с нарастанием темпа игры все больше обращался не к нам всем, а только к своему сыну. Арнольд мерзко ухмылялся.

Однако Ирландия выиграла — совершенно нестандартно, с разницей в десять очков, благодаря забивающим, потому что снитч был все-таки пойман Крумом. В первые несколько секунд этого даже никто не понял, а когда дошло — наши трибуны разразились такими воплями, что позавидовала бы любая банши. Даже я не удержалась, оставила свое пессимистичное настроение и позволила своему голосу потонуть в общем хоре ирландских болельщиков.

А потом мы сидели у костра. Сначала с нами были Мюррей с семейством, но потом Арнольд взял Людвигу с собой, они пошли пообщаться с Драко Малфоем и прочими своими дружками, Ричард с супругой, отведав приготовленного Патриком глинтвейна, также скрылись в неизвестном направлении — весь лагерь отмечал радостное событие, все общались друг с другом и пока никто не хотел ложиться спать.

Мы остались с Патриком одни. Он подошел ближе и толкнул меня локтем в бок. Я подняла на него глаза, все еще грея руки об жестяную кружку с глинтвейном, и заметила, что у него отменное настроение. Ну вот, сейчас будет пытаться развеселить меня... Химера гремучая...

— Чего ты такая куксенная? — спросил Патрик. Ну конечно, я так и знала, что он спросит что-нибудь в таком роде.

Я промолчала.

— Скучаешь по кому-то? — он потрепал меня по волосам.

— А что, заметно? — вырвалось у меня.

Патрик хрипло рассмеялся и, взяв мою кружку, отглотнул из нее.

— Ты будешь допивать? — спросил брат. Я помотала головой, и он залпом прикончил мой глинтвейн, затем достал из нагрудного кармана флягу и отхлебнул и из нее тоже. По запаху я поняла, что это неразбавленный джин. Патрик явно уже был под хмельком.

— Ну давай, расскажи как его зовут, кто такой, — он снова толкнул меня в бок, заговорщически подмигивая. Я скорчила гнусную рожу.

— А с чего ты взял, что это ОН? — огрызнулась я.

— А по тебе видно. Надеюсь не... Он чистокровный маг?

Я начала злиться, но молчала и скалила зубы, ломая сухую палочку и кидая ее в костер.

— Понятно. Плохое настроение, — хохотнул он уже заметно пьяным голосом, — твоя мать тоже всегда молчала когда у нее было плохое настроение. Терпела все и молчала.

При этих словах я вся напряглась и вытянулась в струну.

Он снова отхлебнул из фляги.

— А я тебе сувенир преподнесу, вот что! — Патрик хлопнул меня по плечу, будто верного товарища и собутыльника.

— Ты что-то говорил про маму, — попыталась я. Но он уже не слышал, и что-то бормотал под нос, доставая из одного из многочисленных карманов своей маггловской куртки что-то блестящее.

— Колечко носишь? Ну ты умница. А вот тебе еще. Подари своему поклоннику потом... если обидит, — Патрик пьяно хохотнул в очередной раз и протянул мне «сувенир» — серебряный крест с черным камнем типа агата в центре.

— Что это?

— Подарок, — пробормотал Патрик и, устроившись у костра поудобнее, почти моментально захрапел. Фляга выпала у него из руки. Храп показался мне чересчур громким, почти неестественным.

Через некоторое время вернулся Людвиг и мы, зевая, дружно решили отправиться спать — все равно делать было больше нечего. Оживление в палаточном лагере постепенно спадало. По соседству с нами семьи готовились ко сну, присыпая костры песком и собирая остатки вечерней трапезы. Патрика оставили около костра — не тащить же его внутрь на руках.

— Напился как свинья! — выругался Людвиг.

Мне показалось, что я только-только заснула, как вдруг меня разбудило то, что Людвиг трясет меня за плечо.

— Селена! Селена, проснись!

— Ну что еще?

Хотя я моментально поняла «что еще». Снаружи доносились крики, совсем не похожие на вопли радостных болельщиков. Там что-то происходило. Что-то нехорошее.

Мы наспех оделись и вылезли из палатки. Патрика около костра не было. Но я не успела этому удивиться, потому что посмотрела налево и — ахнула от неожиданности. Прямо на нас наступала толпа, вернее, безликая черная масса — безликая буквально, потому что на всех были надеты маски. Они свистели, орали, и сносили палатки, попадавшие им на пути.

— Бежим! — Людвиг потянул меня за руку, но я от неожиданности не могла сдвинуться с места. Что, черт возьми, происходит? Неужели болгары решили отомстить за проигрыш?

Людвиг выругался, оставил меня и со всех ног побежал к лесу.

Толпа приближалась. Я стояла и смотрела. Они подходили все ближе. Выстреливая в воздух зарядами из своих палочек, улюлюкая и визжа. У каждого в руке было по факелу, так что когда они приблизились, я смогла их хорошенько рассмотреть. На пару секунд меня охватила паника, что сейчас эти безумцы сметут и меня, как лишнюю преграду на пути, но они прямо перед моим носом «сменили курс», как будто пожалели меня или вообще не заметили. Мне показалось, что один из них повернулся в мою сторону и махнул факелом, чтобы осветить мое лицо. От неосторожного и резкого движения его маска съехала на бок. И я его узнала.

— О Мерлин... ПАПА?!

В этот момент я услышала шорох за спиной, но не успела обернуться — вдруг у меня все потускнело перед глазами и я повалилась на землю.

Очнулась... не знаю когда... Через веки проникал тусклый свет. Я приоткрыла один глаз и вперила взгляд в кожаное сидение автомобиля. Мерно гудел двигатель. Уже было утро и мы направлялись домой. Я, кряхтя, выпрямилась. Патрик сидел за рулем и не выказывал ровным счетом никаких признаков похмелья. Людвиг — рядом со мной, улыбаясь как олигофрен — непонятно чему.

Я потеряла затылок — голова очень сильно болела — и нащупала шишку. Волосы в этом месте почему-то слиплись и я, поковырявшись в них, обнаружила на ладони крошки запекшейся крови.

— Ты ударилась головой, — сообщил Патрик, наблюдая за моими действиями в зеркало заднего виденья, — а я дурак, нажрался, надо было с вами оставаться и вас охранять... Не думал что так будет.

— А что вообще случилось? — спросила я неожиданно для самой себя хриплым голосом.

— Черт его знает. Какие-то идиоты крушили лагерь, поизмывались над парой магглов. Лично я считаю, что это все болгары. Надо уметь играть. Чтобы не было потом мучительно больно!

Я подумала, ухватившись за голову, что как бы ни было больно болгарам, мне сейчас больнее, и снова бросила взгляд на Людвига.

— Вот Людвиг подтвердит, что так оно и было, — добавил Патрик, — слава Мерлину, он сообразил спрятаться от этих фанатиков в лесу.

Людвиг закивал, не переставая улыбаться.

Я еле удержалась, чтоб не обозвать его пообиднее и свернулась калачиком на сиденье. Меня тошнило.

— Я когда увидел, я чуть с ума не сошел от страха!

— Ты думаешь, это правда? То, что это все были Пожиратели?

— А иначе откуда взяться Знаку Мрака?

Я протиснулась мимо двух хаффлпафцев в узком коридоре вагона, и невольно услышала кусок их диалога. Остановилась замерла. Они вопросительно посмотрели на меня.

— Вы сказали, Знак Мрака?

Студенты переглянулись — на мне была обычная одежда, не мантия с гербом Слизерина иначе, как я сейчас прекрасно осознаю, они бы просто фыркнули и ушли шептаться в другое место, подальше от меня. Но они не знали, с какого я факультета.

— Да, а что? Ты видела?

Я помотала головой.

— Я видела толпу в масках. А потом мне плохо стало.

— Говорю же тебе, там наверняка среди них был дементор! — выкрикнул один из мальчиков, обращаясь к товарищу, — вон Ханна тоже сказала, что ей поплохело.

— Да не нужен дементор, чтобы поплохело при таком-то зрелище...

Я кашлянула.

— Так вы видели Знак Мрака?

Они закивали.

— Над лесом. Никто не знает, кто его запустил. Но сразу началась еще худшая паника... Меня чуть не придавили, — сказал хаффлпафец и снова повернулся к сокурснику, — А потом еще...

Дальше я не слушала. Мне показалось, что в тамбуре раздался знакомый голос.

— И потом, прикинь, он притворился, что видит снитч и просто взял и сиганул вниз! Почти по вертикали, черт! И Линч купился!! Как распоследний идиот!

Пол Гордон. У меня заколотилось сердце. Ну кому он еще мог рассказывать подробности матча, как не пропустившему его...

— Сель!

— Крис!

Совершенно не задумываясь над тем, что и зачем я делаю, я бросилась к нему, и чуть не упала, потому что поезд ехал очень быстро и яростно раскачивался. Это просто был секундный порыв... Просто...

Он подскочил ко мне и, склонившись, поцеловал меня. В губы... Это было всего лишь прикосновение, короткое прикосновение губ, но у меня голова пошла кругом — теперь уже не от того, что поезд набрал большую скорость. Я обвила руки вокруг его шеи, чтобы скрыть, что ужасно сильно покраснела. Он стиснул меня в объятьях и засмеялся. Мы обнимались так, наверное, минуту. Пол терпеливо стоял рядом и молчал. Оторвавшись от Криса я увидела что на губах Пола играет намерзшая ехидная ухмылка. Впрочем, это меня мало волновало, тем более что в следующую секунду он понимающе сказал:

— Ну ладно, я в соседнем вагоне буду... Если что, — добавил он, как будто и не надеясь, что Крис придет.

Внезапно на меня накатила стыд. Я не могла посмотреть ему в глаза. Он поцеловал меня... о Мерлин! Он поцеловал меня! Как же это разительно отличалось от того мерзкого слюнявого поцелуя, которым меня «наградил» Флинт пару лет назад. Мне хотелось вопить диким голосом, впиться в его мантию и укрыться у него на груди, и одновременно — провалиться сквозь землю от стыда. Я с трудом подавила этот приступ.

— Ты... ты такой высокий стал, — робко заметила я, глядя на вышитый герб на его мантии, который был как раз на уровне моих глаз.

Он хихикнул и потряс меня за плечи.

— Ты была на матче! Ты была на матче ведь, да?

— Была... Но разве Пол не рассказал тебе как все было?

Я подняла глаза. К моему удивлению, Крис уже не улыбался. Я вгляделась в его лицо, забыв о стыде... какой же он красивый... и взрослый... какие у него добрые глаза... Какая я дура!!! Он откинул длинную челку со лба и прикусил губу.

— Да вот... Пол сразу поехал домой, его родителям надо было на следующий день рано вставать. А говорят там было... ну ты знаешь... ты видела? — с надеждой спросил он, — отец запретил мне дома говорить об этом.

Я открыла рот, собираясь моментально выпалить все, что знаю — уж кому, как не Крису! Но в моей памяти промелькнуло воспоминание — глаз моего отца, выглядывающий из-за съехавшей на бок маски, пряди его черных волос и я запнулась... Нет, о Господи, нет. Он возненавидит меня, если узнает, что мой отец был там, думала я. Шутка ли. Одно дело — предполагать, другое — располагать фактами. Вот они — Пожиратели, во всей красе, и вот он — мой отец среди них.

— Я упала в обморок ни черта не видела. По-моему среди этих фанатиков был дементор, — выпалила я выдуманную хаффлпаффцами нелепость и добавила, — Я по тебе соскучилась.

Крис снова просиял. Фраза подействовала безотказно. Я с облегчением вздохнула.

1 сентября

Конечно, я ничегошеньки не стал ей рассказывать. Она была испугана и потеряна, это очевидно. Мне даже показалось, что она не столько рада видеть меня, а просто рада, что до самого Хогвартса не осталась одна... как обычно... Она сказала, что поссорилась со своими слизеринскими подругами из-за скандала, который ей закатил Флинт. Несмотря на то, что я расспрашивал полчаса, она так и не раскололась, по какому поводу был скандал. Но я отлично помню... Помню как она редела, убегая от меня по коридору. Я и тогда ничего не стал спрашивать, но я понял, и мне было стыдно. Это все из-за меня. Может кому-нибудь типа Фреда такое может польстить, черт, но не мне! Драная горгона! Вот бы набить Флинту морду теперь, сукин сын поганый! Поздно я спохватился. Он уже закончил школу. Но что-то мне подсказывает, что к С. от этого лучше относиться не будут.

Да, ничего я сам ей не рассказал. Ни про разговор с отцом, ни про то, почему на самом деле меня не пустили на финал.

«Ты наказан. В будущем будешь знать, с кем общаться. Обвиняй эту крысу в том, что ты не попадешь на финал»

Бог мой, я не такой дурак, чтобы обвинить С. в том, что у меня отец полудурок и фанатик. По мне, так он не лучше этих пожирателей — такая же жажда уничтожить, мстить и крушить. Мразь. Мне теперь совсем не стыдно так говорить о нем! Мне кажется, я его ненавижу! Это он во всем виноват. А С... В общем мы встретились на второй час поездки, и я сначала думал, что я просто ее обниму, я не знал, что смогу решиться, но в общем я ее слегка поцеловал. Я думал, я сдохну от стыда. А она сама была красная как томатное драже Берти Боттс... Может... Нет, не может. Она просто одинока. Ей все равно...

Но мне не все равно. Она будет моей. Я никому больше не дам ее обидеть. Она будет моей!!! Не будь я Кристофер Фоус... (зачеркнуто)

Не будь я лучший отбивающий Рейвенкло!

* * *

Мы в монастыре. Они никогда этого не оценят и, что уж там, не поймут. Мо-нас-тырь. Приходило ли в голову хоть кому-нибудь из студентов, на что идут преподаватели, когда берутся за работу в Хогвартс? Думали ли они, чем приходится жертвовать? При том, что приходится жертвовать всем. Я всегда был против того, чтобы принимать в Хогвартс абы кого. Проклятая работа, как же. В глубине души они понимают, что нет никакого проклятья. Есть лишь жизнь, от которой приходится полностью отказаться, как отказываются от мирской жизни монахини. Больше одного года редко кто выдерживает, но кто выдерживает — остается здесь навсегда. Есть лишь орды недоумков, которым надо посвятить себя ВСЕЦЕЛО. Забыть о том, что у тебя когда-либо была семья, забыть о том, что хочешь завести себе свою, новую, с теплым камином, носками, собакой и собственными детьми, твоими порождениями. Забыть что ты человек. Ты преподаватель. Ты монах. Круглый год в школе, круглый год учить, передавать свои знания тем, кто никогда это не оценит, кто всегда будет считать тебя счастливым, потому что у тебя есть власть. Власть... ограниченная тем что ты можешь наказывать этих недоумков, бесполезно

наказывать, пытаюсь заставить их понять, что это на самом деле такое. Понять. Оценить. Оценить!

— *Профессор, мне кажется из вас бы вышел хороший отец... О, извините профессор... Я не хотела Вас обидеть. Просто. Мне кажется, у Вас очень подходящий характер. У Вас ведь нет семьи? Простите... простите... я не должна была спрашивать этого... и вообще это глупый вопрос. Вы все время посвящаете студентам...*

Наивная. Эта фраза дала мне надежду, что она может понять.

Почему я пошел на это тогда? Почему я пошел на это, не строя даже таких иллюзий как Синистра, которая заставила своего мужа переселиться в Хогсмид и все равно они развелись, потому что она столько времени проводила на работе?

Потому что я их люблю. Не всех. А только тех, кому мои знания не влетят в одно ухо, а из другого вылетят. Тех, кто поймет. Тех, кто оценит...

Мерлин, что за бред я несу. Мне нельзя употреблять спиртное. Никогда. Не дай Мерлин кто-то узнает. Что за бред... Я не похож на себя... Какая к черту любовь.

Просто может быть она всколыхнула во мне сожаление о том, чего у меня никогда не будет. Сожаление, что я отрекся от мирской жизни. И выбрал Хогвартс. Выбрал Монастырь.

...сентября, профессор С. Снейп

* * *

9 декабря

Письма домой с жалобами на Мэри идут одно за другим. Сначала на нее жаловались, что она украла дорогое павлинье перо у своей сокурсницы, и зеркальце у другой. Кажется, ее как сороку, тянет к хорошеньким вещам. Потом она подралась с каким-то мальчишкой из Дурмштранга, причем ни где-нибудь, а в библиотеке! Какую-то девчонку измазала ночью зубной пастой.

Потом она вдолбила себе в голову, что ей обязательно надо участвовать в Трехмаговом турнире и попыталась преодолеть возрастную черту вокруг Огненного Кубка. Естественно, у нее ни черта не получилось — только борода выросла. Бороду убрали, ей сделали выговор, и конечно написали домой родителям.

Хотя честно признаться, я рад. Рад, что хоть они и упрекают меня в том, что я не слежу за ней — но во-первых я могу оправдаться тем что мы с сестрой учимся на разных факультетах, а во-вторых, все-таки они теперь переключили внимание на нее. Почти полностью. И слава Мерлину!

Так... а вообще скоро Рождественский бал. И если я сегодня до конца следующей недели не решусь пригласить С. на него, я пойду и повешусь на Гремучей Иве. И перед этим Пол наверняка заклеит меня печатью «ТРУС». Он-то сам уже давно кого-то пригласил. Но ему ведь все равно с кем идти.

* * *

Я нашла его на перемене. Конечно, я могла бы подождать до обеда хотя бы, или вообще до конца дня. Но я почувствовала в конце занятия по зельям, что или сейчас или никогда. Если не сейчас — то я никогда и ни за что не решусь. Абсурдно... Я каждый день с ним говорила, почти каждый вечер мы вместе делали домашнее задание в библиотеке, а на выходных уже три раза ходили вместе в Хогсмид. Я практически ни с кем не общалась кроме него. Однако после того «инцидента» в поезде он больше не разу не прикасался ко мне... таким образом. Не целовал, и даже не обнимал за плечи. Только один раз, когда мы сидели в библиотеке, он коснулся моей руки, как будто случайно, и мне показалось, что сквозь меня прошел разряд тока — я посмотрела на него и поняла по его глазам, что ему в свою очередь показалось, что я испугалась. В общем, несмотря на то, что мы постоянно были рядом и я уже знала о нем все, от его любимой команды по квиддичу до того, что он любил есть в детстве, сейчас у меня подкашивались ноги. Подкашивались ноги, сердце колотилось в предынфарктном темпе, язык ворочался во рту еле-еле, как обрывок наждака.

Он стоял у кабинета профессора Макгонагалл.

Увидев меня, он улыбнулся. Я замерла. Если я сделаю еще один шаг, я упаду, потому что мои ноги сделаны из ваты.

Это была та самая его «львино-сметанная улыбка», от которой мне очень часто хотелось порвать на нем мантию и удушить его в объятьях. Ямочки на щеках и кокетливая белая челка,

почти прикрывающая один глаз. И другой, серо-голубой, который становился ярко-голубым, когда ему в лицо светило солнце, посматривал на меня с ожиданием и доброжелательностью.

Я не сумела заставить себя улыбнуться в ответ.

Я открыла рот чтобы выговорить «Я хотела с тобой поговорить» и обнаружила, что не могу говорить — в горле было сухо как в пустыне Сахара в полдень. Пришлось откашляться.

— Можно тебя на минутку? Я хотела с тобой поговорить.

Улыбка моментально исчезла с его лица, и бледная, почти белая, кожа у меня на глазах стала розовой.

— Ааааа... — сказал он, — ааа... хорошо, — и выжидающе уставился на меня. На секунду мне показалось, что он сам что-то жаждал мне сказать.

— Ты хотел что-то спросить?

— Нет я... эээ... Ну в общем да. Но сначала ты.

— Нет, ты сначала, — попыталась я. Ох как мне хотелось оттянуть этот момент.

— Ну я... эээ... — он мялся на месте. Никогда не ожидала от него такого, — В общем я хотел спросить не хотела бы ты...

— Да? — я вытянулась в струнку.

— Не хотела бы ты... пойти на Бал со мной... — выражение его лица ясно говорило «ну все. Я сказал это. Сейчас меня убьют.»

Внезапно, после осознания того что он только что сказал мне, меня накрыл приступ истерического смеха. Крис очень испугался, я успела это заметить. Он боялся, что я смеюсь над ним... Но едва совладав с приступом нервического хохота, я поспешила сообщить ему причину такого необычного приступа:

— Я... я хотела спросить тебя о том же, — я помотала головой, — Ох.

Он вздохнул с облегчением.

— Так значит.

— Я согласна! — и мой голос звучал иначе, потому что я улыбалась так широко, что едва не порвала себе рот.

— Фух, — сказал Крис. Потом посмотрел на меня, и мы оба рассмеялись.

17 декабря

Сегодня был последний день срока, который я сам себе назначил.

Я думал сделать это в обед. Я все последние дни думал, что сделаю это сначала утром за завтраком, потом в обед, потом после занятий в библиотеке. И не делал. Но я просто не мог. Я не знаю... Но я решил что или сегодня или все. Черт. Или сегодня, или я точно повешусь, да. Я так решил.

Но мне никогда не могла прийти в голову мысль, что она сама!!! В общем она подошла ко мне на перемене. Я сначала обрадовался когда увидел ее, а потом вспомнил, что раз уж мы один на один, то надо бы использовать этот момент, мантикора раздери, потому что в обед вокруг может быть полно народа. Она заговорила. Я увидел, что она очень нервничает. И она заметила тоже, что я нервничаю... В общем я сказал ей это. Честное слово, как только сказал, сразу стало легче! Правда она после этого дико засмеялась, но оказывается только потому что пришла чтобы попросить меня о том же. Она! Хотела! Сама!!! Пригласить меня!!! И слава Мерлину, что я успел сказать это вперед нее... но все равно она СОБИРАЛАСЬ! Она хотела сделать это! И она нервничала!!!

Ааааййй химера драная!!! Гремучая горгона!!! Она хочет пойти со мной на Бал!!! Она хочет!!! Еще неделя... Целая неделя осталась. Я должен собраться с силами. Я должен. Там я ей и скажу. Да, обязательно скажу. Только бы набраться смелости...

Я теперь уверен. Не может быть, что ей все равно. НЕ МОЖЕТ!

Глава XV. Amor tussisque non celantur?

Я бескорыстно и наивно
Люблю в рождественской ночи
Звезды осьмиконечной дивной
Ко мне летящие лучи.

Когда вся церковь замирает,
Раскрыты Царские Врата,
Стоит, земли не задевает
Крылатый ангел. И уста

Не движутся, но льются звуки,
Здесь небо снизошло к земле,
Благословляющие руки
Я ощущаю на челе.

И запах ладана и ели,
Свечей живые огоньки,
И страх, что невесомость в теле —
От прикоснувшейся руки.

Я с этим чудом в мир ступаю —
Надолго хватит! И на всех!
Сверкает в звездах Ночь Святая,
И блески сыплются на снег.¹

Так они пели, две молодые пряжи, босые, одетые в серое, что сидели при свете лучины на своей картине, как обычно, на площадке четвертого этажа. В простые дни они, не покладая рук, молча, работали за своими станками, а сейчас монотонные и однообразные мелькания их ладоней сопровождалось этим гимном. Эти слова навсегда запомнились мне.

Я постояла у картины, слушая, разглядывая. Потом медленно, не торопясь, стала спускаться по ступенькам, а вслед мне неслись слова уже новой песни:

Сегодня отдых от труда,
Забвенье всех забот...
Зажжется первая звезда —
И к нам Христос придет.

Сойдет, чтоб в каждую семью
Внести покой и мир,
Всем благодать проявить свою,
Устроить детям пир.

Потом я весело поскакала через ступеньку, согревая в душе ощущение праздника, дую на него как на уголек. Впервые за долгое время я была действительно счастлива.

Спаситель родился, Спаситель родился, Спаситель родился на свет...

И мне было все равно, что никто со мной не разговаривает, мне было все равно, что те, кого я раньше считала друзьями, теперь отсаживались от меня за столом — какое это имеет значение? Они не видят, они не знают, они не понимают. Их искривленные злобой и трусостью

¹ стихи Нины Карташовой

лица не повернулись в сторону поющих прях, их глаза не обратились к небу, и они не ощутили «страх, что невесомость в теле — от прикоснувшейся руки». И еще я почему-то подумала, что Иисус, наверное был, не только Сыном Бога. Наверное, он был магом. Сегодня все должно было быть хорошо... я была в этом уверена...

Предстоящий Рождественский Бал поднял всю школу на уши. Стайки девиц носились из коридора в коридор, обсуждая, какие наденут платья, мальчишки шептались по углам, и провожали девчонок взглядами, похвалялись друг другу, кто кого пригласил. На завтрак я пришла позже чем обычно, потому что заслушалась пением прях. Криса я не видела, только Пол Гордон рассеянно махнул мне рукой, когда я бросила взгляд на стол Рейвенкло. Да, меня не волновало, что со мной не разговаривают за столом моего факультета... но все же мне хотелось пересесть туда, к Рейвенкловцам... И как жаль было, что это запрещено. Днем я снова пошла слушать прях (они спели песню про аистиху, устлавшую ясли, в которых лежал Спаситель, своими перьями, которые вырвала из груди, потом о справедливом короле литовских католиков), потом отправилась на прогулку по опушке леса, при этом успешно миновала кидавшихся снежками близнецов Уизли.

За пару часов до бала ушла в комнату и застала Тину и Джаде за тем, что они рылись в моем сундуке и примеряли мои наряды...

Но все равно, мы ни слова не сказали друг другу.

Я достала со дна сундука длинное платье кровавого цвета с открытыми плечами — до него их лапы не добрались, и ушла за ширму одеваться.

За полчаса до начала Бала я спустилась вниз и села у камина, чтобы отдышаться и успокоиться. Для этого я прикрыла глаза и пропела про себя песенку прях, как молитву. Потом огляделась. Мимо меня гордо прошествовал мой кузен «Нотт-младший» в красивейшей зеленой мантии, под руку его держала главная красавица пятого курса Абигаль Эйвери. Вдвоем они выглядели замечательно. Людвиг вел себя как взрослый джентльмен, был очень обходителен, распахивал перед своей дамой двери: мне понравилось наблюдать за этим, хоть я очень хорошо помнила, что четыре года назад на церемонии распределения обозвала его «мерзким мальчиком». Следом за ним тщедушный Малфой со своей подружкой Панси Паркинсон, платье которой было утыкано каким-то нелепыми бантами. Они являли собой весьма отрицательный контраст моему кузену и его подруге, однако держались так, будто они тут самые неотразимые. Я поглядела на них и тихонько прыснула в кулачок.

Ну вот наконец почти все покинули гостиную, пора было и мне. Вздохнув в последний раз и оглядев платье — не испачкали ли, я на ватных ногах вышла за пределы территории Слизеринского подземелья.

Это всегда так, в глупых магловских любовных романах «Я посмотрела на него и не узнала! Он был так прекрасен! Его небесный лик... бла бла бла» Но я и правда его не узнала. Он стоял прямо у лестницы, ведущей по направлению к гостиной моего факультета, и хотя кругом сновали люди, непосредственно около лестницы кроме него никого не было. Я его не узнала. А когда поняла, что это он — остолбенела. Его волосы были гладко зачесаны назад, впервые открывая моим глазам его чистый и высокий лоб, не закрытый челкой. А что касается «небесного лика»... На нем была мантия потрясающего ярко-голубого, действительно небесного цвета, а под мантией белоснежная рубашка и шелковый галстук, одного цвета с мантией. Он был ярким пятном в этой одежде, со своими почти белыми волосами, среди темной толпы бутылочного, черного, серого, бордового. Ярким и светлым, как ангел с картинок.

— Крис, ты... — запнулась, у меня отнялся язык, так значит магловские романы не врут; я прокашлялась, — ты очень красивый.

— Ты тоже, — сказал он немного хриплым голосом и я тут же мысленно шлепнула сама себя по щеке за то, что надела красное платье — наверное оно делало румянец на моих щеках не просто очень заметным, а... томатным!!!

Я отважилась взять его под руку. Запах лимона и снега. Я подавила дикий порыв встать на цыпочки и ткнуть носом ему в шею. И как маленький преданный щенок, вдыхать его запах и попискивать...

На нас многие оглядывались — я подумала тогда, что дело было в наших нарядах, которые очень здорово контрастировали. Постепенно первый «мандраж» начал проходить и мы на пути

к Большому залу смело поглядывали друг на друга, улыбаясь. Когда двери распахнули и всех пригласили войти, Крис наклонился к моему уху и сказал:

— Я сам себе завидую.

И когда мы шли к столику, за который уже успели сесть Пол Гордон и его подруга, мне показалось, что небо в Большом Зале улыбается, а вот эта яркая звезда — быть может, это та самая, Вифлеемская звезда? Говорят что тот, кто увидит ее на Рождество, обретет счастье...

25 декабря

Все, что я хотел сказать тебе, осталось недосказанным. Наверное просто потому что, как только я увидел тебя, у меня отнялся язык. Я сейчас пишу это письмо... Я знаю, что ты все это не прочтешь. Но может быть мне станет хотя бы немного легче? Может хоть немного пройдет это ощущение, что я — трус, каких свет не видывал? Когда я увидел тебя в этом красном платье, ты была такая печальная и красивая, мне так хотелось обнять тебя и поцеловать твое обнаженное плечо на глазах у всех, что я еле сдержался... а почему сдержался? Да потому что я трус.

Я впервые ел с тобой за одним столом, но у меня не было аппетита, потому что я сидел и смотрел на твои губы, на твой рот, и как кот мышей, душил в себе порывы поцеловать его. Но я этого так и не сделал. Потому что я трус!

А потом я пригласил тебя на танец. Наверное это было единственное, на что я все-таки сумел решиться — из того, на что я хотел решиться. Ты так красиво танцуешь, я чувствую себя неуклюжим рядом с тобой. И слава Мерлину, что мне удалось не отвалить тебе ноги. Святой Шотландец, что я говорю... как хорошо, что ты это не прочтешь.

Ты не моя, такая родная, такая любимая, такая грустная, такая теплая... Моя Селена. СЕЛЕНА! СЕЛЬ! Мне хочется выкрикивать твое имя, чтобы все знали, как ты мне дорога, но я молчу. Потому что я чертов трус!

Когда-нибудь я смогу избавиться от этого оцепенения, когда-нибудь я скажу тебе все, что хотел сказать, но... я не сделал этого сегодня. Интересно, а ждала ли ты от меня этого? Если ждала, и я не оправдал твои ожидания, то я трижды себя ненавижу.

* * *

Я смотрела на него, когда он этого не видел. Он почти ничего не ел, и заметно нервничал. И я нервничала. Зато Пол и его подруга, симпатичная рыженькая девушка из Хаффлапфа по имени Сьюзен, без умолку болтали, и хоть как-то поддерживали атмосферу разряженной. После того как Чемпионы Трехмагового Турнира открыли бал, они первыми бросились танцевать. В этот момент я не могла посмотреть на Криса. Особенно когда он поднялся и, видимо, собрался пригласить меня. Я подняла на него глаза с огромным психологическим усилием. В стотысячный раз, наверное, подумала, какой он красивый и о том, что у меня нет никаких шансов, что такой красивый юноша влюбится в меня по-настоящему. Он подал мне руку — такой простой молчаливый жест, и я вложила руку в его ладонь. Мы вышли в центр зала. Он обнял меня за талию. Снова я почувствовала этот запах и на этот раз у меня было полное право вдыхать его до потери сознания, потому что он был так близко... ближе чем в любой другой момент за этот вечер. Он вел. Мне показалось, он очень неплохо танцует.

И на следующий медленный танец мы не остались за столом, и на следующий... В конце концов я решила и вместо того чтобы продолжать оставаться на безопасном расстоянии от него и держать одной рукой за его руку, а другой за плечи, я обняла его обеими руками. Он выдохнул от неожиданности, но в следующую секунду я почувствовала, что он придвинул меня ближе, крепче обхватил мою талию. А потом я только помню, что я уткнулась носом в его грудь и дышала Моим Персональным Кислородом. И не помню, как долго это продолжалось... Я закрыла глаза, слушала как колотится сердце (мое или его? я не знаю) и забыла о том, что кругом были люди. Как будто никого нет. Как будто только он и я.

Когда я решила поднять на него взгляд, его лицо было мертвенно бледным. А мое, наверное, снова томатно-красным!

Потом мы вышли из зала, за двери замка, где вместо сугробов теперь были фонтаны и розовые кусты. Мимо нас прошмыгнула сестра Криса Мэри и вслед ей донесся грозный голос профессора Снейпа:

— 15 очков с Хаффлапфа, Фоусетт!

Мы оба прыснули от смеха. Ох уж эта Мэри... Когда она проносилась мимо нас с покрасневшимся личиком, я заметила в ее волосах мою заколку.

Мы уселись у фонтана.

— А знаешь... На твое сестре красивая заколка. И дорогая. Ты знаешь, откуда она взялась?

— О, — отозвался Крис, будто бы выходя из ступора, — она нашла ее где-то, несколько лет назад на Рождество. Сказала, что ее сбросила какая-то птица прямо у нашего дома. Почему ты спрашиваешь?

Я заулыбалась. Могла ли я подумать за несколько лет до этого, что буду с ним разговаривать на эту тему? Почему-то я ощутила себя триумфатором.

— А тогда, под Рождество, у тебя не пропал шарф?

Крис поднял брови от удивления.

— Пропал. Такое синее кашне... Нет, а почему ты все это спрашиваешь?

Я продолжала мучить его загадками:

— А какая птица была, она не сказала?

— Сказала, — ответил Крис, непонимающим взглядом изучая мое лицо, — Ястреб.

Больше ничего я не стала добавлять. Сидела и улыбалась. Он догадался только через минуту — я поняла по тому, как изменилось выражение его лица. Чуть погодя он, улыбаясь, воскликнул:

— Ястреб! Твой ястреб. Значит заколка... заколка твоя?

— Ну да, — кивнула я, — он унес ее из моей комнаты на Рождество. А взамен принес мне синий шарф. Шарф пах тобой.

— Мной? Ты... ты нюхала мой шарф?! — Крис ужасно забавно скривился, и это заставило меня рассмеяться.

— Конечно, глупый... У тебя очень приятный запах! — О Мерлин, я это сказала. О Мерлин, О Мерлин...

Он взглянул мне в глаза — слегка ошарашенно, но явно польщенный. Бьюсь об заклад, уж таких комплиментов ему еще никто никогда не делал... В следующую секунду я поняла, что он приблизился ко мне значительно ближе. Потом еще ближе. Наши губы почти соприкасались, его глаза остановились на моих глазах. Еще секунда, и...

— Пятнадцать очков с Хаффлпаффа, Боунс! И пятнадцать очков с Рейвенкло, Гордон! — донеслось из-за ближайшего розового куста.

Все. Мы испуганно отпрянули друг от друга, руки — мелкой дрожью, глаза — лихорадочно блуждают. Пожалуй, это был единственный момент в моей жизни, когда я совершенно искренно и люто ненавидела профессора Северуса Снейпа!

* * *

Я лежала, свернувшись калачиком, и вспоминала о хорошем. Я пыталась. Я честно пыталась... На последнем занятии по ЗОТС профессор Хмури рассказал нам о заклинании вызова Покровителя. Пока учить его нам не полагалось, это очень сильная магия, выше уровня П.А.У.К., но формула меня заинтересовала. Для того, чтобы призвать его, прежде всего нужно было воскресить в памяти какое-то особенно хорошее событие. Да, я пыталась вспомнить что-то хорошее. Но у меня не получалось. У меня просто не было ни одного хорошего воспоминания. А даже если что-то относительно счастливое и происходило в жизни, то потом воспоминание об этом событии намертво перекрывалось каким-то дурным, о том, что случилось после.

Вот папа сажает меня на колени и показывает новую куклу, красивую фарфоровую куклу с розовыми, кокетливо вытянутыми губками и белоснежной кожей, гладит меня по волосам, громко чмокает в нос. Но кукла валяется в кладовке, поломанная. А мой отец — Пожиратель Смерти.

Вот Патрик приехал ко мне на Рождество после двухлетней разлуки, и я бросилась ему на шею, захлебываясь счастьем. Но потом Патрик сделал мне такой подарок, что... я уже перестала понимать, человек я или только наполовину или не человек вовсе?

Вот мы с Тиной загораем на пляже и едим мороженое. Нам весело и хорошо. Но потом Тина отвернулась от меня...

Вот Джаде признается мне в том, что ей нравится Пол Гордон и делится со мной своим секретом, а я думаю как здорово, что мы, две подруги, влюбились в двух друзей. Но сейчас Джаде не обращает на Пола никакого внимания и главное, она больше не хочет дружить со мной.

Вот Крис открывает глаза, оправившись от болезни, смотрит на меня с надеждой и просит воды... Я так счастлива, что он в порядке. Но потом я возвращаюсь в гостиную и мне устраивают прилюдный позор.

Вот его лицо... Такое красивое, бледное, и близкое — всего в паре сантиметров от моего. Он меня сейчас поцелует, сейчас, сейчас... Но нет. Глупо на что-то надеяться. Крис даже не влюблен в меня. По крайней мере не так как я в него.

Если у меня нет ни одного счастливого воспоминания... не значит ли это, что моя жизнь просто не имеет никакого смысла?

Я лежала, свернувшись калачиком... В холодной ямке на оттаивающем снегу. Потом я выбралась из нее и поползла обратно к замку.

* * *

Это не интуиция. Это не неоправданное чувство тревоги. Это здравый смысл. Логика. Моего отца судили за пособничество Темному Лорду. Мой отец прятал что-то зловещее прямо в нашем поместье. Мой отец был среди Пожирателей Смерти этим летом, которые, по слухам, не только искалечили нескольких несчастных магглов, но и всех магов, которые попались им под руку тогда. Он был там.

Ведь ничего подобного не происходило долгие годы... Если они решились снова заявить волшебному миру о себе, значит, это не зря. Значит, что-то должно случиться.

И я была права. Черт возьми, я была права. На этот раз мой неизлечимый пессимизм не подвел меня.

Так закончилось третье испытание Трехмагового Турнира — исчезновение Гарри Поттера и Седрика Диггори, затем их появление спустя без малого час. Гарри Был весь в крови, пытался что-то говорить, его окружали учителя, а Седрик... Я услышала, как его подруга Чо Чанг издает вопль ужаса.

Он был мертв. Седрик Диггори был мертв. Я видела его прозрачное лицо, я видела его безвольно свисающие с носилок руки, я видела как ему прикрыли веки, и я видела, как его накрыли белой простыней. За моей спиной мной рыдали другие девчонки, сбегались учителя, а я стояла как вкопанная, выбежав на поле одной из первых... И смотрела как его отец неверящими глазами шныряет по телу сына, как трясет его изо всех сил, бьет по щекам, рыдает... Я видела как Седрика уносят.

Я вырвалась из ступора когда меня кто-то тронул за плечо. В следующую секунду чья-то ладонь скользнула на мое лицо и закрыла мне глаза.

— Не смотри, — сказал Крис шепотом, — лучше не смотри.

Не контролируя себя, я повернулась, вцепилась в его мантию и зарыдала.

— Я знала, что что-то случится, Крис, я знала, я знала!

Он не утешал меня, ничего не говорил. Гладил по голове, и не отпускал.

— Если бы только ты могла не возвращаться домой. Если бы только ты могла... — проговорил он очень тихо, но я все равно услышала.

Свежий ветер, теплые сумерки, визг и крики, рыдание Амоса Диггори и мертвое тело его сына.

— Это был Вольдеморт! — выкрикнул Гарри, пытаюсь подняться, а в это время директор пытался усадить его обратно, — И Пожиратели!!!! Я их видел!

Из толпы послышались вскрики ужаса.

— Пойдем отсюда, — сказал Крис и не дожидаясь моего ответа, схватил меня за руку и потащил в сторону замка. Никто не обращал внимания на мое красное от слез лицо и вздрагивающие от рыданий плечи.

— Он был там, — повторяла я на ходу как заведенная, — Крис, я знаю, что он был там. Мой отец был там! Крис, он был там! И я видела его в толпе Пожирателей на чемпионате! Крис, мой отец был там!

Он ничего не говорил, не смотрел в мою сторону, просто настойчиво вел за собой. Его губы были сжаты в тонкую бледную линию, брови нахмурены, а ладонь так сильно сжалась вокруг моей, что мне было больно. Я никогда не видела его таким.

Когда мы дошли до лестницы и спустились вниз на один пролет, он наконец остановился, повернулся ко мне, и потряс меня за плечи.

— Я знаю, Сель. Я знаю.

Новый приступ рыданий придушил мое горло и я снова бесконтрольно уткнулась в его мантию, мокрую от моих слез, комкала ее и дрожала, рыдая. Он знал... он знал? Может быть, теперь он ненавидит меня за это?

— Я знаю все. Но ты ни в чем не виновата, — добавил он приглушенным голосом; приглушенным, потому что говорил, спрятав лицо в моих волосах, — Ты ни в чем не виновата.

Он дождался, пока я возьму себя в руки, дал мне как следует выплакаться. На лестнице наверху послышались голоса, потом показались слизеринцы, гонимые префектом в сторону гостиной. Они галдели, почти бегом спускались вниз, задевали нас плечами, но Крис не отпускал меня, не размыкал объятия, обхватив меня обеими руками, как будто пытался отгородить меня от всех и вся.

Потом шум внизу стих. Мы снова остались на лестнице одни. Я наконец перестала плакать. Но теперь я боялась поднять на него лицо, распухшее, красное, мокрое от слез. Мои губы все еще вздрагивали, плечи тряслись мелкой дрожью. Он попытался заглянуть мне в глаза, но я отворачивалась.

— Не смотри на меня, — сказала я охрипшим от рыданий голосом, как будто очнувшись от кошмара и теперь стыдясь самой себя, — я уродливая...

Он настойчиво приподнял мое лицо за подбородок и посмотрел мне в глаза. Я замерла: по его бледной, почти белой щеке бежала одинокая слезинка, а в светлых глазах горело сострадание.

— Сель... — сказал он, и голос его был хриплым и дрожал, также как и мой, — Пожалуйста, не плачь больше. Пожалуйста... Мне больно видеть как ты плачешь.

— Крис, я...

— Я люблю тебя.

Повисла кричащая тишина. Тишина, которую можно ткнуть ножом. Он прикоснулся рукой к своим губам, будто не веря тому, что только что из них вырвалось.

Несколько секунд я стояла неподвижно, потом вырвалась и, не помня себя, бросилась вниз по лестнице.

Глава XVI. Amantes sunt amentes

Прошел месяц. Дниплыли мимо меня, оставаясь в памяти белыми пятнами, бессмысленными пробуждениями и засыпаниями. Вслух мы не вспоминали о том, что произошло, о том, что он сказал. Как будто мы заключили бессловесное соглашение забыть. Мы даже не говорили о том, что случилось с Седриком, хотя, казалось, это была единственная тема, на которую с утра до ночи говорили все студенты. В последние дни перед каникулами мы гуляли у озера, говорили о квиддиче, музыке, и всякой ерунде.

Лишь одно изменилось в наших отношениях — я перестала бояться его, перестала краснеть, каждый раз, когда он ко мне прикасался. И хотя какой-то злобный голосок в самом удаленном уголке моего мозга, пищал мне о том, что на самом деле Крис меня не любит, что это вырвалось у него случайно, что он сказал это лишь чтобы меня утешить, я находила в себе силы этот мерзкий голосок приглушить. В первый раз в жизни я находила в себе силы, чтобы поверить во что-то хорошее. Я больше не боялась его...

Но я смертельно боялась возвращаться домой. Боялась, потому что не знала, как посмотрю в глаза своему отцу и как смогу скрыть от него, что я все знаю и — как я отношусь к произошедшему.

Однако неумолимо и беспощадно этот день приближался и, наконец, настал, с самого утра навалившись на меня многопудовым грузом — сегодня конец учебного года. Сегодня домой. Никогда в жизни мне так не хотелось не просыпаться — уснуть колдовским сном и не очнуться пока не начнется новый семестр, и миновать необходимость ехать в Глазго и лицом к лицу встретиться с отцом.

За день до этого, на прощальном пиру, Дамблдор в открытую признал, что Седрик был убит Вольдемортом. Мне стало только легче от его слов, потому что он не сказал того, что я так страшилась услышать: «Седрик Диггори был убит Эваном Ноттом».

Я сняла свою слизеринскую мантию, едва успев сесть в поезд. В короткой юбке-шотландке, белой блузке и гольфах, я уселась в купе рядом с Крисом, Полом Гордоном и еще одним парнем, из Хаффлпаффа, и всю дорогу мы играли в карты, грызли тыквенное печенье, и еще Пол вслух зачитывал самые смешные реплики из нового комикса о Мартине Миггзе.

Когда мы проезжали заводские районы Лондона, Крис вышел из купе и жестом позвал меня за собой.

Мы встали друг напротив друга в узком коридоре. На потенциально опасном расстоянии. Он что-то собрался мне сказать, но подождал, пока сновавшие туда-сюда студенты более-менее освободят коридор и разойдутся по своим купе чтобы переодеться в маггловскую одежду.

— Слушай... — начал он, — Я тебе должен кое в чем признаться. Ни то чтобы это очень важно, но...

— Но? — конечно же у меня сразу упало сердце. А в голове вихрем десяток самых плохих мыслей — «то, что я сказал тогда на лестнице, было враньем» или «я больше не хочу тебя видеть», или что-нибудь в этом роде. Что поделаешь, привычка.

— Помнишь я написал тебе что прошлым летом мы не смогли достать билеты на чемпионат? Так вот билеты достать папа мог без проблем... Просто... он запретил мне.

— Ходить на квиддич? — с последней надеждой спросила я.

— Нет. Встречаться с тобой. Он наказал меня за то... за то, что ты моя подруга. Лучшая подруга...

— И теперь ты... ты больше не хочешь... ты не будешь... то есть...

— Нет, что ты! — воскликнул он, — Ни за что на свете! Чхать я хотел на его мнение о тебе. Я же не такой непроходимый дурак как мой отец. Хе, конечно плохо так говорить об отце, но...

— Некоторые отцы заслуживают гораздо более жесткой характеристики чем эта, — полушепотом заметила я, глядя в пол. Он никак не отреагировал на эту реплику.

— В общем, я плевать хотел на то, что мой отец считает. Я вообще думаю, что это несусветная глупость — ненавидеть кого-то только потому, что ненавидишь какого-то родственника человека...

— Крис, я думала... я испугалась, что...

— Что? — он наклонился и посмотрел мне в лицо.

— Что ты больше не захочешь... быть мне другом.

— Почему я не расхотел быть твоим другом, когда два года назад ТВОЙ отец запретил тебе приезжать в Эдинбург? — рассудительно заметил он.

Я пожала плечами.

— В общем мы с тобой квиты, — он улыбнулся мне и подмигнул, однако мне шутка не понравилась, — Что они там про нас считают, это неважно, важно только то, что... что мы вместе, разве не так? — я кивнула, — В общем. Через пару недель я сдаю экзамен по аппарированию и...

У меня кольнуло в груди.

— И?..

— Сейнт Винсент Вилледж, ты говорила? — на этот раз и я улыбнулась ему в ответ.

— Да, да, Помесье Ноттов, Сейнт Винсент Вилледж, к Западу от Глазго.

— Я буду там. Я пришлю тебе сову. Или может, твой ястреб прилетит ко мне сам?

— Айри исчез, — призналась я, — его не было уже несколько месяцев.

— О, ну... в любом случае... я пришлю тебе сову и тогда договоримся.

— Крис? — я погладила его по плечу, — зачем ты собираешься приехать? Чтобы... чтобы... — нужные слова подбирались с трудом, — Разобраться что там происходит, у меня дома?

— Нет. Просто... я не смогу все лето... без тебя.

Я не успела ничего придумать в ответ, поезд замедлил ход, мы прибывали на вокзал Кингс Кросс, и из купе повалили студенты с сумками и клетками. Он наклонился и поцеловал меня в щеку.

— Все же лучше чтобы ОНИ нас не видели вместе, — сказала я.

Он кивнул и мы разошлись.

Я вытащила свой чемодан из багажного вагона и вышла на платформу. Криса и Мэри встретила низенькая улыбчивая блондинка, видимо, их мама. Меня никто не встречал...

Минут через десять, когда платформа уже совсем опустела, ко мне подошел Людвиг.

— Что делать будем? — хмуро спросил он, присаживаясь на свой чемодан. Я молча пожала плечами и принялась подтягивать гольфы. Поезд печально прогудел и тронулся по направлению к депо.

— Здравствуй, сэр, леди, — поприветствовал нас знакомый голос. Мы обернулись — это был Дэвид, дворецкий, — я прошу прощения, что вас заставили ждать. Позвольте Ваш чемодан, мисс Нотт? Спасибо. Сейчас в доме все заняты, так что ехать на вокзал пришлось мне. Пойдемте.

— А где мои? — недоуменно спросил мой кузен, все еще не двигаясь с места.

— Я отвезу Вас домой, сэр, — отозвался Дэвид, не оборачиваясь, — а затем мы с мисс Нотт поедem в Глазго. Не возражаете мисс, если мы сначала проводим Вашего кузена?

Я помотала головой. Странно все это. Неужто у па... Стоп. Патрик в Дурмштранге. У Лиды дел невпроворот в саду. Бесси... да мало ли дел у Бесси. А папа... у меня даже не возникало вопросов, какими такими важными делами сейчас занимается мой отец и родители Людвига. А даже если бы возникли и сформировались в голове — такие вопросы лучше не задавать. Неужели нас держат за идиотов? Или может, они думают, что мы должны гордиться такими родичами?!

Когда мы наконец ввалились в дом, уже ближе к ночи, у меня не было сил ни на что кроме как подремать сначала в ванной, а потом погрузиться на десять часов в глубокий сон. По правде говоря, я даже Бесси не видела вечером.

Но и с утра, в первый день каникул, дом потряс меня абсолютной тишиной. Я даже встала посреди лестницы и покричала. Никто не откликнулся. Потом я спустилась на кухню и, к своему облегчению, обнаружила там Джастина. Он без лишних вопросов нажарил мне тостов, положил тарелку овсянки и по своему обыкновению с умилением поглядел как я ем.

— Вы очень подросли за год, мисс. Настоящая Леди стали, — сказал Джастин.

Я даже не удосужилась поблагодарить за комплимент. То, что у меня появилась грудь и талия, можно было заметить и год назад, в конце-то концов...

— А где папа? — что я еще могла спросить. Ну и что мне Джастин мог еще ответить кроме как:

— Уехал по делам, мисс. По работе. Я не знаю, что там и как... Меня все эти дела тут на кухне мало касаются.

Он рассеянно кивнул и вернулся к своим делам.

В кормушке Айри копошились белые опарыши. Я брезгливо отпрянула, едва увидев это малоприятное зрелище. Несмотря на то, что он охотился сам, мой питомец всегда съедал и то, что ему давали дома. Почему же сейчас кормушка выглядит заброшенной? Если кто-то и продолжал подкладывать ему мясо, то не позже чем неделю назад это делать прекратили. То, что осталось, доедали черви.

Бесси не было. Джастин сказал мне, что она в отпуске — вот уж невиданное событие, воистину. За последние шестнадцать лет Бесси не уходила ни в какие отпуска и чуть ли не каждую минуту повторяла, что Помесье — это ее дом, работа, досуг, и вообще вся жизнь, и что ни за какие коврижки она отсюда и шагу не ступит.

Элис не приходила — кому нужны услуги посудомойки, когда грязной посуды нет? Джастин тоже остался почти без дела.

Только Лида как обычно копошилась в саду. Однако ее помощник, мальчик из деревни, не заходил ни разу. Из оранжереи и с грядок с утра до ночи доносилось ее пение, но даже оно не могло нарушить зловещую тишину и пустоту огромного дома.

Я не находила себе места. Бывало, моя тоска и одиночество доводили меня до того, что я посреди ночи открывала окно, и что есть мочи в него орала.

Мне никто не писал, даже мой любимый питомец куда-то бесследно пропал, и я проводила дни или в библиотеке, когда апатия не побеждала желание читать, или в ванной — сидела там и плакала... Я не выходила в сад и опасалась приближаться к оранжерее.

Как я хотела тогда, чтобы в эти абсолютно одинокие дни со мной был Крис. Кто знает, когда он соберется приехать — быть может, в дом все вернутся, и он не сможет даже появиться на пороге без угрозы для... репутации? жизни?..

Сов от него не было.

Очередным утром, похожим на все остальные тем летом, когда просыпаешься и первая мысль в голове о том, что предстоящий день будет абсолютно пустым, я проснулась довольно рано. Судя по всему, еще не было и шести утра. Разлепив веки, я попыталась повернуться на другой бок и... не смогла. Мне что-то мешало. Первая мысль была, что я запуталась в одеяле. А потом я заметила.

Что на моей талии поверх одеяла лежит рука.

Потом услышала.

Тихое посапывание прямо мне на ухо.

А потом наконец умудрилась аккуратно повернуться и увидела. Его лицо было в паре сантиметров от моего. Вполне можно было чуть-чуть вытянуть шею и поцеловать его в нос. Обняв меня одной рукой, а другую положив под голову, Крис спал, лежа поверх одеяла, прямо в одежде. Его рот был слегка приоткрыт, а зрачки бегали туда-сюда под плотно закрытыми веками — он видел сон.

Тогда я решила, что мне совсем не хочется вставать. Я сползла пониже. Ткнулась носом в его шею, вдохнула любимый запах и вскоре погрузилась в дрему.

Сколько проспала, не знаю, но когда проснулась, солнце светило ярко, и рядом со мной никого не было. Я подумала, что Крис мне просто приснился. Но нет — сладко потягиваясь, я повернулась и увидела его — он сидел у трюмо на табуретке и причесывался моей расческой. Критически оглядывая себя, он укладывал свою кокетливую челку то налево, то направо, то на лоб, то зачесывал назад, видимо, никак не мог решить, что ему больше идет. Я довольно громко хихикнула, наблюдая за этим забавным зрелищем и он с грохотом уронил расческу и вскочил.

— Я тебя разбудил?

— Надо думать, — сказала я, разглядывая его. Его рубашка сильно помялась, и он выглядел невыспавшимся, — ты как сюда попал?

— Аппарировал, — гордо сказал Крис, присаживаясь на краешек кровати, — К вам в сад. А потом увидел, что открыто только одно окно, и решил, что твое.

— Понятно...

Он застеснялся и начал комкать край одеяла.

— Понимаешь, я никому ничего не сказал... Ночью ушел, и оставил записку что вернусь завтра... Ну вот... поэтому я...

— Уснул, — закончила я, улыбаясь наиглупейшей улыбкой, — тут вот, — и похлопала по простыни.

Он кивнул.

— Так вон же кушетка стоит, — прищурилась я.

— Ну... я... слушай, если честно, я есть хочу.

Мне вдруг стало так хорошо и весело, что я не удержалась и бросилась ему на шею.

— Я так рада что ты приехал!

Я показала Крису где ванная, а сама наспех переоделась («Какая идиотская ночная рубашка! Байковая! Позорище! Он меня в этом видел!») и побежала на кухню за едой.

— Я в комнате поем, — сказала я Джастину, сгребая бутерброды одной рукой, а другой хватая графин с соком.

Он недовольно покачал головой, но не стал спорить.

Я уселась на подоконник и, не дожидаясь Криса, принялась жевать сэндвич с сыром. Нервно так жевать. Из ванной доносился шум воды.

Минут через пять он вышел. Я увидела его и чуть не подавилась. Голый по пояс, с перекинутой через плечо рубашкой и мокрыми волосами, падавшими на лоб. Я с широко открытыми глазами скользнула взглядом по его безволосой накачанной груди и заметила, что со мной происходит что-то странное. Не то умиление, которое он обычно внушал мне, не то трогательное чувство привязанности и того, что рядом дорогой человек — нет. По-моему я в первый раз осознала, что меня влечет к нему. Физически влечет. Мне захотелось прикоснуться к его обнаженной груди рукой... губами...

Я помотала головой. В конце-то концов... Он стоит посреди комнаты, а я на него пялюсь, причем смотрю отнюдь не в глаза! Крис подошел к подоконнику при этом как-то странно и неуклюже прикрывая свои брюки спереди (я ни на секунду не усомнилась в том, что это просто он пятно прикрывает ну или намочил брюки в ванной), и, следуя моему примеру, тоже забрался на него и принялся за еду. Он не смотрел на меня, подарив все свое внимание бутерброду, но теперь уже я заглянула ему в лицо и решила что взгляд у него какой-то бешеный. Потом опустила глаза вниз и поняла, что так замечательно сидела в своей традиционной короткой юбочке-шотландке, поставив одну ногу на подоконник, и свесив вторую, которой весело покачивала, что Крис только что узнал, какого цвета на мне трусики. И мне захотелось придушить себя или провалиться сквозь землю, потому что они были девчачьего розового цвета.

Я поспешно сдвинула ноги, но теперь это было уже неважно...

Он проглотил кусок, запил соком и кашлянул.

— Так значит ты не сказал куда ты исчез? — спросила я, чтобы хоть как-то нарушить это неловкое молчание, — А не боишься, что тебя прибудут, когда вернешься?

— Я не сказал, но я написал. Я написал, что Пол позвал меня к себе на пару дней... И я связался с ним, он меня прикроет... Но даже если что-то не так... Мне ведь неделю назад исполнилось семнадцать. Я совершеннолетний. И я могу без опаски...

Я стукнула себя по лбу. Адская химера, как я могла забыть о его дне рождения.

— Ну вот, я даже не приготовила тебе подарок, — расстроилась я.

Он махнул рукой.

— А что бы ты хотел в подарок?

— Да ну, не утруждай себя... — сказал он, — потом как-нибудь при случае поздравишь, — и подмигнул, — Слушай, а почему так тихо в доме? И ночью только одно открыто было... Неужели ты одна?

— Из хозяев да, я одна. Отца я не видела. Брата тоже не было, но в этом нет ничего удивительного, он редко приезжает. И нянька моя куда-то пропала... В доме только я, повар и еще одна служанка, она ухаживает за садом.

— Наверное здорово, когда в доме столько слуг? И когда дом такой большой...

— Ничего хорошего. Когда все следят за каждым твоим шагом... Постой-ка. У меня идея.

Я спрыгнула с подоконника, стряхнула с юбки крошки (краем глаза заметив при этом, что он пялится на мою юбку как на Вестника Армагеддона) и прежде чем он успел что-то сказать, выбежала из комнаты, захватив пустой графин.

Джастин только что погасил под кастрюлями, в которых варился обед и сидел за кухонным столом, изучая «Ежедневный Пророк». Я окликнула его из дверей.

— А? — он поднял голову, и, увидев меня, отбросил газету и вскочил на ноги, — О, мисс, Вам еще что-нибудь сделать? Вы наелись?

— Джастин... слушай... Почему бы тебе не взять сегодня выходной?

— Выходной? — он непонимающе моргнул.

— Ну да, выходной. Сходить в деревню, заняться чем-нибудь для себя, погулять... А то сидишь в доме весь день, все время тут, в подвале.

— Ну в общем меня это устраивает, мисс, я же не жалуясь, — он пожал плечами, но я уже заметила, что идея ему понравилась. Я улыбнулась ему самой обворожительной улыбкой, какой только могла. Потом вытащила из кармана пару галеонов, и положила на стол.

— Вот. Сегодня пятница, может в деревне ярмарка?

Он поколебался пару секунд, потом снял колпак и сказал:

— Пожалуй Вы правы, мисс. Я пожалуй съезжу в Четыре Ясеня, навещу племянника. Все равно я готовлю-готовлю, а за день это никто не съедает, — он махнул рукой в сторону кастрюль. И Джастин взял галеоны со стола и пошел переодеваться. Я притворилась, будто изучаю содержимое кастрюль, чтобы задержаться на кухне, и через пару минут он вернулся, сменив теперь поварскую одежду на простую маггловскую (Фор Эштрис, соседняя деревня, тоже была маггловской) а вместо колпака у него на голове был старенький серый котелок.

Он поклонился мне и ушел.

На цыпочках поднявшись вслед за ним по лестнице, я услышала как хлопнула дверь, и уже тогда припустила в свою комнату со всех ног. Крис теперь уже был в рубашке.

— Теперь кроме нас в доме только Лида. Повар ушел. Пошли покажу тебе дом! — я потянула его за руку и он не без опаски пошел за мной. Я показала ему гостиную, библиотеку, пустующие помещения для гостей, комнату Патрика. Папина была заперта на ключ. Попытаться открыть дверь мы не решились.

Потом мы спустились на кухню, прихватив там с вазы два огромных яблока, и пошли по направлению к комнатам слуг и кладовке.

— Так ты говоришь там ты видела...

Я кивнула.

— Может попробовать?..

— Бесполезно, — я помотала головой и погладила пальцами левой руки свое колечко, — А впрочем...

— Что такое? Что ты собираешься делать? — спрашивал он на ходу, когда я неслась по коридору к книжному стеллажу в самом его конце. Остановившись перед ним я дождалась, пока Крис меня догонит, и надела кольцо на левый палец. Ничего не случилось.

— Ты что-то видела здесь? — спросил он с нескрываемым любопытством, лихорадочно оглядывая стеллаж со всех сторон.

— Да. Я помню, я спряталась вон там, в кладовке, а отец пришел сюда, достал какой-то крест, — глазки змеи заметно мигнули зеленым светом, — КРЕСТ!

Пулей я бросилась обратно, бросив Крису на ходу «Подожди здесь».

Я влетела в комнату, порылась в нижней полке трюмо и достала крест с черным камнем, который Патрик подарил мне после финала чемпионата мира по квиддичу. Теперь я была твердо уверена, что именно такой крест я видела в руках отца, прежде чем он исчез из коридора в тот день. Может быть это портключ? Нет, не может, я сто раз прикасалась к этому кресту, перекладывая его с одного места на другое, потому что он вечно мне мешался и попадался где не надо во время учебного года, и при этом ничего со мной не происходило. Действительно, когда я взяла его в руку, ничего не произошло, и я вернулась обратно в коридор цокольного этажа, крепко зажимая украшение в руке.

— Это что? — спросил Крис, когда я протянула ладонь, демонстрируя подарок брата.

— Вот сейчас и узнаем.

Я присела на корточки и начала осмотр полки с самой нижней — если это ключ, то для него должно быть отверстие. Но ничего не было. Книжки плотно прилегали друг к другу, на нижних полках лежала пыль. Крестик в руке мне мешался. Встав, чтобы осмотреть остальную часть стеллажа, я положила его на одну из полок. И услышала щелчок. За ним еще один. Потом раздался скрип, но довольно тихий, и стеллаж почти бесшумно отъехал в сторону. За ним, как я и думала, зияла дыра в стене. Я видела только две верхние ступеньки, уводившие вниз, а вслед за ними потайной коридор погружался в кромешную темноту. У меня не было ни фонаря, ни... права колдовать во время каникул.

Однако Крис, оправившись от первого шока, захлопнул челюсть, вытащил из-за пазухи палочку и скомандовал:

— Люмос!

Он первым ступил на лестницу, я — вслед за ним. Мы оба дрожали от страха, а еще больше — от возможности совершения невероятных открытий. Слабый свет на конце его палочки освещал лестницу максимум на два шага вперед, и нам приходилось идти очень осторожно, ощупывая ногами каждую следующую ступеньку, прежде чем шагнуть на нее. А Крису ко всему прочему приходилось идти, согнувшись в три погибели — потолок был слишком низким для него.

Мы уже ушли как минимум на этаж ниже под землю, когда лестница закончилась и нашим глазам открылся небольшой кусок комнаты с земляным полом.

— Погоди-ка, — Крис прошел вдоль стены и нашел факелы в подставках. Зажег их простейшим заклинанием, по очереди, обходя комнату, которая оказалась круглой. Тогда мы как следует огляделись. Посреди комнаты стоял большой стол, напомнивший мне варварский алтарь, потому что то, чем он был заляпан очень сильно напоминало мне засохшую кровь. У стен стояло несколько шкафов, в основном в них были какие-то сосуды и мензурки с разноцветным содержимым или пустые. Многие — хрустальные, точно такие же как отец покупал пару лет назад в лавке Борджина.

Рядом еще один стол, на котором тоже стояли какие-то реагенты, спиртовка и котел.

Я приблизилась к тому шкафу, что стоял поближе. Глазки змейки настойчиво мигали.

— Так значит сейф, Патрик? Сейф? — повторяла я как заведенная, ощупывая стеклянный шкаф в поисках чего-то необычного. Крис разглядывал другой, но прикасаться к нему, а тем более открывать даже не пытался. Тем временем мое внимание упало на небольшое отверстие во влажной глиняной стене. Я вложила в него руку. Разумеется, что-то сразу произошло. Я находилась в полной уверенности, что не сделаю ни одной ошибки. В другом конце комнаты Крис ойкнул от неожиданности — кусочек стены у самого пола распахнулся как дверь. Я вспомнила «Алису в стране чудес» — сейчас я загляну в эту «дверку» и увижу там удивительную страну, но буду слишком мала, чтобы туда попасть...

Почти распластавшись на полу (Крис светил мне палочкой) я убедилась, что там нет никаких ловушек, лишь только лежит какой-то маленький сверток.

Сейчас я думаю, что нам чертовски повезло, что сверток был не защищен **ВООБЩЕ** ничем больше кроме того, что был якобы надежно спрятан. Без кольца я бы не нашла его.

Когда я потянулась за ним, глазки змеи там ярко загорелись, что этот свет показался мне ярче огонька на палочке Криси. Мой безымянный палец пульсировал, как отдельное сердце.

Я уже знала, что я увижу, когда развяжу сверток.

ОНО красиво переливалось, каждый палец состоял из нескольких серебряных фаланг, мобильно соединенных между собой — видно было, что они могут сгибаться, но для этого придется приложить силы, потому что сейчас они казались окаменевшими — и на конце венчался когтем.

— Это что? — спросил Крис, наклоняясь и разглядывая находку, — Похоже на птичью лапу.

— Лапа и есть, — сказала я, — Брошь Лапа Орла.

— Та самая?! Постой, а это что? — он аккуратно отодвинул в сторону «брошь» и кончиками пальцев взял маленький кусочек пергамента, свернутый в трубочку. По размерам он напоминал мне папиросу, из которой вытрясли табак, — есть у меня подозрение, — сказал Крис, поднеся бумажку к глазам и разглядывая его, — Что он уменьшен. Знать бы увеличивающее заклинание... Черт, мы его еще не проходили.

— Энларго, — сказала я, даже не задумываясь, — Представь себе как предмет увеличивается. Движение палочки снизу вверх и резко налево.

— Что ты делаешь в Слизерине с такими знаниями?

Я зарделась:

— Сортировочная шляпа хотела отправить меня в Рейвенкло. Я отказалась.

— И это была самая огромная ошибка твоей жизни! — сказал Крис, горько усмехаясь, — Если сейчас мы не совершим еще большую вдвоем... Так... Энларго! — скомандовал он, махнув палочкой так как я сказала.

Пергамент действительно значительно увеличился в размерах и стал длиной уже не с мой палец, а с предплечье.

— Ну что там, что там? — Крис нетерпеливо схватился за мое плечо, ожидая что я разверну пергамент.

— Слушай... — я не торопилась, — Ты понимаешь, что мы собрались сделать?

— А мы собрались что-то сделать, кроме как прочесть, что там написано? — он невинно моргнул.

— Крис, мы же не дураки. Мы оба знаем, что скорее всего там инструкция, как соединять кольцо и брошь. Помнишь мы говорили об этом... Мы ведь даже не подумали, что может случиться, если обряд проведем мы.

— Хм, ну давай подумаем сейчас. Согласно твоему мнению, что есть справедливость?

— Чтобы... нет, Крис, я не знаю... еще пару лет назад я бы сказала «чтобы твой отец прекратил охотиться за моим и оставил его в покое» но сейчас на языке так и крутится «чтобы мой отец получил по заслугам». А так нельзя... нельзя желать ему зла... Он же мой отец...

— Несмотря на то, что он сделал?

— В том-то и дело, я не знаю, что он сделал.

— А если ничего не сделал, то в любом случае ему ничего не грозит. Это же высшая справедливость, понимаешь! Она не ошибается.

— Ну хорошо, а чего бы ты хотел? Что тебе покажется справедливым?

Он потупился.

— Я не могу тебе это сказать.

Я приподняла брови:

— Точно не можешь?

— Это тайна.

— Разве у тебя от меня есть тайны? У меня вот от тебя нет.

— Сель, я... слушай, мне кажется, что справедливо... если один человек любит другого... чтобы ему отвечали взаимностью...

У меня заколотилось сердце.

— Для этого тебе не нужны никакие колдовские обряды, — тихо сказала я.

— Ты... что ты имеешь в виду?

Я занервничала.

— Крис, давай поговорим об этом позже... Просто поверь мне, уж о чем о чем, а об этом... тебе не стоит волноваться. Скажи мне, что еще?

Он все еще смотрел на меня с надеждой в глазах. Он ждал, что я скажу ему, что я люблю его? Но неужели можно быть таким глупым, чтобы не видеть этого?

— Я хочу чтобы нас оставили в покое. Чтобы дали нам быть вместе, — проговорил он на одном дыхании, и немного погодя, добавил, — Чтобы мы прекратили прятаться, чтобы нам не запрещали дружить. Наверное для того чтобы это случилось, нужен кто-то, кто объяснит нашим отцам...

— Я тебя понимаю... Я тоже этого хочу, — кивнула я и развернула пергамент. Вопреки моим ожиданиям, текст на нем был не на латыни, а на староанглийском.

— Сделаем это?

Он кивнул и взял у меня брошь.

— Клади ее на стол, — сказала я, он послушался, я сняла и положила рядом кольцо.

В пергаменте говорилось, что половину заклинания должна говорить женщина, половину — мужчина. Само заклинание походило на какой-то корявый детский стишок, и у меня на секунду возникло ощущение, что тот, кто оставил эту инструкцию вместе с брошью, хотел подшутить над нашедшим ее. Но попытка не пытка... По крайней мере, я так надеялась.

Мы склонились над пергаментом и изучили его содержимое:

(хором) Слушай маг и повелитель,
О Великий Мерлин!

(мужчина) Ветры гор, и гладь озер
И вода ручья
Пред лицом твоим Орел
И его Змея

(женщина) Дай нам силу, дай нам мощь,
Дай нам Справедливость
Чтобы Хаос превозмочь,
Как нам и не снилось.

(мужчина) Разбуди в земле огонь
 Растревожь ты реки
 Твердой дланью, маг, ты тронь,
 Смеженные веки

(женщина) Да откроются глаза
 Да проснется Воля
 Да придет к нам Справедливость
 Сушей или морем.

— Бред какой-то, — сказал Крис, качая головой, — И это все? Ну а какие-нибудь заклинания, или может какое-то зелье?

Я перевернула пергамент, Крис даже прочел на нем выявляющее заклинание — мало ли, может стих для отвода глаз, а настоящие Слова скрыты? Но нет, он оставался чистым с обратной стороны.

— Ну ладно, вздохнула я, — тут написано, что мы должны зажечь две свечи, встать рядом и соединить руки.

— Только б не засмеяться, когда я буду этот стишок читать. Моя сестра похожим способом вызывала дух Кровавой Мэри когда училась на первом курсе. Все это закончилось тем, что ее комната была обляпана воском, и еще она зеркало разбила.

Мы сделали как было сказано. Постарались с самым что ни на есть серьезным видом прочесть этот глупый стишок.

Когда я дочитывала «Да придет к нам Справедливость сушей или морем», я была на грани того чтобы гомерически захохотать, у меня даже скулы заболели. Но сумела — дочитала. Возникла пауза. Ничего не случилось.

— Ну и что теперь... — начал Крис, но запнулся, когда раздался резкий щелчок. Лапа подскочила на столе и защелкнулась вокруг кольца, — О черт, — закончил он.

Потом прошла еще секунда, и брошь, как напружиненная, отскочила в сторону.

Мы переглянулись.

— Мне померещилось?

Я сумела только помотать головой.

Не без опаски Крис протянул руку и дотронулся до броши. Видимо он боялся что сейчас та поведет себя как бешеная механическая челюсть, которые мы запускали по школе на Хеллоуин, чтобы пугать друг друга: они скакали и клацали зубами тук-тук ням ням ням.

Но брошь не подавала никаких признаков «жизни».

Я, в свою очередь, забрала кольцо и надела на правую руку.

— И вот еще, — заметила я, водя пальцем по пергаменту, — тут в конце говорится, что после совершения обряда мы должны хранить артефакты при себе.

— То есть, я должен забрать эту лапищу себе?! Но ведь обнаружат, что она исчезла...

— Крис, ты хочешь чтобы все было, как мы задумали? — спросила я менторским тоном. Он кивнул, — тогда бери. Считай, что это подарок тебе на день рождения.

— Я бы предпочел упаковку бомб-вонючек, например... — он издал нервный смешок.

До конца дня мы маялись каким-то идиотизмом (ели, играли в карты и плюй-камни), не говорили ни о чем серьезном, и ждали, что вот-вот произойдет что-то невероятное. Что, например, сейчас небо рухнет, или дом провалится под землю. А потом сушей или морем придет справедливость со страшным оскалом на лице, побрякивая карманными весами и непременно с кривым ятаганом в зубах.

Конечно же ничего особенного не произошло кроме того что я проиграла ему несколько партий подрывного дурака подряд.

Наконец опустились сумерки.

— Ты хочешь завтра поехать домой? Или сегодня? — аккуратно спросила я.

— По правде говоря, — сказал Крис, запуская руку в волосы, — Я не очень хочу ехать... И я бы остался до завтра. Это не слишком нагло?

Конечно не нагло, глупый. Будь моя воля, я бы тебя вообще никуда не отпустила. Так я подумала про себя. А на самом деле сказала:

— Нет, что ты. Конечно оставайся.

За углом раздалось дребезжание вкупе с монотонным пением. Так, Лида возвращалась в дом, с ведром и садовыми инструментами в нем, которые создавали какофоническое сопровождение ее пению. Сейчас она примет душ и уснет мертвым сном. Как обычно.

Крис покосился на меня, заметив, что я прислушиваюсь к звукам с другой стороны дома.

Потом тоже наострил уши.

— Ты думаешь о том, же о чем думаю я?

— Я не знаю о чем ты думаешь, — сказала я растерянно.

— Пошли в оранжерею.

— Крис... а не много ли приключений на сегодня?

— Брось! Ты считаешь чтение стишка в грязном подzemелье приключением? Пошли разроем грядку! А вдруг...

— Нет, — твердо сказала я, — мы не будем этого делать. Если грядку можно потом забросать землей, то цветы обратно не посадишь. Мы же их переломаем. И потом... понимаешь, если там действительно... ну если мне это не привиделось, я уверена, что эти скелеты были потом перезахоронены.

— Перепрятаны, ты хочешь сказать? — нахмурился он, всем своим видом демонстрируя недовольство.

— Прости, но сейчас ты мне напомнил твоего отца, — выпалила я и тут же пожалела о своем опрометчивом замечании; я подумала, что сейчас он на меня рассердится, надуется и, чего доброго, уйдет.

Но реакция была совершенно противоположной.

— Ты права, — сказал он. Я?! Я права?! А такое бывает?

— Ты права. Меньше всего мне хотелось бы быть похожим на него. Извини.

— Но ты... ты все равно похож на него внешне, — сказала я.

— Чегооооо?!

— Ну... не то чтобы очень... но черты похожи. Только однажды твой отец приходил сюда. Они обыскивали поместье. И я сразу поняла, что он твой родственник. Но ты красивый, а твой отец... у него лицо злое. Я плюнула ему в лицо! — закончила я на одном выдоху.

— Ты чегооо сделала?! — Крис вскочил и бросил карты на подоконник.

— Плюнула ему в лицо...

Крис посмотрел на меня неверящим взглядом, и я снова подумала, что сейчас он рассердится. И снова ошиблась. Он начал смеяться. Я в первый раз слышала как он смеется. И это было настолько заразительно, что через пару секунд я тоже захихикала, а потом ударилась в хохот.

— Вот и познакомились, — ржал Крис, — А я думаю, чего он тебя так не любит. А ты ему наверное прическу испортила. Промахнулась мимо лица, ага. Ты точно помнишь, что попала в лицо?

Я схватилась за живот от смеха, у меня уже скулы болели.

— Мисс Селена? — донесся голос из-за двери. Наш хохот моментально прекратился.

— О черт, это Лида.

Через секунду она снова окликнула меня и постучалась в дверь.

— Мисс Селена, Вы в порядке?

— Прячься, скорее! — я запихнула Криса в гардероб, где он чуть не запутался среди мантий.

Потом пригладила растрепавшиеся волосы и открыла ей, нарисовав на лице безразличие (это мне трудно далось).

— Я слышала шум, Вы в порядке? — спросила она в который раз.

— Да, я... я в порядке. Это просто... мои поющие поганки.

— Поющие поганки? — прищурилась Лида, — я не знала, что у Вас есть поющие поганки.

— Ну так вот они у меня есть!

— Ну хорошо... Извините, что потревожила... Спокойной ночи. И... — она быстрым взглядом окинула комнату у меня за спиной, — попросите Ваши **поющие поганки** смеяться потише. И если будете слушать Ваши **поющие поганки** всю ночь, то не берите их с собой в кровать, пожалуйста.

С этими словами Лида снисходительно улыбнулась и, развернувшись на каблуках, удалилась. Черт, ну какая пронирливая женщина!

Я захлопнула за ней дверь, малость похихикивая, и открыла гардероб, чтобы выпустить его незадачливого узника. И застала совершенно исключительную сцену — Крис, вместо того чтобы вжаться в стенку и боязливо ждать, пока ненужный свидетель уйдет, обнимался с одной из моих мантий. Говоря конкретнее, он ее нюхал. Когда я распахнула дверь шкафа, он испуганно отпрянул, но я все равно успела заметить.

— Ты... ты что это делаешь?

У Криса были какие-то затуманенные глаза, и я успела еще подумать, что будь у меня в шкафу бутылка бренди, мог ли он успеть напиться, когда оказалась в его объятьях. Его губы вжались в мою шею, как будто он хотел прокусить ее словно вампир, руки гладили меня по спине, он тяжело дышал. В первый момент я потерялась, но чувствуя какое от него исходит тепло, тоже прижалась к нему, еще крепче. Крис покрывал поцелуями мою шею, подбородок, щеки, виски... у меня тоже начались нелады с дыханием.

— Что... что т... ты делаешь? — проговорила я, к своему удивлению, с колоссальным усилием.

— Я не знаю, — прошептал он мне на ухо не своим голосом и ртом нашел мои губы. Это было... не так как я всегда мечтала. Совсем не так.

Это было гораздо лучше. Если бы я не прислонилась к стенке гардероба, и если бы он не держал меня, я бы наверное поднялась в воздух и улетела. Его губы были теплыми, нежными, поцелуй — влажным, страстным, он настойчиво приоткрыл мой рот и проник в него языком, я ответила ему тем же. И еще через секунду услышала свой собственный стон.

— О черт... — почти со звериным рыком он отпрянул от меня, как будто я в этот момент стала заразной. Его грудь поднималась и опускалась с учащенной быстротой, лицо покраснелось... и наверное, я выглядела не лучше. Я стояла, вдавившись в этот треклятый шкаф... благословенный шкаф! И чувствовала, что если двинусь с места, то свалюсь на пол моментально — потому что комната перед глазами плыла.

— Прости, я... твоя одежда... она пахнет тобой... и мне захотелось... я просто потерял контроль.

— Крис?

— Да?

— Еще...

Его не надо было просить дважды.

* * *

— Пожалуйста, остановись, — это я сумела сказать, когда уже лежала на кровати, а он — сверху, всем весом на мне. Его рубашка и моя блузка валялись уже где-то в другом конце комнаты на полу.

Он неохотно послушался и откатился в сторону.

— Что... что такое? Я что-то сделал не так?

— Нет, просто... — я могла отделаться от этих воспоминаний в обычные моменты. Ну почему они должны были всплыть именно сейчас, — я... я не могу...

К моему удивлению он не стал сердиться и уговаривать меня, а клюнул меня в щеку все еще дрожащими губами, красными и распухшими от поцелуев и погладил по волосам.

— Я понимаю... Давай я тебя накрою, — сказал он. Я улеглась и под одеялом сняла юбку и гольфы. Он же встал и принялся прощупывать пол в темноте в поисках своей рубашки.

— Крис?

— Да?

— Не уходи пожалуйста...

Только что найденная рубашка была снова отброшена в сторону, а за ней и брюки. Он устроился под одеялом рядом со мной.

— Не уйду.

— Прости, я...

— Тсссс, — он приложил палец к моим губам, — ни слова больше. Спи, Сель, — и поцеловал меня в лоб. Я повернулась на бок и прижалась к нему всем телом. И подумала, что теперь у меня точно получится создать Патронуса.

— Я люблю тебя, — донеслось до меня в полудреме.

— Я тебя тоже люблю, — тихо сказала я, и тут же погрузилась в сон.

Глава XVII. Inceda per ignes

Утро следующего дня встретило меня дождем и одиночеством. На трюмо лежала записка:

Если бы ты проснулась до того, как я собрался уйти, я бы уйти не смог.

Тысячу раз люблю тебя... Пожалуйста не грусти.

Твой Кристофер

P.S. Я пришлю сову

А в расческе запуталось несколько светлых волосков. Я вытщила их и намотала на палец. Потерла между ладонями, потом скатала в комочек и положила в трюмо, между шкатулкой с украшениями и пудреницей.

Вы можете представить себе что такое полтора месяца в одиночестве, в огромном пустом доме? Мы можете нарисовать эту картину в голове? Вы, наедине с книгами и парой слуг, которые больше похожи на кукол, встаете утром, дышите, ходите, едите, потом ложитесь спать... Потом все по новой, и так без конца. Это было самое ужасное лето в моей жизни. После того как Крис уехал, у меня в памяти не задерживалось никаких воспоминаний об этом лете. Пару раз он присылал письма, в которых писал, что отец теперь неусыпно следит за каждым его шагом, что его никуда не пускают, и спасало меня лишь «Люблю тебя» и «Твой» в конце письма.

Мой, мой, мой... принадлежащий мне. Эти добрые глаза с чуть опущенными вниз в уголках веками, эта ямочка на щеке, когда улыбается, эти длинные пальцы, которые могут быть крепкими как камень, когда держат битую, наносящую сокрушительный удар по свинцовому бладжеру, и нежными когда...

О Крис... Мой, мой, мой.

Он был совершенно Новым, Другим человеком, когда я увидела его в следующий раз. Самый красивый, самый любимый, самый нежный.

Если бы можно было словами рассказать как я люблю тебя. Я все отдам ради тебя.

Только чтобы ты стоял и смотрел на меня как в этот момент, на вокзале, когда между нами сновали люди, животные, воздух... воздух замирал... Чтобы ты всегда бежал мне навстречу как тогда, чтобы обнимал меня и шептал, пряча лицо в моих волосах «Господи Иисусе, как я скучал по тебе, Сель... Как скучал...»

И чтобы я чувствовала это в кончиках твоих пальцев, глядящих меня по лицу... В зависти чужих взглядов. В воде, что наполняет глаза. Всегда... всегда... не покидай меня, пожалуйста... Всегда — это лишь мгновение...

— Я должен кое в чем признаться тебе, — сказал он с улыбкой, помогая мне поднять чемодан в вагон и отводя меня в сторону от толкавшихся у входа в него студентов, — Ты мне снилась все лето. Мне снилось что я летал и носил тебя с собой.

— Это не сон, — шепотом сказала я.

— Да, — ответил он, — теперь у нас впереди целый год. Мы каждый день будем вместе. Каждый день.

Прижавшись к нему, я тихо заплакала.

Улыбалась и плакала. Еще год... а дальше — мне уже все равно, что будет дальше. Мы сели в поезд. Поезд, настукивая свою любимую мелодию, увозил нас в единение.

* * *

Новое лицо за учительским столом замечаешь сразу, ровно как и чье-то отсутствие в стане учителей. Ведь преподавателей всего несколько, а студентов — сотни. Она сидела на том месте, где на Пире все прошлые годы восседала профессор Типси. Очень молодая, не более чем на семь лет старше меня, с длинными черными волосами, и каким-то очень удивленным выражением лица, словно она не понимает, куда попала. Я облегченно вздохнула — неужто у нас будет новый преподаватель по маггловедению? Быть может тогда я перестану засыпать на занятиях. Эта женщина выглядела безобидно, вряд ли она будет штрафовать всех направо и налево, подумала я, и уж точно не станет на занятиях жаловаться на свои болячки.

— Профессор Типси ушла на пенсию, — сказал Дамблдор помимо прочего в своей вступительной речи, — и я хочу представить вам нового преподавателя по маггловедению, мисс Ингу Григорьеву.

Она кислым взглядом окинула зал, слегка кивнула, кто-то пару раз хлопнул в ладоши без особого энтузиазма, исключительно из вежливости. Я тоже поаплодировала. Такие перемены всегда позитивны.

Я повернулась в сторону стола Рейвенкло и нашла глазами Криса. Он тоже с интересом разглядывал мисс Григорьеву. У нас никогда не было таких молодых преподавателей.

А потом почувствовала на себе взгляд. Тина сидела напротив, через несколько сидений от меня и очень внимательно изучала мое лицо, как будто стремилась прочесть по его выражению мои мысли. Когда поняла, что я тоже на нее смотрю, она быстро отвернулась. Джаде нигде не было видно.

После пира мы спустились в подземелье, и зашли в комнату, а Джаде так и не появилась.

Когда я уже лежала в кровати, и нащупывала сон, раздался голосок Тины:

Она позвала меня по имени.

— Что тебе? — с напускной сердитостью и вполне реальным удивлением (с чего это она вдруг решила со мной заговорить?) спросила я.

— Где Джаде?

— Она твоя подруга, тебе лучше знать, — фыркнула я и решила, что на этом разговор закончится.

Но нет.

— А вдруг с ней что-то случилось?

Я резко поднялась и отодвинула полог.

— Странная ты, Бредфорд. А мне должно быть дело до того, что с ней случилось? Вы же со мной не разговариваете, забыла? Я же книжный червяк, я же шлюха, которая отдается преподавателям за высшие баллы. С чего это вдруг тебя стало интересовать мое мнение?

Тина молчала, она тоже раскрыла полог и сидела в подушках — я видела ее очертания в неверном свете одной-единственной свечки, которая горела на прикроватном столике отсутствовавшей Джаде. Она молчала, а я распалаясь...

— И что ты думаешь, после того как ты вела себя так, как будто меня вообще нет, я должна сейчас бросаться тебе в объятия, да?!

— Я так не думаю, — тихо и — виновато?! — проговорила она.

— Ну вот и спи, — и я грохнулась обратно на перину, скривившись от злости. Злости ли? Скорее всего это была надменная гордость.

— Я просто много думала летом...

— Ааах ты умеешь думать? — кипятилась я, снова вскакивая.

Она не обратила внимания на мой выпад — ни дать ни взять невинная овечка — и продолжала:

— Я поняла, что мы... что это было жестоко и мы были неправы.

Интересно, что ей пришлось пережевать в голове, чтобы решиться и сказать ТАКОЕ?

Теперь я не знала, что же ей ответить.

— И что я должна попросить прощения. Прости.

Что-то подсказывало мне, что будь Джаде сейчас здесь, Тина ни за что бы не извинилась, куда там! Джаде всегда была заводилой, Тина ее слушалась. А что будет, если завтра утром мы проснемся и Джаде будет в школе? Тина заберет свои извинения обратно? Меня бы это не удивило на тот момент.

— Спокойной ночи, — сказала я настолько спокойным голосом, насколько могла, и наконец улеглась спать.

— Селена...

— Ну что еще? — на этот раз мое восклицание не носило оттенка злости.

— Ты встречаешься с тем парнем из Рейвенкло? С их отбивающим?

— Да.

— Он красивый...

— Да.

— Спокойной ночи.

* * *

На следующий день мы уже разговаривали. По мелочи, осторожно, но по крайней мере не шарахались друг от друга как здоровый от чумного. Но на маггловедении (которое стояло в расписании на 2 сентября) я по прежнему сидела рядом с Крисом. Мисс Григорьева вблизи

показалась мне даже еще моложе чем я подумала, у нее были очень подростковые манеры и голос. Она рассказывала довольно интересно, и задавала много вопросов, так что, разумеется, ни о какой сонливости во время лекции речи не шло.

В середине урока я почувствовала как чья-то подлая рука ползет по моей коленке. Щекотно! Фыркнуть на него? Дернуться? Мы сидим за первой партой, черт! Крис смотрел на меня и ехидно улыбался. Но молодая учительница, казалось, не обращает внимания ни на кого, только поглядывает в свои записи, потом на последнюю парту, потом снова в свои записи. Интересно, она уже настолько хорошо осведомлена о близнецах Уизли, что ждет вот-вот какой-то подставы? Иначе зачем ей пялиться на Джорджа?

— Ай! — Крис пощекотал меня под коленкой, и я захихикала. Инга не обратила никакого внимания. Тогда я столкнула его руку, ткнула локтем в бок и показала ему язык. Он попытался меня ухватить за язык пальцами. Мисс Григорьева спокойно прохаживалась между партами, рассказывая... Потом он тоже начал дразниться — покажет язык и убирает. Тут уж я не удержалась и полезла к нему — поставила пальцы в позицию *хап-хап* прямо у его лица и стоило ему чуть-чуть высунуть язык, пыталась схватиться за него.

От сдерживаемого хихиканья у меня уже разболелось горло.

— Вы неправильно делаете, мисс Нотт, — сказала внезапно мисс Григорьева, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы очухаться и понять, что она обращается ко мне, — Так у Вас ничего не получится. Это делается так. Связываете человеку руки, затыкаете ему нос, а когда он откроет рот, чтобы вздохнуть, всю руку туда засуньте, наверняка уж ухватите за язык.

Класс заржал. Я покраснела, но обиды на учительницу не почувствовала — по ее тону было слышно, что она просто шутила, а вовсе не намеревалась саркастично насмеяться надо мной. Крис подмигнул мне и я готова была поклясться что в этот момент у него в голове были какие-то неприличные мысли.

Он руками красочно показал мне как обматывает мне запястья веревками и связывает.

— И не мечтай! — сказала я одними губами и снова захихикала. Мисс Григорьева сдержанно улыбнулась, но больше не делала замечаний.

В общем впечатление о первом ее уроке было приятным, и потому что сам урок был вполне интересен, и потому что на занятии мы дурили, а нас за это даже не отчитали.

Однако день за днем продолжали происходить неожиданные вещи, как и приятные, так и не очень, но все время непривычные для размеренной жизни в школе. Например в первый же учебный день за ужином, когда профессор Снейп сел за стол, прямо перед его лицом разорвалось несколько навозных бомб. Представляю, какой это был стыд и позор для него... я представила себя на его месте и мне чуть не стало плохо. Но он держался с достоинством. Быстро убрал последствия взрыва, и уж после этого, без спешки и без паники, покинул зал, чтобы привести себя в порядок.

Или например, мы с Крисом гуляли вечером у озера и чуть поодаль заметили Джорджа Уизли и... нашу преподавательницу по маггловедению! Они сидели на подстеленном плаще и о чем-то оживленно болтали. И явно не об учебе. Преподаватель и студент? Гуляют вместе? Мы переглянулись, но никак не стали комментировать.

А за пару дней до этого произошло вообще нечто невероятное: мисс Григорьева сказала, что Дамблдор разрешил нам в качестве практических занятий, во-первых, посмотреть синематограф (для чего мы все вместе поедем в Стратфорд), а во-вторых, поставить пьесу одного маггловского драматурга.

Итак, мы оба решили попробовать себя в качестве актеров и отправились за пьесой в библиотеку...

Мне еще нужно было доделать домашнее задание, а Крис сел рядом и взялся за пьесу. Полтора часа прошло в молчании — только поскрипывание пера и шелест переворачиваемых страниц.

Внезапно Крис, безо всяких предисловий, продекламировал четверостишие:

— Я воплощенье ненавистной силы

Некстати по незнанию полюбила!

Что могут обещать мне времена.

Когда врагом я так увлечена? ¹

¹ перевод — Б. Пастернак

— Что это? Это из пьесы?

— Да, но из другой... Это трагедия... Я перелистывал, и вот...

— О чем? — я подседа к нему поближе и заглянула в «Избранные комедии и трагедии Уильяма Шекспира».

— О двух семьях. Они враждуют, а двое их детей, по имени Ромео и Джульетта, влюбляются друг в друга.

— И что потом происходит?

— Они тайком от всех обвенчались. Я еще не дочитал до конца.

— Понятно.

Мы вернулись к своим делам: он — к чтению, а я к последнему листу эссе по дурманящим чарам. Так прошло еще полчаса.

— Они умерли, — тихо сказал Крис, захлопывая книгу и жалобно глядя на меня. Я отложила перо.

— Умерли? — глупо переспросила я.

— Да.

— Зачем?

— Так получилось. Покончили с собой. Тебе надо это прочесть, — я заметила, что он бледен.

— Крис, что с тобой?

— Ничего, я... я просто под впечатлением... Это очень напоминает мне...

— Нас? — закончила я.

— Да, — кивнул он, потирая уставшие глаза.

— Но нам ведь незачем умирать. И убивать нас тоже никто не собирается... Ну если конечно Сам-Знаешь-Кто не придет в Хогвартс и не...

Крис побледнел еще больше.

— Да брось ты, я просто пошутила!

— Нет, я подумал... что в общем другого выхода у них не было. Они бы никогда не убедили свои семьи позволить им быть вместе.

Я взяла его за руку. Мадам Пинс, протиравшая полки по соседству, покосилась на нас, но ничего не сказала.

— А мы не будем их спрашивать, — сказала я шепотом.

Он сжал мою ладонь.

— А они нас? Наверное... наверное лучше хоть немного счастья вместе, чем всю жизнь порознь.

— По крайней мере, это у нас есть. Немного счастья. Немного времени.

— Да.

— У нас есть Хогвартс.

— У меня есть ты, — улыбнулся Крис и поцеловал меня в лоб.

* * *

А потом наступил день, когда мы должны были отправиться в Стратфорд. От волнения утром у всех шла кругом голова, и нам казалось, как будто мы птички, которых наконец-то выпускают из клетки полетать.

Злая и колючая как репей профессор МакГонагалл бегала туда-сюда и пыталась выстроить семикурсников в ряд, по парам, но стоило ей успокоить галдевших в голове этой процессии, как начинал шуметь хвост. Я держала Криса под руку и нетерпеливо пристукивала ладонью об мантию.

— Да заткнитесь же вы наконец! — вскричала профессорша трансфигурации, ударяя по полу каблуком. Ее остроконечная шляпа съехала на бок. Увидев кого-то позади, в Холле, она немного успокоилась, — Представляю вам мистера Белла, — все головы повернулись в ту сторону, куда она смотрела, а моя особенно быстро, — Он будет сопровождать вас.

Я поднялась на цыпочки и сердито прошептала Крису на ухо:

— Они что, совсем сдурели, он же...

— Шагом марш! — скомандовала МакГонагалл и от неожиданности я запнулась.

Нестройно процессией, пиная друг друга, мы побрели к воротам замка. Мисс Григорьева впереди, а Айзек Белл, не обращавший на меня (да и вообще, на кого-либо) никакого внимания — следом за нами.

Магловский синематограф лично мне очень понравился. Сначала, правда, я возмутилась. Если уж маглы снимают историю про Мерлина, так пусть узнают все факты... Разве это так трудно? Мне не понравилось, что королева Маб вместо маленького эльфа размером с ноготок, выглядела там как человек, и подозрительно смахивала на профессора Синистру, когда она не выспится. Артур был вообще мальчишкой... Мерлин без бороды. На вид ему было лет сорок. Но в финале я расплакалась. Разревелась совсем не так, как рыдала столько раз, от жалости к себе — расплакалась от счастья.

— Никак не пойму, что это за заклинание было. Как он так сделал что они с Нимуэй молодыми стали? Я не помню этого... Это проходят в школьной программе? — недоумевал Пол после того как все закончилось и мы собрались уходить.

— Просто только Мерлин так мог, ты, пустомеля! — сказал Крис, толкая его в бок, потом с готовностью достал из кармана платок и подал его мне.

Когда мы вышли из кино, то наконец заметили, что Айзек Белл пропал. Наверное, я запаниковала больше всех. Я не доверяла ему, потому что теперь знала почти наверняка, кто он... И это недоверие усилилось, когда выяснилось, что он, оказывается, официально служит в министерстве аврором.

Мисс Григорьева тоже испугалась. Возможно, двое людей в плащах, что шли за нами, были просто прохожими, но она сбила одного из них с ног и велела нам быстрее возвращаться в школу.

Впрочем, ее паника понятна. Ходили слухи, что в Министерстве происходит что-то странное, хотя Фадж по-прежнему отрицал возможность того, что Темный Лорд вернулся.

А мне и слухов не надо было...

В школе нас пересчитали как цыплят и отправили восвояси. Я потянула Криса за собой вверх по лестнице.

— Ты не голодна?! — воспротивился он, — пойдём обедать!

Мимо нас кучками спускались студенты на обед, но я стояла и ждала, пока лестница опустеет.

— Мне надо с тобой поговорить.

Наконец Большой Зал наполнился шумом голосов и звоном посуды, а в холле стало безлюдно.

Я достала из кармана его платок и протянула ему. Он механически потянул кусок клетчатой ткани на себя, но я не отпускала.

— Я просто хотела сказать...

— Да?

— Ты помнишь, как мы познакомились?

— Конечно, помню, — немного нетерпеливо ответил он, — в поезде. Я... я дал тебе платок, — закончил он со смешком.

— А ты знал тогда, кто я? Ты слышал про моего отца?

— Почему ты спрашиваешь?

— Ну вот... спрашиваю...

— На распределении, понял, да. Но мне было все равно.

— Правда?

— Глупая! — он потряс меня за плечи, — зачем ты задаешь такие вопросы, неужели ты боишься, что мне есть дело до того, кто твой отец.

— Нет, просто я... я хотела тебе сказать, что... я люблю тебя с того момента, как увидела в поезде шесть лет назад...

Крис вздохнул и обнял меня.

— Ты знаешь, Сель, ты слишком много плохих мыслей в голове варишь. Слишком много. Ты не дочь своего отца, потому что ты — это ТЫ. Лучше думай почаще о хорошем... о таком...

— Ты меня любишь, Крис?

— Я люблю тебя. И еще я... — он чуть заметно покраснел.

— Что?

— Ничего.

— Нет, скажи.

— Ничего! — повторил он чуть более громко, чем требовалось, и потянул меня за руку, — Пойдем есть, я просто умираю от голода.

Мы вошли в Зал, взявшись за руки. Когда мне пришлось отпустить его ладонь, чтобы пройти к столу его факультета, мне показалось, что я только что разжала пальцы, которыми держалась за скалу, вися над пропастью.

* * *

Через щелочку в двери мы по очереди поглядывали на большой зал. По традиции он был обеденным, но не раз перевоплощался: в дуэльный клуб, в бальную залу... Сегодня, всего на вечер, он должен был стать театром.

Крис очень нервничал. Ему досталась одна из главных ролей, а мне — второстепенная. Но я нервничала не меньше.

Рядом со мной Джордж Уизли приводил в порядок костюм, Ли Джордан с ужасом смотрел на нарощенную для спектакля бороду, и Чу приглаживала платье. Мисс Григорьева пыталась всех успокоить.

Спектакль прошел нормально. Большею частью я стояла за сценой и любовалась на Криса. Когда была моя очередь выходить на сцену, приходилось срочно снимать с лица выражение мечтательности и прикидываться глуповатой плутовкой, какой была моя героиня. Те эпизоды, в которых Крис должен был ругаться с Анжелиной — выходили у него особенно естественно. Представляю, что бы было, окажись на их местах я и Фред Уизли. Может быть... а может быть и нет. Мои отношения с Фредом уже второй год были... не были. Мы притворялись, что не видим друг друга.

Наконец настал момент, когда Крис и Анжелина разыгрывали бурное примирение. Я отвернулась. Сейчас он должен будет ее поцеловать — меня либо стошнит, либо я его убью! Рядом со мной внезапно шикнула мисс Григорьева «Крис! Что ты делаешь!» — но я не успела заметить, что именно он сделал, он сообщил мне уже потом: вместо того чтобы поцеловать Анжелину как следует, он аккуратненько клюнул ее носом «потому что если бы я это сделал, меня либо стошнило на месте, либо... ты бы меня убила»

— А за что это я должна тебя убить?

— Как за что? За измену!

Я рассмеялась.

Переодевшись, мы вышли в зал и уселись за стол. Дамблдор поднялся и поблагодарил актеров и постановщика. Но праздник продолжался, и мы принялись за еду, которая была отменной, как обычно. Лично я думала, что слух о приезде моей любимой музыкальной группы на наше маленькое торжество — всего лишь слух, и не верила в это до того самого момента, когда подвешенный для нашего спектакля занавес снова раздвинулся.

Невероятно! Это были они! Суровый Джим, несравненная Шэрон со скрипкой наизготовку, румяная Кэролайн и... мраморная красавица Андреа. Увидев Андреа, я замерла. Она так прекрасна...

— А знаешь, — сказал мне Крис на ухо, чтобы я услышала его среди диких визгов и аплодисментов, — Ты похожа на нее.

— На кого?

— На Андреа. Вы похожи внешне.

Я заулыбалась.

— Ты пытаешься мне польстить?

— Брось, я не вру, вы очень похожи, только она выглядит старше. Она и есть старше тебя.

Я со скептицизмом помотала головой и принялась хлопать вместе со всеми.

Наконец аплодисменты утихли, в основном благодаря тому, что певица распростерла руки, жестом прося слушателей замолчать.

Но музыки не последовало. По залу разлился лишь одинокий голос Андреа, ласковый и бархатистый. Она пела, и я готова была поклясться, что она смотрит прямо на меня:

There's a pain in her heart
She's trying so hard to unwind.
Makes her cry in the night
When vision's so real make her blind...
Wants to break through the fear,
Erasing the scars from within,
Start a new kind of being:
She's down and she's praying again...
Show me the way
Show me tell me how
Help me be brave for love...

В ее сердце боль,
Которую она безуспешно пытается задавить
Боль, заставляющая ее рыдать по ночам,
Когда перед глазами встают образы
Настолько реальные, что ослепляют ее.
Она хочет прорваться сквозь этот страх,
Хочет стереть свои шрамы изнутри
Начать новую жизнь:
Снова она на коленях, снова она молится
Укажи мне дорогу,
Укажи дорогу, скажи как мне быть

Show me the way
 Show me tell me how
 What do you say?
 You say she should be
 Turning the key, unlocking the door
 Embracing the roller coaster world
 Stepping outside with body and soul
 Taking whatever future holds...

Помоги мне быть храброй в любви
 Что Ты скажешь мне?
 А Бог скажет —
 Поверни ключ, отпри дверь
 Открой объятия безумному водовороту мира
 Выйди наружу, выпусти тело и душу
 Прими то, что готовит для тебя будущее...

Она заклинала МЕНЯ. Она говорила МНЕ. Может ли такое быть? Когда песня закончилась, я почувствовала, что по щеке ползет одинокая слезинка.

Но уже в следующую секунду, не давая слушателям загрустить, задорно взвизгнула скрипка, и танцующие пары устремились в центр зала.

— Сегодня ведь ты не будешь краснеть? — с улыбкой спросил Крис, подавая мне руку.

— А ты — бледнеть и пытаться наступить мне на ногу? — отозвалась я, подмигивая с ехидной ухмылкой.

— Я люблю тебя.

— Я тебя.

Мы присоединились к танцующим. Да, сегодня все было так легко и просто, и я не задумывалась, хорошо я танцую или плохо, и не стеснялась смотреть ему в глаза, и крепко держать его. Мы не отрываясь глядели друг на друга, и это привлекало чужие любопытные взгляды.

Наплевав на все и всех, Крис горячо поцеловал меня, не прерывая танец.

Закончилась пятая песня. Несколькими минутами раньше профессор Снейп ворвался в зал и увел за собой всех преподавателей, так что за нами никто не следил, кроме злобно поглядывавшего из угла Филча. Шэрон взмахнула смычком и полилась одна из моих любимых мелодий: кельтская песня о мальчишке-менестреле, основанная на легенде согласно которой юный певец вылечил смертельно больного короля своими песнями. Мне стало интересно, что будет делать Андреа: может быть сыграет на флейте, ведь в этой песне нет слов, — и я повернула голову в сторону сцены. Однако Андреа решительно подобрала полы длинного коричневого платья и, сойдя со сцены, направилась в гущу студентов. Все расступались перед ней, как будто боясь обжечься, но никто не мог отвести взгляда от ее величественной осанки и уверенного лица. Мы с Крисом замерли. Неужели... но ведь... да, так и есть. Она подошла прямо к нам и, с улыбкой кивнув мне, спросила неожиданно хриплым голосом:

— Ты позволишь?

Я промычала что-то невнятное в ответ: близость кумира лишила меня дара речи, и отступила в сторону. Андреа незамедлительно заняла мое место рядом с Крисом. Мне стало его немного жалко: он был белый как мел и весь дрожал. Вот уж тут его совесть тяжело поплатится, если он наступит своей партнерше на ногу! Между тем меня пригласил какой-то старшекурсник из Хаффлпаффа.

31 октября

Я чуть не сдох прямо на месте. Селена посмотрела на меня так, как будто меня только что прилюдно оклеветали. Но факт оставался фактом... Андреа Корр пригласила меня на танец! И это при том, что белый танец никто не объявлял. Я сперва подумал — ну зачем ей я? Любой из студентов был бы счастлив просто прикоснуться к ней! А потом она заговорила прямо мне на ухо, тихо и четко... Когда она говорит, у нее совсем иной голос...

Она сказала:

— Мне было видение. Я хотела рассказать тебе, что видела, — Да, я слышал раньше, что Андреа считают ясновидящей, но это совершенно в моем сознании не вязалось с ее образом. Она аккуратно и со вкусом одевалась, следила за собой. А как пела! Ясновидение у меня ассоциировалось только с приступами полоумной стрекозы Трелони, ее диким воплями, звоном десятков бус на ее длинной неуклюжей шее, но вовсе не с этой спокойной и мягкой фразой «Мне было видение».

— Мне рассказать? Почему мне?

Ну да, я это спросил. А что я еще мог ей сказать? Думаю, это вообще хорошо, что у меня язык не отнялся.

— Только что. Девушка, которая была с тобой... Селена...

— Откуда Вы знаете?! — выпалил я. А действительно, откуда?!

— Не перебивай. Ей грозит беда. Будь с ней рядом, пожалуйста. Оберегай ее... даже от близких тебе людей. Ото всех. У тебя есть шанс уберечь ее. И еще... То, что вы с ней сделали летом... Последствия уже начались.

Вот примерно так она сказала. Я не успел ничего ответить. Да что там, я остолбенел. А между тем песня закончилась и она оставила меня. Теперь к ней бросилось сразу несколько старшекурсников, пытаясь наперебой пригласить Андреа на танец, но она величественным жестом отказала им всем и снова поднялась на сцену.

— Я хочу сказать вам... Берегите своих любимых. Следующая песня об этом.

Селена радостно хлопала в ладоши, когда Андреа достала флейту и, присев на краешек табурета, заиграла на ней. Селена говорила, что любит флейту... А я смотрел на любимую и думал... Последствия начались? Что это значит? Как же мне не терпится узнать...

* * *

— Последствия уже начались? Она так сказала?

Крис кивнул.

— И ты ей веришь?

— Почему-то верю. Ведь в любом случае... Что-то странное происходит. Каркарова убили...

— Но как это связано с нашим пониманием справедливости?

— Не знаю.

Он нехотя отпустил мою руку. Мне кажется, он действительно принял это «пророчество» всерьез.

— Нам пора расходиться, — сказала я.

— Да, — ответил он, — пора, — но не выпустил мою ладонь.

— Что такое, Крис?

— Я не могу, я боюсь за тебя.

— Брось, я в безопасности в гостиной. С утра за завтраком ты увидишь меня живой и здоровой.

— Если бы ты сейчас должна была идти не в подземелье, а в башню Рейвенкло... — он запнулся и посмотрел мне в глаза, — я бы не оставил тебя даже ночью.

— Спокойной ночи, любимый, — я аккуратно высвободила руку, поцеловала его в щеку, и поспешила вниз по лестнице, спиной чувствуя его взгляд.

Я сдержала обещание: на завтрак явилась. Здоровой и даже выспавшейся. Но от меня не скрылся его взволнованный взгляд.

— Как ты? — спросил он, выловив меня на выходе из зала.

— Крис, прекрати за меня трястись. Ты ведешь себя так, будто я вот-вот развалюсь на части! — недовольно сказала я. Он насупился, — ладно, извини, я не хотела тебя обижать. Но я действительно в порядке. Зато ты выглядишь не очень.

— Э?

— Ты не выспался?

— Ну как сказать...

— Так и скажи.

— Какой у тебя урок?

Первым уроком в тот день была трансфигурация.

— Я провожу тебя до кабинета, мне на прорицание. Еще есть время.

Молча мы дошли до аудитории, и остановились перед дверьми. Почти никто еще не пришел.

— Ну так? — я повернулась к нему и застыла в ожидании.

— Со мной что-то неладное. Помнишь, я тебе говорил, что мне снится, что я летаю?

— Помню, — сентиментально улыбнулась я.

— Сель, по-моему я начинаю превращаться, — резюмировал он на одном выдохе, без дальнейших предисловий.

Я ждала этого, если честно. Я ждала, что это обязательно начнет происходить. Отчасти я даже этого хотела. Эгоистичное и болезненное желание доказать самой себе, что не заблуждаешься в своих подозрениях. Ответ на эту его реплику у меня был готов уже давно.

— Без паники. Иди по проторенной дорожке. Отправляйся в больничное крыло и попроси у мадам Помфри зелье для сна без сновидений, скажи что нервничаешь из-за уроков.

Он кивнул.

— А потом... бери свою волю в кулак.

— По-моему, именно это Андреа и имела в виду, — задумчиво сказал Крис.

— Может быть, — теперь я вынуждена была допустить мысль, что Андреа действительно провидица, — Ну ладно, увидимся на маггловедении.

Он еще раз кивнул и, развернувшись на каблуках, ушел.

Следующие дни... как в тумане... Победа Рейвенкло в первом матче по квиддичу, странный пожар в Запретном Лесу, мертвый кентавр, обнаруженный там учителями, Кэти в больничном крыле, прибытие дрессировщиков драконов, российского министра магии, потом огромного дракона-бронепанциря и слухи, слухи, слухи... Что-то происходило... Но что... Мы были слишком далеко от эпицентра этих событий, чтобы понять... Лишь через неделю до нас дошли разрозненные и туманные вести о том, что могло произойти с Кэти. К ней никого не пускали. Говорили, что она окаменела или впала в кому. Говорили, что она использовала заклятье Ригор Энигма. Мощное заклятье кентавров, чтобы скрыть тайну... Я допускала мысль о единственной тайне, которую Кэти могла бы скрывать. Ее отец... приспешник. Предатель. Ее отец был обнаружен мертвым несколько дней назад.

В выходные нас отпустили в Хогсмид. Зайдя в «Три Метлы» мы обнаружили там мисс Григорьеву, сидевшую за одним столиком с Чарли Уизли, дрессировщиком дракона. Чарли был похож на своих братьев: разве что куда привлекательнее внешне. И никакой злости в его глазах не было. Он показался мне спокойным и мирным человеком.

— Вы не видели Джорджа Уизли? — спросила мисс Григорьева. Как раз в эту минуту Джордж зашел в таверну.

Мы с Крисом взяли по бутылке сливочного пива и пошли прогуляться. Сразу после того как мы вышли, дверь снова хлопнула и мисс Григорьева выбежала, с красным лицом и безумными глазами, а следом за ней бежал Джордж Уизли. Мы переглянулись:

— Нет, определенно происходит что-то странное, — отхлебнув из бутылки, сказал Крис.

— Да уж, — отозвалась я глядя вслед Джорджу, который на ходу кричал «Инга! Инга, стой!», — Это очень странно. Студент называет преподавателя по имени.

— Любовь витает в воздухе, — пожал плечами Крис и чмокнул меня в щеку, — Этому месту нужна встряска.

— Муахахаха!!! Не смей ходить в астрономическую башню, там уже занято!! — я скорчила грозную гримасу и мы оба рассмеялись. При этом от меня не скрылось, как Крис покраснел, явно не от холода.

Глава XVIII. Bellum Internecium

22 ноября

Возможно, у меня уже успела развиться паранойя. Но когда я увидел за ужином сову, я пожалел что у меня нет арбалета чтобы пристрелить птицу на полете к слизеринскому столу. Не время, не время... Она не может принести хороших новостей. Я поднялся со стола прежде чем Селена открыла конверт. Когда она читала, я уже бежал к ней. А когда она упала... я уже успел ее подхватить на руки... Она показалась мне невесомой. Прозрачная кожа, сквозь которую видны кровеносные сосуды, глаза, не успевшие заплакать... Это было ТО САМОЕ!

Я дождался того, чего страшился больше всего.

Две минуты ее голова безвольно висела, пока я вяло пытался привести ее в чувство. Но я сам не знал, что делать... Безрезультатно. Сквозь какую-то пелену до меня донесся голос мадам Помфри. «Она уже не вылечит ее. Она не вылечит ЭТО».

Потом коридор. Землистое лицо профессора Снейпа. Двери. Снова двери. Плохо помню, как я ее донес. Плохо помню, что я говорил, когда меня оттуда выставляли. Помню только что мадам Помфри покраснела. Я крепко выругался на нее. Потом осел у двери. И обнаружил что я плачу. Хорошо, что меня никто не видел. Плохо... плохо, что у меня так мало сил.

* * *

Я оглядываюсь назад и думаю — стоила ли моя жизнь хоть чего-то? Чего я добилась? Куда пришла? Зачем я осталась одна именно сейчас?

А разве не была я одна до этого? Что у меня есть? Крис. Но теперь... могу ли я знать, останется ли он со мной, после того что произошло? И могу ли я быть уверенной в том, что и со мной не произойдет тоже самое, что с отцом, завтра? «Его схватил Джейкоб Фоусетт» — слова Бесси из этого короткого письма отпечатались у меня в голове как раскаленное клеймо.

О Боже... о Боже...

* * *

— Плохо дело, профессор, — сказала мадам Помфри, потирая уставшие глаза, — я была с девочкой всю ночь, почти не спала. Пыталась залить ей лекарство, но не действует. Она пожирает себя сама. Всю ночь лежит и разговаривает сама с собой. Я уже выслушала столько всего... По-моему она сама себе рассказывает свою жизнь, и я...

Снейп жестом заставил ее замолчать.

— Отдохните, — сказал он, — я побуду. Можете позвать Фоусетта.

— Но сэр, мальчик может только...

— Позовите Фоусетта! — сказал Снейп сквозь зубы тоном, не терпящим возражений.

Селена лежала на пропотевших простынях и тряслась в лихорадке. Человеку, который не знал, что произошло, могло показаться, что она умирает. Причем умирает в агонии.

Профессор присел рядом. Она действительно без конца что-то бормотала, иногда бессвязно, а иногда можно было разобрать отдельные слова или даже обрывки фраз. Послышался шум, и в крыло вбежал Фоусетт. Он бросился к кровати подруги, чуть не уронив на ходу ширму, заслонявшую ее. Но, заметив Снейпа, попытался взять себя в руки и замер у постели. Не сказал ни слова.

Переведя взгляд с него на девочку, профессор заметил, что у нее широко открыты глаза и встrepенулся. Неужели очнулась? Однако более пристального взгляда было достаточно чтобы понять: ее глаза не видят то, что происходит вокруг. Они подернуты туманом и глядят лишь внутрь. Внутрь воспоминаний и боли.

— Папа, — отчетливо проговорила Селена, — Папа!!! — позвала она чуть громче.

Профессор и мальчик молчали.

— Папа!!! — Селена хаотически завертела головой, в стороны полетели капельки пота с ее лба, — Папа, где ты?!

Последние остатки сомнений были сметены моментально.

— Я здесь, — сказал профессор Северус Снейп, обнимая ее и укладывая обратно в постель, — Я здесь, доченька.

Селена облегченно опустила веки. Она спала.

— Можете пропустить занятия, Фоусетт, и остаться с ней, — сказал Снейп шокированному студенту, стоявшему как истукан, без малейших движений, и белому с лица. Потом поднялся. И ушел, пряча под мантией свои руки — они бешено тряслись.

Через час Селена пришла в себя. И первое что она сказала, было:

— Мне надо поговорить с мисс Григорьевой. Мне надо рассказать ей про отца Кэти.

— Давай я лучше позову профессора Снейпа, — сказал Крис, поглаживая ее по щеке.

— Нет. Да. И его тоже. Позови мисс Григорьеву, Крис, пожалуйста. Нет, Крис, стой...

— Да?

— Ты все еще любишь меня?

— Глупая, что значит «все еще»? Я, я должен у тебя это спрашивать! Конечно, я люблю тебя...

* * *

— Всем встать!

Шорох одежды, все поднимались со скамей и с одинаково каменными лицами наблюдали за тем, как присяжные занимают свои места. Наконец вершители суда расселись, следом за ними все остальные.

— Ввести обвиняемых!

Четверо дементоров под руки ввели двух мужчин. Одного молодого, с рыжеватыми растрепанными волосами, другого — зрелого, высокого, темноволосого. Обоих усадили в черные кресла, и вокруг их щиколоток и запястий тут же намертво защелкнулись цепи.

— Патрик Юджин Малис и Эван Нотт. Вы предстали перед судом по обвинению в ряде тяжелейших преступлений. Суд уже выслушал свидетелей и не допускает сомнений в вашей вине. Чистосердечное признание смягчит наказание.

Оба молчали. Патрик безвольно свесил голову — похоже, он был на грани того, чтобы лишиться сознания. Эван холодно оглядел присяжных, но не вымолвил ни слова.

— Что ж... — судья кашлянул и снова поднялся с места, — Патрик Юджин Малис, Вы обвиняетесь в: изготовлении зелий, запрещенных к изготовлению и применению Всеобщим Конвентом Магов с 1632 года, в школе Магии и Колдовства Дурмштранг, под прикрытием преподавателя зельеделия, что и само по себе нарушение закона, и значительно подрывает межнациональные отношения, ввиду того, что Дурмштранг находится на территории другого государства, — судья прокашлялся и продолжал торжественным голосом, — Далее, вы обвиняетесь в применении непрощаемого заклятья Империи на вашем сводном кузене Людвиге Нотте, а также двух сотрудниках Министерства Магии, имена которых здесь не разглашаются, и делали это в первом случае по требованию Вашего отчима, во втором — по требованию непосредственно Того-кого-нельзя-называть. Далее. У Вас имелась достоверная информация о том, что Ваш отчим Эван Нотт совершил ряд убийств, и Вы сокрыли ее. Таким образом, Вы являетесь соучастником совершения и сокрытия преступлений. Суд присяжных заседателей приговаривает Вас за Ваши преступления к двадцати годам заключения в Азкабана! Хотя надо бы пожизненно, — последнюю фразу судья проговорил вполголоса, но Снейп, сидевший неподалеку, прекрасно расслышал его.

Профессор растер виски пальцами. От духоты и висевшей в воздухе брутальности у него раскалывалась голова. Кроме того, ему невыносимо хотелось вернуться в школу, ибо он чувствовал, что там нужнее, несмотря на то, что Дамблдор сам попросил его присутствовать на суде. Он знал, что вся эта церемония была глупой формальностью: судьба преступников уже давно была решена. Снейп посмотрел налево. С лицом, которое сияло дикарским триумфом, во втором ряду напротив восседал Джейкоб Фоусетт. На его щеке теперь красовался шрам — через много лет после школы Эван наконец дал ему сдачи — но он вел себя так, будто это украшение, будто оно ему к лицу. Он гордился собой и не скрывал этого. Снейп очень удивился, что здесь нет третьего и четвертого кресла соответственно для Селены и Людвига. Но кто знает, выражение лица Фоусетта говорит о том, что он вполне допускает такое продолжение пиршества.

Профессор с тяжелым сердцем поймал следующие два слова судьи. Он не желал этого слушать. Нет, нет.

— Эван Нотт, — и все глаза, как один, повернулись к Эвану, — Ваши преступления столь жестоки, бесчеловечны и многочисленны, что нет нужды перечислять их все. В подвале Вашего дома было совершено четыре ритуальных убийства, а одним из убитых был Ваш новорожденный

сын Дональд Нотт. Вы — один из самых преданных сторонников Того-кого-нельзя-называть. За ваши чудовищные преступления суд приговаривает Вас к Поцелую. Приговор будет приведен в исполнение ровно через три дня.

Эван так и не произнес ни слова. На секунду повисла пауза — кричащая тишина — а затем толпа разразилась варварскими аплодисментами.

* * *

В первый раз в жизни Селена поняла, зачем люди напиваются до утраты собственного Эго, как это регулярно делал ее брат. Она не испытывала этого желания раньше, но сейчас четко знала: она хочет напиться. Напиться и потерять память хотя бы на несколько часов. Но это было невозможно. Да и зачем?...

— Она отравилась, — сказала Селена наконец, сглатывая комок в горле, — Она написала мне все, вот здесь, — и протянула Крису несколько листов пергамента, мелко исписанных текстом. Он покачал головой и отстранил ее руку.

— Ты должна рассказать сама. Тебе будет легче. Прости, но я не буду читать. Выпусти это...

— Ее нашли в доме, в моей комнате, — с готовностью начала Селена, — Ты помнишь этот крест, которым мы открывали дверь в подземелье? В нем был черный камень. Якобы. На самом деле это была капсула с цианистым калием. Второй такой крест был у моего отца, но он не успел... им воспользоваться. Перед этим написала мне письмо. Пич... моя мать... У нее был другой ребенок помимо меня. Мальчик. Его назвали Дональд, он был на год младше меня. Темный Лорд проводил в поместье отца темные ритуалы... они включали в себя принесение в жертву людей... Они убили двух магглов и еще одного мага. А потом у Темного Лорда возникло сомнение в преданности моего отца. Бесси не знает, чем это было вызвано. Но Сам-знаешь-кто потребовал у отца, чтобы в знак своей преданности он принес в жертву одного из своих детей. Это было за несколько недель до Падения Сам-знаешь-кого, и с помощью ритуала, в котором надо было убить ребенка, он собирался приобрести еще больше мощи и власти... и власти над моим отцом в том числе. И отец принял условие. Бесси считает, что он ни на минуту не отворачивался от Темного Лорда и был готов на все, чтобы доказать свою приверженность. И он спросил у моей матери... кого из нас она любит больше. Наверное... наверное, потому что сам он не испытывал к нам никаких чувств. Мать посмеялась над ним, но сказала... она сказала, что Дональд очень беспокойный ребенок и доставляет ей много хлопот, но она любит нас одинаково. Крис... на месте Дональда могла оказаться я... Ночью матери не спалось, и она услышала, что внизу какие-то люди. Она спустилась. Голоса увели ее в цокольный этаж. Я не знаю, как это случилось, Крис... я не знаю... и Бесси не знает... но мама увидела. Она увидела Дональда уже после того как его зарезали. Увидела его труп. И тоже умерла, на месте... По крайней мере так... так считает Бесси... Может они ее и убили, но... нет, скорее всего умерла от того, что увидела... Все четыре жертвы были похоронены в саду, а потом на этом месте специально поставили оранжерею и отец приказал выращивать самые красивые цветы, чтобы ни под каким предлогом этот участок земли не рыли.

Селена откашлялась — во рту пересохло. Крис молча протянул ей стакан воды. Она отпила пару глотков и продолжила:

— После этого Темный Лорд пал. Отца арестовали но, как ты знаешь, оправдали... Он придумал очень удачную ложь: настаивал на том, что Темный Лорд угрожал ему смертью сына и жены, отец противился его воле, и тогда Сам-знаешь-кто убил маму и похитил Дональда. Дональд с тех пор считался пропавшим без вести. А отца признали невиновным. Когда я обнаружила скелеты, Бесси использовала на мне заклинание, лишаящее сознания. Она пишет... пишет, что хотела мне добра и не хотела, чтобы я узнала правду... только поэтому...

Следующее... Кольцо и брошь. Достались Сам-знаешь-кому по наследству от его далекого предка, Салазара Слизерина. Говорят, долгое время они хранились где-то, потому что их спрятала его мать, которая умерла родами, он разыскивал, в результате нашел и отдал моему отцу на хранение. Поскольку их действие было непроверенным, артефакты оставили на черный день, так сказать... Я до сих пор не знаю, зачем Патрик подарил мне кольцо. То ли действительно потому, что его не стали бы искать там, где оно находилось, то ли чтобы обвинить отца... И я не знаю, каким образом Патрик тоже попал под влияние Сам-знаешь-кого, и почему отец доверял ему все это... где лежит кольцо и прочее... Может Патрик шантажировал отца... А может отец как-то убедил его... Что-то наобещал... А может дело не в отце, а в том, что Патрик сам мечтал стать могущественным темным магом. Он получал огромные деньги за изготовление

и продажу запрещенных зелий в Дурмштранге. Мне никогда не понять его мотиваций... У меня возникала даже мысль, что он хотел отомстить отцу за маму, то тогда почему он действовал так нелогично? Когда мы поехали на чемпионат, Патрик уже знал, что случится. Но видимо, он сомневался в себе и своем решении, и поэтому отдал мне крест с ядом под видом украшения. Может быть, так он просил прощения. Я не думаю, что он хотел, чтобы я им отравилась. Тем не менее, когда он заметил, что я увидела и узнала отца, он ударил меня по голове чем-то и я потеряла сознание. Людвиг был случайным свидетелем этого и тогда он прочел на Людвиге заклятье Забвения но, будучи по также неизвестным мне причинам, неуверенным в результате, использовал на нем Империиус... Все... Остальное ты знаешь.

— Не знаю одного, Сель... Я не знаю, каким образом мой отец нашел эту лабораторию, скелеты, как понял...

Селена усмехнулась.

— Дневник, Крис. Джейкоб читал твой дневник.

Повисла пауза.

— О Боже... — Крис побледнел и спрятал лицо в ладонях.

— Нет, пожалуйста... Умоляю тебя, Крис... Не обвиняй себя... Ты не виноват.

— Я не виноват?! — воскликнул Крис и вскочил, — из-за меня ты осталась без семьи.

— Отец получил по заслугам. У меня и не было семьи, Крис. В тот день, когда я села на поезд в Хогвартс, я потеряла ту семью. Зато обрела другую. Настоящую. Тебя...

Селена поднялась и обняла его.

— Ты не виноват. Не виноват. Не виноват, — повторяла Селена снова и снова, поглаживая его по спине.

— Я никогда не оставлю тебя, — отстраняясь, решительно сказал Крис, — раз уж так случилось по моей вине... Я не оставлю тебя никогда.

Селена посмотрела в пол.

— Но я должна...

— Что?

— Я должна попроситься с отцом.

— Ты уверена?

— Да, — сдавленно произнесла она, и по ее щекам потекли слезы. Крис достал из кармана клетчатый платок и принялся вытирать ее лицо. К его удивлению, Селена улыбнулась.

* * *

— Ты ведь можешь спасти меня, Селена, — с мольбой в голосе проныл Эван, шаря глазами по стенам и запертой снаружи решетчатой двери, — Ты можешь!

Минуту она оставалась без движения. Она не думала, что делать, она лишь размышляла, откуда ее совести взять потом оправдания, да и найдутся ли они.

Однако Эван этих рефлексирований не заметил, он облизнул засохшие губы и закрыл лицо руками, чтобы его уродство, несмываемая грязь на нем, не пробудила в дочери очередную порцию ненависти.

— Посмотри мне в глаза, — сказала Селена требовательно; в этот момент она походила не на Дочь, а на Хозяина.

Эван послушно, но пугливо словно жертва, отвел руки от лица. Селена прищурилась.

— Ты думал о том, что сделал? — продолжала она тоном судьи.

Эван молчал, судорожно всхлипывая. В самом кошмарном сне Селена не могла представить, что отец когда-нибудь предстанет перед ней **таким** — грязным, жалким, замученным. В противоположность той надменности и величию, которая всегда сквозила в его поведении, походке, гордом взгляде.

— Так ты думал?

— Думал ли я?... — протянул Эван, с опаской оглядываясь на решетку, невдалеке от которой, прямо за углом, стояли невидимые сейчас дементоры-охранники, — Я... я не перестаю думать... Эти мысли жрут меня как черви. Как будто я уже труп и лежу в могиле, но все чувствую, как они вгрызаются в мое тело и ползают по моим кишкам.

Ни один мускул не дернулся на лице Селены: она внимательно слушала.

— Ээээто они! — завыл он, дрожащим пальцем указывая на дверь, — Они заставляют меня снова все переживать!

— Что переживать? — безжалостно спросила Селена.

Отец закатил глаза, как фанатик в религиозном экстазе, и вскинул голову:

— Пич.... Она даже не успела сказать мне слово: она только посмотрела мне в глаза и упала и больше не очнулась...

Перед Селеной, как наяву, всплыло одно из самых ярких воспоминаний детства — белое лицо матери, сложившей руки на груди в усыпанной цветами постели, которую потом закрыли крышкой и опустили в землю. Она помнила, как рыдал отец, упав на колени, и прикрывая уши руками, чтобы не слышать, как двое могильщиков, лихо работая молотками, заколачивают гроб десятисантиметровыми гвоздями.

— А ведь я выбирааааал! — прокричал Эван сквозь рыдания, — Я выбирал между тобой и Дональдом! Она тебя любила больше, это ради нее я выбрал тебя! От Дональда у нее обвисла грудь, она сама мне так сказала! — всхлипывая в истерике, но уже без слез, он продолжал, — Он орал, когда его клали на стол, он знал, что ему перережут горло аааааа! Он все знал, он все понимал! — Эван повалился на колени, — А Макнейр, он даже не дрогнул, «заткнись мелкая тварь, заткнись!»...

Селена ощутила за спиной движение — к решетке приблизился дементор, шелестя своим плащом: на девушку дохнуло смрадом, но ни холода, ни отчаяния она не ощутила — скорее, еще больше уверенности в том, что собиралась сделать.

— А потом было столько крови... потом ему разрезали грудь и вытащили сердце... маленькое... вот такое... мне казалось, оно еще билось... — Эван уже не говорил с дочерью, он обращался сам к себе, — Гоосподи!!!!!! — взвыл он, воздевая руки к каменному потолку, с которого капала ржавая вода, — Господиииии прости меня!!!!!!

Дементор отплыл прочь от камеры, двинулся по коридору; даже имея он глаза и уши, безмолвный страж уже не заметил бы на полу гремучей змеи — она застыла словно в нерешительности, потом зашипела, поднявшись ровно на половину своего недлинного скользкого тела над полом и открыла пасть — медленно, как выдвигающийся рычаг, из-под верхней челюсти показался желтый от стекающего яда зуб. Змея помедлила еще секунду, затем рывком бросилась вперед.

* * *

Проходя мимо дементора, Селена остановилась, ожидая, пока он с шумом втянет воздух дырой на лице, или протянет к ней свою уродливую, покрытую струпьями руку, но безмолвный охранник в черном плаще не шелохнулся. Тогда она, еле сдерживая готовый вырваться истерический смех, подобрала подол длинной клетчатой юбки и медленно, старательно присела перед дементором в «глубоком техасском» реверансе. Она делала это в последний раз, она кланялась всему, что прошло, закончилось, и останется навеки за этими дверьми и ржавыми замками, охраняемое пожирателем мыслей, стражем Азкабана.

Вечером из ворот форта выволокли два трупа и, завернув в холщовые мешки, без гробов, почестей и цветов, сбросили в одну могилу, вырытую накануне. В окрестностях тюрьмы Азкабан, на маленьком островке посреди бушующего моря, под вечно серыми облаками, была всегда заранее приготовлена свежая могила — здесь умирали часто. Кто-то отказывался от еды и воды и умирал от истощения. Кто-то перегрызал себе вены и умирал быстрее и менее мучительно, погрузив руки в таз для умывания, как один из этих двоих, молодой мужчина лет тридцати, с длинными кокетливыми ресницами и женственными чертами лица... У кого-то мобилизовались старые болезни и открывались старые раны. Как умер второй из этих двух — оставалось неясно: желтая кожа, закотившиеся глаза. Возможно, он нашел что-то, чем смог отравиться.

В любом случае, оба сбежали из ЭТОГО ада. А попадут ли они в другой ад, или тот, кто смотрит на нас сверху, простит их, этого мы никогда не узнаем. Можем лишь предположить, что одному из них, тому что старше, вероятно повезет — ибо он успел раскаяться в содеянном перед смертью...

* * *

— Я не понимаю тебя, — воскликнул Крис, — Я не понимаю!

Джейкоб не торопясь свернул папиросу и с наслаждением закурил. Сквозь пелену вонючего дыма он смотрел как его старший сын Кристофер ходит туда-сюда по комнате, сжимая кулаки.

— А по-моему я очень ясно выразился. Эта мразь, которую ты хочешь сделать своей женой, никогда не войдет в нашу семью. Никогда. Я никогда не дам тебе позволения. И знаешь что

я тебе еще скажу? Я буду следить за ней, до тех самых пор пока ни найду, в чем ее можно обвинить. Чтобы она отправилась вслед за своими любимыми папочкой и братцем.

— Ты не посмеешь, — процедил Крис сквозь зубы, замирая посреди комнаты.

Джейкоб усмехнулся и сделал новую затяжку. Он ощущал свое превосходство — ощущал его физически.

— Еще как посмею. Яблоко от яблони недалеко падает. Я не знаю, какими чарами она тебя околдовала, что ты не видишь ее истинного лица, но знай — потом ты мне еще спасибо скажешь. Такие дети всегда должны расплачиваться за грехи ТАКИХ родителей, как Нотт.

— Если это так, папа, — последнее слово Крис произнес с нажимом, — То какую чудовищную цену я должен буду заплатить за твою греховную глупость? Может быть мне стоит прямо сейчас пойти и повеситься, а?

— Ты ничего не понимаешь, — спокойно отозвался Джейкоб.

— Да, я не понимаю ничего! — выкрикнул Крис иступленно, хватая отца за грудки, стаскивая со стула и прислоняя к стене. От неожиданности Джейкоб не смог воспротивиться, кроме того его сын был намного сильнее физически. Папироса выпала из его открытого в удивлении рта, — И не хочу понимать, — Крис приподнял Джейкоба над полом, и приблизил свое лицо к его лицу, — И если хоть один волос упадет с ее головы, *папа*, я клянусь, я тебя убью. Голыми руками.

Он отпустил Джейкоба и тот мешком свалился на пол.

— Ах ты мелкая мразь! — не без труда Джейкоб поднялся и бросился на сына с кулаками. Тот его опередил и со всей силы ударил отца в живот, от чего тот согнулся и зашипел от боли.

— Ты... поганая... тварь... сучонок... щенок, — задыхаясь, проговорил Джейкоб, — Уходи... у меня больше нет сына. Уходи! — наконец он выпрямился и жестом, который ему очевидно показался величественным, указал сыну на дверь. Крис усмехнулся и без лишних слов направился к дверям. У Джейкоба дрожали руки. Он в бессилии повалился на стул и схватился за пакет с табаком. Покомкал его, кинул в стену и зарычал как раненый зверь.

Крису на плечо легла рука.

— Сынок...

— Мама..., — он обернулся.

По щекам Мелиссы текли слезы.

— Прости его, сынок...

— Мама, я не...

— Ради меня, прости его. Хотя бы... хотя бы когда-нибудь. Он не понимает, что говорит и делает. Он слепо мстит. Когда-нибудь, быть может, он поймет... Но если ты не простишь его — этого не произойдет никогда.

— Мама, я должен уйти.

— Я знаю.

— Пожалуйста, не презирай меня.

Мелисса всхлинула и бесконтрольно зарыдала.

— Сынок... Как я могу... Я так люблю тебя. Ты же моя кровинушка...

С лица Криса не сходило суровое выражение, когда он обнял мать.

Кровинушка... Он такая же кровинушка чудовища, которое мало отличается от тех, за кем охотится. Который ничем не лучше Пожирателей. И если дети взаправду платят за грехи родителей... сколько он должен будет заплатить? Когда? Как?

— Главное, чтобы ты был счастлив, — Мелисса вытерла лицо рукавами, и подтолкнула его к двери, — А теперь иди. Если захочешь, ты сможешь вернуться... Просто... просто ему нужно остыть.

— Я больше не вернусь, — сказал Крис вполголоса, но как никогда уверенный в своих словах и бесшумно закрыл за собой дверь.

Эпилог

— А если бы кто-то решил написать про нас книгу...

Селена хихикнула.

— Нет, серьезно. Может быть, Ромео и Джульетта тоже жили себе, а потом вот неизвестно откуда вылез этот Шекспир и написал о них книгу...

— Нет. Наверное, Ромео и Джульетта — это все же выдумка. И потом, мы с тобой на них не похожи. Нас отличает то, что мы не полагаемся на других и не сходим с ума от любви, от того факта, что мы вместе или что наши семьи враждуют... враждовали. Мы сами держим судьбу в собственных руках... и зубах, — добавила Селена с горькой улыбкой.

— И все же, если бы о нас написали книгу, то как бы она закончилась? Наверное, с пафосом?

— Почему с пафосом?

— Потому что в том, что происходило много лет, было очень много пафоса, ты не находишь? Особенно последний год в школе. Трагизм, пафос... я читал это во вступительной статье к сборнику пьес Шекспира. Очень подходящие слова.

— Но сегодня Рождество.

— Да.

— И ничего особенно пафосного не случилось.

— Ну да. Но еще может случиться... Откуда мы можем знать, может быть, наша книга не подошла к концу, — сказал Крис, убирая челку со лба.

— С пафосом... хм... Ну, наверное, там бы говорилось о том, как вернувшись из Азкабана, я пошла к профессору Дамблдору и попросила у него перевести меня в Рейвенкло. А профессор начал говорить мне о том, что «мы — это наши решения, а решения, принятые нами единожды, мы не можем изменить, потому что дорогу избрать нам позволено лишь один раз, на перепутье» ну и все такое, от чего бы у меня глаза на лоб полезли, — слушая это, Крис насупился, — Хотя на самом деле он просто сказал мне, что в правилах школы нет такого пункта, и он не хочет делать для меня исключение, потому что я ничем не отличаюсь от других студентов и вообще от меня слишком много проблем и еще что уже скоро обед и не пошла бы я из его кабинета вон потому что у него много дел!

Крис улыбнулся.

— А еще? У тебя хорошо получается сочинять.

— Еще с пафосом? Хм... Ну, наверное автор рассказал бы о том, что мисс Григорьева и была тем самым приносящим равновесие элементом, и когда она выполнила свою миссию, ей нужно было уйти, и что упал огромный столп огня с неба и унес ее и Джорджа Уизли в другой мир.

— И что дракон придавил Чарли Уизли насмерть и все горько плакали, — добавил Крис.

— Хотя он всего-то парочку костей ему сломал и... эээ... придавил еще кое-где... Но в этом ведь уже нет пафоса и трагизма, если автор расскажет, что Чарли пообещали на всю жизнь остаться бесплодным.

— И автор ни за что не расскажет, что когда Инга исчезла, вдруг на ее месте появилась уродливая старая дева, настоящая Инга Григорьева из нашего мира, которая еще сварливее, чем профессор Типси, а Джордж Уизли забыл обо всем, что произошло, как будто теперь его подменили.

Крис повернул Селену к себе спиной и принялся заплетать ей волосы в косу. В камине потрескивал огонь.

— О, я почти приновился. Ты забыла про Айри. Автор никогда не рассказал бы, что его изловили в Лондоне и отправили в зоопарк. И о том, как мы его оттуда вытаскивали и о том, как он потом на радостях дома переел мяса и кукарекал от несварения желудка. Ну а как все закончилось бы по-твоему, в книге про нас?

— Ну, например вот так. Америка, какая-нибудь скалистая местность Бегут двое мальчишек... Ай, осторожнее!

— Извини. Подай заколку.

— Держи. Так вот, бегут мальчишки из какой-нибудь индейской резервации мимо скал и видят, что на одной из них сидит огромный прекрасный орел. Не смейся! А вокруг его лапы обвилась змея. Орел сидит и смотрит вдаль. И столько в его взгляде вечной печали и...

— Пафоса!

— КРИС!!! Не перебивай! В общем, он с тоской смотрит вдаль, и змея, обвившись вокруг его лапы, ...

— Тихо шипит «Крис! Ты кретин! Зачем ты меня сюда привел! Я хочу индейки! А в школе сейчас индейку на ужин подают!»

Селена рассмеялась и игриво ударила его по ладони.

— Наверное, там говорилось бы, что нам стало настолько больно жить в этом несправедливом мире, что мы решили навсегда остаться зверушками... И ни слова о том, что тебя пригласили в лигу юниоров сборной Шотландии, ни слова о том, что я закончила школу с отличием, ни слова о тех тысячах, которые я получила с продажи дома, и ни слова о других сотнях тысяч, которые отец оставил мне в Гринготтс как единственной наследнице. Автор все провернул бы так, как будто мы остались навеки несчастны и отреклись ото всех людей.

— Хотя на самом деле сейчас даже лучше. Я бы раньше никогда не посмел себе признаться в том, что без отца мне будет лучше.

— И я. А сейчас все стало...

— Проще, — закончил он, — Мы знаем, что нас ждет, никаких страшных неожиданностей. И знаешь, мне больше не хочется приключений. И мы правильно сделали, что выкинули талисманы в озеро. Потому что если бы мы этого не сделали... черт знает, что бы с нами было сейчас...

— Мне нравится быть человеком! — кивнула Селена, посмеиваясь, — А превращения оставим на героев книг.

— Я иногда перечитываю свой дневник, и так смешно становится. Я был таким... наивным! Просто жуть. Я думал, что если у меня все в жизни не идет кувырком, что если нет этого самого пафоса, то жизнь прожита зря. Единственное... я до сих пор не могу поверить, что профессор Снейп приезжал к нам на Рождество в гости! Раньше я такое мог представить только в кошмарах!

Он откинулся на диване и мечтательно посмотрел в прирученный огонь камина.

— Зато нам есть, что вспомнить.

— Да.

— А скоро мы сможем поделиться этими воспоминаниями.

Крис встрепенулся и провел рукой по ее животу.

— Ты как себя чувствуешь?

— Нормально. Только я опять хочу есть. Он такой прожорливый!

— А я думаю, что это она!

— Главное, чтобы не близнецы, — улыбнулась Селена и положила ему голову на плечо. Уютный звук — потрескивание сгорающих дров — убаюкивал, и глаза начали слипаться. Через минуту она уже спала спокойным сном без помощи зелий и знала, что ей не приснятся кошмары и, пока она будет спать, она не превратится в животное... Никаких неожиданностей... Никаких безумных приключений и страданий... Никакого... пафоса.

Крис накрыл свою жену пледом, поцеловал в лоб и принялся убирать со стола остатки рождественского ужина.

От автора

Ну вот я и написала ОиЗ. Признаться честно, я действительно хотела закончить с «пафосом», и закончила бы, будь этот фанфик дописан полгода или год назад. Но в последний момент у меня дрогнула рука... Я поняла, что хотела совсем не этого. Я писала ОиЗ в первую очередь для того, чтобы изложить на бумаге свои взгляды на жизнь и то, как они менялись с течением времени.

Во-первых, надрыв никогда не приносит ничего хорошего... И однажды любой человек пресытится чувствами на грани и захочет спокойного и тихого счастья. И дай Бог, если они ему достанутся. Детство уходит, оставляя восторженные воспоминания в голове, воспоминания о головокружительных приключениях, безумно опрометчивых поступках, и хочется спокойствия...

Во-вторых, самое главное в жизни для каждого из нас — это оставаться самими собой. Мы родились такими. Не нужно пытаться бежать от себя... Не нужно пытаться быть тем, кем ты не являешься. Если ты сможешь смириться со своим я, и принять самого себя таким какой ты есть, ты сможешь стать счастливым человеком и прекратить мучить себя бесконечными «а что было бы если».

И в третьих, и это самое главное, я считаю, что настоящая любовь, которая на года — это не любовь на надрыве, что ярко горит и быстро сгорает. Для настоящей любви нужно не палящее солнце и сумасшедшие эмоции, нет. Потому что человека не хватит надолго с такой любовью. Для настоящей нужно тепло, доверие, чувство, что ничего кроме этого человека тебе не нужно и... Если ты чувствуешь, что для того чтобы любить сильнее тебе нужны препятствия и преграды... то это уже не любовь. Зная человека много лет, пройдя вместе с ним через беды и горести... Лишь потом обретишь с ним настоящий Покой и настоящую Любовь. Как жаль, что я так поздно поняла это... как жаль, что мне так часто хотелось «надрыва».

Да и потом... я конечно могла бы закончить все плохо или никак, но... сейчас ведь канун Нового Года! Время, когда происходят чудеса. Считайте это маленьким чудом.

Мне даже немного легче, что после такого количества этого самого идиотского ТРАГИЗМА и ПАФОСА я, надеюсь, заставила Вас улыбнуться. С новым годом! Люблю вас!

Много Больших Спасибо:

Саммер за ее *Снейпа*, хотя стоит ли благодарить соавтора?

Окси за идеи. В частности, челка, Ирмик, челка!!!! Ох уж эта челка...

Тем, кто все это время читал и поддерживал. Я благодарна вам особенно за то, что вы не забыли меня за время полугодовой разлуки...

Тем, кто презирал меня и все равно читал — потому что если нет врагов, то и друзей скорее всего тоже нет.

Моей кошке за то, что согревала.

Котье aka *Sleepwalker'y* за верность, подаренное вдохновение и любовь. Я не написала ни строчки, пока мы были порознь, Кот. Ни строчки. А это свидетельствует о многом.

Моей сестре Диане, образ которой лег в основу образа Селены Нотт.

TheCorrs aka Гремучим Волынкам — за то, что они еще не подали на меня в суд за наглую эксплуатацию их образа в моих фанфиках.

Спасибо спасибо спасибо

Спаси Бог!

Одно большое неспасибо aka огромное и вонючее «ФЁ»:

Саймону Сноулоку aka **Аланору**, из-за которого у меня случилось помутнение рассудка и я осталась без вас и — БЕЗ САМОЙ СЕБЯ — на целых полгода.

Aguila et Serpenta inspirational songs

песни, которые меня вдохновляли на написание ОиЗ

GooGooDolls — Iris

под эту песню написаны практически все ключевые моменты

Edwin McCain — I'll be

Angie Aparo — Hush

Avril Lavigne — Too much to ask

Avril Lavigne — Tomorrow

Garth Brooks — If tomorrow never comes
The Corrs — Little Wing
The Corrs — Hurt Before
Ricky Martin&Christina Aguilera-Nobody Wants To Be Lonely
Dido — Here with me
Westlife — Loneliness knows me by name
Westlife — I have a dream
Lauren Christy — Walk this earth alone
Garbage — Stupid Girl
Jann Arden — Never give up on me
Alejandro Sanz — Mi primera Cancion
Cranberries — Animal Instinct
Savage Garden — Crash and Burn
Sting — Fragile
Vertical Horizon — When you cry
Vertical Horizon — Shackled
Vertical Horizon — Angel without wings
Vertical Horizon — Wash Away
Maroon 5 — The Sun
Lene Marlin — Playing my game
Shakira — Donde estas corazon
Hanson — I will come to you
Enya — Wild Child

Оглавление

Глава I. Alia Tempora	3
Глава II. Noli me tangere	7
Глава III. Timere serpens.....	10
Глава IV. Melioribus utire fatis	15
Глава V. Absit Omen.....	19
Глава VI. Heu quam est timendus qui mori tutus putat	23
Глава VII. Nihil humani.....	29
Глава VIII. Si vis pacem, para bellum	34
Глава IX. Coram populi	39
Глава X. Ora pro nobis!.....	43
Глава XI. Vi victa vis est.....	54
Глава XII. Verba magistri	65
Глава XIII. Inter arma silent leges	73
Глава XIV. Aguila non captat moscas	81
Глава XV. Amor tussisque non celantur?.....	87
Глава XVI. Amantes sunt amentes	93
Глава XVII. Inceda per ignes	103
Глава XVIII. Bellum Internecium	112
Эпилог.....	118
От автора.....	120